

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1891.

№ 17.

СЕНТЯВРЬ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

Стр.

Воззваніе къ Харьковской паствѣ. Преосвященнаго *Амвросія* 1—5

Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I и идея священнаго союза (продолженіе). Профессора Поворосійскаго Университета *В. Надлера* 257—294

Сочиненіе блаженнаго Августина: «О градѣ Божіемъ» (*De civitate Dei*), какъ опытъ христіанской философіи исторіи (окончаніе). Иеромонаха *Григорія* 295—320

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

Природа и жизнь по природѣ по Аристотелю. Ординарнаго профес. Императорскаго Харьковскаго Университета, доктора философіи *В. Зеленогорскаго* 187—208

Ученіе Шопенгауэра о бѣдственности человѣческой жизни, въ связи съ основными положеніями его философіи, и критика этого ученія (продолженіе). *А. Вечтомова* 209—228

III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. Опредѣленія Св. Синода.—Распоряженія Епархіальнаго Начальства.—Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.—Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго училища.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 16.

1891.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и поганій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ «Вѣра и Разумъ», издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства «Епархіальныя Вѣдомости», то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ «Листокъ для Харьковской епархіи», въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ № Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 руб., а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени» на Екатерининской улицѣ, въ книжномъ магазинѣ В. и А. Бирюковыхъ на Московской ул. и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, контора В. Гиляровскаго, Столѣшниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая ул., Гостиный Дворъ, № 45 и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884, 1885, 1886, 1887, 1888 и 1889 годы, по уменьшенной цѣнѣ, т. е. по 7 рублей за каждый годъ, и «Харьк. Епарх. Вѣдомости» за 1883 годъ, по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкой.

Πίστις νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 15 Сентября 1891 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

ВОЗЗВАНІЕ

Преосвященнаго Амвросія Архієпископа Харьковскаго

къ харьковской паствѣ

о помощи соотечественникамъ, бѣдствующимъ по случаю
бывшаго въ текущемъ году неурожая.

Изъ многихъ губерній Россіи идутъ къ намъ печальныя извѣстія о бѣдствіяхъ, постигшихъ жителей, вслѣдствіе неурожая. Разумѣется, больше всѣхъ страдаютъ въ этомъ случаѣ люди бѣдные. Они всегда живутъ въ нуждѣ, а теперь терпятъ и рѣшительный голодъ. Поэтому неотложная христіанская обязанность помогать неимущимъ получаетъ для насъ въ настоящее время особенное значеніе и требуетъ съ нашей стороны наиболѣе ревностнаго исполненія.

Но кромѣ общаго долга человеколюбія, есть для насъ нынѣ и другія сильныя побужденія къ исполненію этой обязанности. Голодъ, поражающій милліоны людей, есть общественное бѣдствіе; а общественныя бѣдствія, по ученію церкви, посылаются Богомъ за грѣхи народовъ для ихъ вразумленія. Кромѣ ученія Слова Божія, еще два средства употребляются промысломъ Божиимъ для направленія людей на путь истины и добродѣтели: первое—милости и благодѣянія Божіи, а

второе—знаменія гнѣва Божія, каковы—войны, повальныя болѣзни, землетрясенія, наводненія, засухи и пр. Оставимъ невѣрующимъ объяснять всѣ эти бѣдствія однѣми естественными причинами и бороться съ страшными силами и стихіями природы скудными человѣческими средствами. Для насъ природа есть царство Творца ея и Вседержителя Бога. Въ Его всемогущихъ рукахъ всѣ ея силы, и Его промышленіемъ всѣ онѣ направляются ко благу человѣка. Его благостію открываются въ нѣдрахъ природы неисчерпаемые источники средствъ для нашей жизни, благосостоянія и утѣшеній; Его гнѣвомъ за грѣхи наши и для нашего вразумленія и наказанія заключается небо, потрясается земля, изсыхаютъ источники, умираетъ растительность, прекращается жизнь. Намъ надобно помнить гласъ Божій, изрекшій судъ надъ землею и человекомъ послѣ перваго его грѣхопаденія: *проклята земля въ дѣлѣхъ твоихъ, тернія и волчцы возраститъ тебѣ.* (Быт. 3, 17). Иисусъ Христосъ снялъ съ земли и съ человѣка это проклятіе; въ вѣрѣ, молитвѣ и исполненіи Его заповѣдей Онъ далъ намъ ключи ко всѣмъ сокровищамъ природы, но собственные грѣхи наши возвращаютъ дѣйствіе этой клятвы и всѣ бѣдствія за нею слѣдующія. Итакъ, настоящимъ бѣдствіемъ Господь даетъ намъ понять, что любовь Его нами оскорблена, что долготерпѣніе Его истощается, что Его правда требуетъ удовлетворенія. Послѣ безчисленныхъ благодѣяній Божіихъ и чудесъ явленныхъ намъ въ послѣднее время, и нами неоцѣненныхъ, и насъ невразумляющихъ, намъ надобно было ждать и знаменій гнѣва Его, къ какимъ по указаніямъ древнихъ пророковъ принадлежатъ особенно *мечъ и гладь.* (Ис. 51, 19. Іерем. 14, 16). И можемъ ли мы отрицать, что нынѣ голодомъ наказуетъ насъ Господь за распространеніе у насъ не-

вѣрія и заблужденій, за нашу гордость, самонадѣянность, за пренебреженіе къ уставамъ церкви и за открытое развращеніе нравовъ?

Что голодъ нынѣ у насъ повсемѣстный, что когда въ одной полосѣ Россіи оказался тяжкій неурожай, въ другой его не было, и даже, когда въ одномъ селеніи посѣвы погибли, въ другомъ рядомъ хлѣбъ уродился,— это не освобождаетъ никого отъ отвѣтственности за общіе грѣхи наши и отъ обязанности покаянія. Сознаемся всѣ въ беззаконіяхъ нашихъ и покаемся. Вспомнимъ слова Спасителя, сказанныя іудеямъ надѣявшимся на свою праведность и не вразумлявшимся чужими бѣдствіями: «думаете ли, что тѣ осьмнадцать человѣкъ, на которыхъ упала башня Силоамская, и побила ихъ, виновнѣе были всѣхъ живущихъ въ Іерусалимѣ? Нѣтъ, говорю вамъ; но если не покаетесь, всѣ также погибнете». (Лук. 13, 4. 5).

Итакъ, въ чувствѣ раскаянія въ общихъ грѣхахъ нашихъ найдемъ для себя и особое побужденіе къ облегченію участи бѣдствующихъ нынѣ отъ неурожая. Въ Писаніи сказано: *грѣхи твоя милостынями искупи, и неправды твоя щедротами убогихъ: негли будетъ долготерпѣливъ грѣхомъ твоимъ Богъ.* (Дан. 4, 24). Оставимъ отговорки, подъ которыми нѣкоторые любятъ укрываться отъ обязанности жертвовать бѣднымъ: „нынѣ, говорятъ, для всѣхъ времена трудныя; я самъ бѣденъ; у меня свое семейство и т. под.“. Но и нищій можетъ подѣлиться съ ближнимъ собранною имъ милостынею, и бѣдный можетъ что-нибудь найти у себя, если позаботится. Св. Іоаннъ Креститель предъ пришествіемъ Христовымъ побуждалъ іудеевъ къ покаянію страхомъ отчужденія отъ грядущаго царства Мессіи и говорилъ: *уже и стѣпира при корени древа лежитъ* (Мат. 3, 10), и въ то же время указывалъ на подвигъ благотворитель-

ности, какъ на средство спасенія: *имѣяй двѣ ризы, да подасть немущему: и имѣяй брашна такожде да творитъ* (Лук. 3, 11). Кто не въ силахъ войти въ совершенный подвигъ благотворительности, чтобы съ самоотверженіемъ дѣлиться съ бѣдными послѣднимъ, тотъ дѣлай, что можетъ. Для облегченія настоящаго бѣдствія будетъ достаточно, если мы на этотъ тяжелый годъ только откажемся отъ новой роскошной одежды, за столомъ отъ лишняго блюда и дорогаго вина, отъ суетныхъ увеселеній, отъ вечеринокъ и напрасныхъ тратъ для приѣма гостей, словомъ, если упростимъ нашу жизнь. Мы хотимъ, чтобы у насъ были средства для благотворенія при удовлетвореніи всѣхъ нашихъ прихотей. Нѣтъ конца прихотямъ у людей плотскихъ и сластолюбивыхъ; нѣтъ у нихъ и средствъ для милостыни. Христіанское ученіе не полагаетъ благотворительности въ бросаеніи бѣднымъ того, что себѣ ненужно, какъ нынѣ у насъ входитъ въ обычай, а указываетъ ее въ самоотверженіи и духовномъ искусствѣ отыскивать излишнее при удовлетвореніи собственныхъ потребностей, въ духовной нищетѣ, цѣломудріи и смиренномудріи. Такимъ способомъ благотворенія достигаются двѣ цѣли: находятся средства для помощи бѣднымъ и средство для предотвращения гнѣва Божія и наказаній за грѣхи исправленіемъ жизни въ духѣ покаянія и преклоненія себя *подъ крѣпкую руку Божію* (1 Пет. 5, 6).

Св. Апостоль Павелъ указываетъ и порядокъ сбереженія для пожертвованій въ пользу бѣдныхъ: «въ первый день недѣли, говоритъ онъ коринѣянамъ, каждый изъ васъ пусть откладываетъ у себя и сберегаетъ сколько позволить ему состояніе, чтобы не дѣлать сбора, когда я приду» (1 Кор. 16, 2). Еженедѣльная забота сберечь и отложить что-нибудь у себя къ воскресенью для бѣдныхъ,—какой вѣрный способъ изъ малыхъ сбере-

женій составить великія суммы для бѣдныхъ при милліонахъ вѣрующихъ и чтущихъ день воскресный посѣщеніемъ богослуженій! Святѣйшій Синодъ, примѣняясь къ этому апостольскому наставленію, повелѣлъ въ церквахъ обносить кружки для бѣдствующихъ отъ неурожая въ слѣдъ за кружками церковными. Итакъ, нужно только помнить предстоящій праздникъ, къ празднику сберечь въ недѣлю что можно, и помолившись Богу въ храмѣ, опустить жертву въ кружку для страждущихъ отъ голода. При этой мысли и заботѣ, и у бѣднаго ремесленника получающаго въ концѣ недѣли отъ закащиковъ расчетъ за свои издѣлія, окажется мелкая монета, которую можно будетъ взять съ собою въ церковь; а у людей болѣе достаточныхъ найдутся монеты и болѣе крупныя.

Итакъ, помолимся по наставленію Св. Синода о прекращеніи постигшаго насъ бѣдствія, и начнемъ съ нынѣшняго дня по его указанію и наши еженедѣльные приношенія.

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТІЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

И

ИДЕЯ СВЯЩЕННАГО СОЮЗА.

(Продолженіе *).

Религіозное настроеніе, пробужденное и усиленное великими и потрясающими событіями эпохи, охватывало съ одинаковою силою людей всѣхъ состояній и половъ. Смотря по индивидуальности, оно принимало, однакоже, самыя разнообразныя формы, и если у однихъ божественная любовь горѣла тихимъ и яркимъ свѣтомъ, то у другихъ она прорывалась всепожирающимъ пламенемъ. Юнгъ-Штиллингъ и Юлія ф. Криденеръ ¹⁾

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1890 г. № 20.

¹⁾ Литература по вопросу о m-me Криденеръ и объ ея отношеніяхъ къ императору Александру чрезвычайно обширна. Источниками этой литературы являются, во-первыхъ, письма и произведенія самой Криденеръ, а во-вторыхъ, письма и мемуары ея современниковъ. Криденеръ вела чрезвычайно обширную переписку, но едва ли не самая важная часть этой переписки остается, по различнымъ причинамъ, неизданною и по сію пору. Изъ литературныхъ произведеній Криденеръ имѣеть особенно важное значеніе романъ ея: *Valerie ou Lettres de Gustaw de Linar à Ernest de G....*, появившійся въ декабрѣ 1803 г., выдержавшій въ короткое время нѣсколько изданій, но теперь совершенно забытый. Въ 1837 г. извѣстный французскій критикъ Сень-Бевъ издалъ вновь Валерію, снабдивъ ее большимъ предисловіемъ, въ которомъ онъ далъ не только блестящую, но и во многихъ отношеніяхъ совершенно вѣрную характеристику. M-me Криденеръ обрѣла себѣ массу биографовъ, произведенія которыхъ переполнены, съ сожалѣнію, вымыслами и баснями. Къ числу такихъ биографій можно отнести слѣдующія: биографію, помѣщенную въ *Biographie universelle et portative des*

могутъ считаться двумя наиболѣе характерными типами этой своеобразной мистической религіи. Основы ихъ вѣрованій, ихъ настроеній, ихъ порывовъ, повидимому, однѣ и тѣ же, но онѣ проявляются у каждаго изъ нихъ совершенно особымъ образомъ и приводятъ въ концѣ концовъ къ совершенно различнымъ результатамъ. Юнгъ-Штиллингъ является апостоломъ божественной любви и индивидуальнаго откровенія; Ю. ф. Криденеръ идетъ далѣе своего мистическаго учителя, она выступаетъ, наконецъ, въ роли пророчицы.

Юлія ф. Криденеръ, урожденная ф. Фитингофъ, родилась ¹⁾ въ высшемъ сословіи. Знатность, богатство и роскошь окружали ея колыбель. Дочь Ливонскаго магната и богача ²⁾, внучка знаменитаго фельдмаршала Миниха, она получила воспитаніе чисто свѣтское, другими словами, совершенно пустое. Ее учили французскому языку, манерамъ, танцамъ, а на развитіе ея ума и сердца не обращали никакого вниманія ³⁾. Ея главными воспитателями были танцмейстеръ и французская гувернантка. Ее выдали замужъ, не спрашивая о ея желаніи, за образованнаго и почтеннаго человѣка, барона ф. Кри-

Contemporains; біографію, изданную на нѣмецкомъ языкѣ въ Бернѣ, въ 1868 г. какимъ-то анонимомъ; произведеніе извѣстнаго историка баснописца Калефига: *La voronne de Krüdener etc*; трудъ Ласроіхъ или бібліофила Жакоба, подъ заглавіемъ «*m-me Krüdener*» и многія другія. Самымъ солиднымъ жизнеописаніемъ Криденеръ остается и по сію пору сочиненіе Эйнара: *Vie de madame Krüdener*, изданное въ Парижѣ, въ 1849 г., въ двухъ объемистыхъ томахъ. Книга Эйнара, написанная въ духѣ религіозномъ, даетъ массу самаго цѣннаго матеріала, хотя и не отличается при этомъ строгою критикою. Въ послѣднее время жизнь *m-me* Криденеръ послужила предметомъ изысканій для Мюленбека, книга котораго *Etude sur les origines de la sainte-Alliance* является однимъ изъ важнѣйшихъ пособій для изученія жизни и явленія *m-me* Криденеръ. Изъ русскихъ сочиненій о Криденеръ можно указать на извѣстныя статьи Пыпина.

1) Ю. Криденеръ родилась 11 ноября 1764 г. Вопреки утвержденію нѣкоторыхъ ея біографовъ, она была крещена по лютеранскому обряду, какъ видно это изъ оффиціальнаго документа, сообщеннаго Мюленбеку пасторомъ Гаэргендомъ, см. Мюленбекъ, *Etude sur les origines de la Sainte Alliance*, стр. 42.

2) Оттонъ Германъ ф. Фитингофъ игралъ въ свое время большую роль въ провинціальной ливонской жизни. Подробности о немъ см. у Еккарта: *Vie Baltischen Provinzen Russland's*, 2-е изданіе, стр. 299 и слѣд.

3) О воспитаніи Ю. ф. Криденеръ мы имѣемъ, строго говоря, мало обстоятельныхъ свѣдѣній. Не подлежитъ сомнѣнію лишь то, что оно было чисто свѣтское и поверхностное.

денера, занимавшаго важныя дипломатическіе посты, бывшаго русскимъ посломъ сначала въ Митавѣ, потомъ въ Венеціи, въ Копенгагенѣ и, наконецъ, въ Берлинѣ. Ф. Криденеръ думалъ сдѣлать хорошую партію, вступая въ бракъ съ дочерью богача Фитингофа, но онъ жестоко ошибся въ своихъ расчетахъ. Его молодая жена отличалась крайнимъ легкомысліемъ и невѣроятною пустотою. Она смотрѣла на жизнь какъ на веселую шутку, и не ожидала отъ нея ничего иного кромѣ наслажденій и развлеченій. Ея супругъ существовалъ, по ея мнѣнію, лишь для того, чтобы неустанно ласкать ее, преклоняться передъ нею, удовлетворять всѣмъ ея причудамъ и капризамъ. Ф. Криденеръ, человекъ съ широкимъ образованіемъ, знатокъ философіи и поклонникъ Ж. Ж. Руссо, старался перевоспитать свою жену, обогатить познаніями ея умъ, развить и облагородить ея вкусъ, пробудить въ ней охоту къ серьезнымъ занятіямъ, но потерпѣлъ въ этихъ своихъ попыткахъ полнѣйшую неудачу¹⁾.

Онъ приучилъ ее лишь къ чтенію сентиментальныхъ романовъ, внушилъ ей самое высокое понятіе объ ея красотѣ и умѣ, но не успѣлъ сдѣлать изъ нея ни любящей матери, ни хорошей хозяйки, ни даже настоящей салонной дамы. М-те Криденеръ привыкла обращать вниманіе лишь на тѣхъ, кто нравился ей, или кто ухаживалъ за нею. Весь остальной свѣтъ положительно не существовалъ для нея. Ея жизнь проходила въ одной погонѣ за удовольствіями и развлеченіями. Сначала она пыталась возбудить ревность своего мужа, рассчитывая оживить этимъ способомъ его замирающую любовь²⁾, но убѣдившись въ его холодности, начала искать себѣ развлеченій на сто-

1) Объ отношеніяхъ Ю. ф. Криденеръ къ ея супругу см. соответствующіе отдѣлы во всѣхъ біографіяхъ, названныхъ нами въ прим. 1-мъ. Что Юлія требовала отъ своего супруга очень многого, видно изъ слѣдующихъ словъ: «Пусть меня отдадутъ за такого, котораго бы я любила, или могла бы любить, или же, если не обратятъ вниманія на мое сердце, то пусть я найду въ моемъ мужѣ все, что могло бы занять мою голову и удовлетворить мое тщеславіе на счетъ моего сердца». Изъ письма къ Бернардину де С. Пьеру, у Эйнара. Т. I, стр. 10.

2) Одно время м-те Криденеръ старалась увѣрить другихъ, а можетъ быть и самое себя, что она любитъ своего мужа. См. ея письма къ Бернардину де С. Пьеру у Эйнара, стр. 17—18.

ронѣ. Подъ предлогомъ болѣзни, она покинула своего мужа, занимавшаго въ то время постъ русскаго посла въ Копенгагенѣ, и отправилась для излѣченія и подкрѣпленія своихъ нервовъ въ Парижъ и Южную Францію. Наступалъ революціонный 1789 г. и вся Франція находилась въ состояніи лихорадочнаго возбужденія. Все эlegantное общество было помѣшано на идеяхъ свободы и равенства, на правахъ человѣка, на раздѣленіи властей. Классическія воспоминанія республиканской древности были у всѣхъ на языкѣ. Г-жа Криденеръ никогда не занималась до сихъ поръ политикою, но теперь, увлекаемая всеобщимъ потокомъ, она изучила путешествіе молодаго Анахарзиса, прониклась республиканскимъ духомъ Греціи и Рима и попыталась играть роль въ либеральныхъ салонахъ Парижа ¹⁾. Ея попытки не имѣли, однакоже, особеннаго успѣха. Для того, чтобы играть роль въ Парижскомъ салонѣ недостаточно было одной красивой внѣшности и умѣнья поддерживать веселый, свѣтскій разговоръ съ республиканскимъ оттѣнкомъ. Для этого требовалось нѣчто иное, и прежде всего болѣе широкія и солидныя свѣдѣнія, нежели тѣ, которыми обладала Ливонская баронесса. Сдѣлавъ это не совсѣмъ пріятное для себя открытіе, г-жа Криденеръ оставила Парижъ, гдѣ она надѣлала 20,000 фран. долгу, и поспѣшила на югъ Франціи въ сопровожденіи какого то ученаго, хотя и пожилаго аббе... Въ Монпельѣ, и особенно на водахъ въ Барезѣ, баронесса нашла для себя болѣе подходящее общество и болѣе доступное для нея развлеченіе. Тутъ же встрѣтилась она съ молодымъ драгунскимъ офицеромъ, маркизомъ де Фречевилемъ, и, по собственнымъ ея словамъ, обрѣла въ немъ то счастье, котораго искала она до сихъ поръ напрасно въ обществѣ своего мужа. Ослѣпленная своей страстью окончательно, м-ме Криденеръ рѣшила добиваться развода, но баронъ, супругъ ея, придававшій особенное значеніе своей сословной и семейной чести, отказалъ ей наотрѣзъ и предложилъ ей отправиться къ матери въ Лифляндію. М-ме Криденеръ послѣдовала, повидимому, это-

¹⁾ Путешествіе молодаго Анахарзиса соотвѣтствовало какъ нельзя болѣе потребностямъ и вкусамъ той, въ сущности, извращенной и избалованной среды, къ которой принадлежала и м-ме Криденеръ. См. Эйваръ. Т. I, стр. 31.

му совѣту, но она отправилась въ путь въ сопровожденіи своего возлюбленнаго, мечтая провести съ нимъ „остатокъ своей жизни“. Маркизь де-Фречевиль смотрѣлъ, однакоже, на дѣло иными глазами. Экзальтированная любовь баронессы успѣла уже ему надоѣсть. Въ одинъ прекрасный день онъ объявилъ своей спутницѣ, что онъ не можетъ сопровождать ее далѣе, такъ какъ долгъ чести и патриотизма предписываетъ ему возвратиться на родину. М-ме Криденеръ принуждена была подчиниться „своей судьбѣ“ ¹⁾. Но и ея любовь не отличалась, какъ видно, ни особенною силою, ни глубиною. По крайней мѣрѣ, она примирилась очень скоро съ потерей своего друга и сумѣла найти себѣ иныя развлеченія. Основныя свойства ея натуры: легкомысліе и подвижность выступили теперь окончательно на первый планъ. Бродячая жизнь, веселое общество, приобрѣли теперь въ ея глазахъ исключительное значеніе. Воля родителей, а еще болѣе денежныя затрудненія побуждали ее неоднократно сойтись вновь съ покинутымъ супругомъ, но каждая такая попытка оканчивалась новымъ развѣдомъ и усиленнымъ охлажденіемъ. Демонъ тщеславія овладѣлъ окончательно душою м-ме Криденеръ. Всякая зависимость отъ кого бы то ни было, всякое второстепенное положеніе, казались ей невыносимыми. Вездѣ и повсюду хотѣла она занимать первое мѣсто, приковывать къ себѣ всеобщее вниманіе. Она считала себя не только самою обворожительною, но и самою умною женщиною въ свѣтѣ. Пока она сохраняла свѣжесть молодости, пока толпились вокругъ нея поклонники, она предавалась всецѣло шумной, свѣтской жизни. Любовь стояла для нея на первомъ планѣ; во всѣхъ ея личныхъ связяхъ и отношеніяхъ любовь играла первую роль, являлась основнымъ фономъ всѣхъ ея тревоженій, горя и радости. Желаніе блистать въ свѣтѣ, затмѣвать всѣхъ своихъ соперницъ своими преимуществами было вторымъ основнымъ мотивомъ ея жизни. Все должно было преклоняться передъ ея красотою и граціею; всѣ должны

¹⁾ Подробности этой романической исторіи см. у Эйнара. Т. I стр. 42—50, гдѣ все дѣло выставлено, по возможности, въ снисходительномъ для баронессы видѣ, а также у Мюленбега, стр. 49—52, гдѣ, наоборотъ, вещи называются ихъ собственными именами.

были признавать ее первою и на балу, и въ салонѣ. Она была убѣждена, что ни одна женщина не можетъ одѣваться такъ изящно и съ такимъ вкусомъ, какъ она; что ни одна женщина не можетъ соперничать съ нею ни въ танцахъ, ни въ изобрѣтеніи все новыхъ и новыхъ развлеченій, ни въ остроумной свѣтской болтовнѣ. И дѣйствительно, нельзя не сознаться, что м-ме Криденеръ умѣла долгое время занимать выдающееся мѣсто въ такъ называемомъ свѣтскомъ обществѣ, считаться одною изъ первыхъ звѣздъ на горизонтѣ большаго свѣта. Повсюду, гдѣ ни появлялась она, на водахъ ли въ Теплицѣ, въ Лозаниѣ въ кружкѣ французскихъ эмигрантовъ, въ Женевѣ, въ средѣ литераторовъ и ученыхъ дамъ, въ Лейпцигѣ, среди чопорныхъ нѣмецкихъ гелертеровъ, въ Берлинѣ, гдѣ все, начиная отъ королевскаго двора, дышало монотонностью и скукою, въ Парижѣ ли, наконецъ, этомъ центрѣ свѣта, вездѣ она умѣла привлечь къ себѣ вниманіе свѣтской толпы. Только въ Ливоніи, въ своемъ отцовскомъ помѣстьѣ, Кассѣ, она испытывала невыносимую скуку одиночества, только здѣсь, среди невѣжественныхъ полудикихъ крестьянъ и грубыхъ, ландюнкеровъ, нападало на нее по временамъ вмѣстѣ съ чувствомъ одиночества и другое болѣе тяжелое чувство. Сознаніе собственнаго ничтожества и внутренней пустоты закрадывалось по временамъ въ ея душу. Потребность болѣе высшей и духовной жизни пробуждалась во внутреннѣйшей глубинѣ ея существа. Въ такія минуты она вспомнила о Богѣ, пыталась искать утѣшенія въ молитвѣ, стремилась заняться дѣлами благотворительности ¹⁾. Но подобное настроеніе проходило тотчасъ же, какъ только денежныя обстоятельства давали баронессѣ возможность выбраться изъ Ливонскаго захолустья и броситься вновь въ омутъ свѣтской жизни.

Такъ проходили годы и время начало брать свое. Семейное положеніе м-ме Криденеръ измѣнилось. 14-го іюня 1802 г. скончался ея мужъ. Еще ранѣе сошелъ въ могилу отецъ ея; старый баронъ Фитингофъ. Заботы о семьѣ, о дѣтяхъ должны

¹⁾ Въ такія минуты она была способна и на восторженныя религіозныя изліянія, образцомъ которыхъ можетъ служить, напр., ея письмо къ м-ме Армандѣ, помѣщенное у Эйвара, Т. I, стр. 93—95.

были лечь всецѣло на м-ше Криденеръ, но ея душа занята была совершенно иными заботами и инымъ горемъ. Съ ужасомъ замѣчала она, что время начало перерождать ее саму, что ея молодость и красота начали блекнуть и увядать. Она вступала въ тридцать шестой годъ своей жизни. А между тѣмъ страсть нравиться, желаніе обращать на себя вниманіе, ни какъ не могли улечься въ ней. Лишь постепенно зарождалась у нея мысль перейти на иное поприще, искать удовлетворенія своему тщеславію на поприщѣ литературной славы.

Такая жизнь естественно явилась у нея, благодаря тому литературному кружку, въ которомъ приходилось вращаться ей отъ времени до времени. Лавры, пожинаемые м-ше Сталь, не давали ей покоя. Она взялась сама за перо и начала писать романъ. И въ этой затѣѣ она искала прежде всего удовлетворенія своему тщеславію. Она задумала писать свою Валерію, какъ разъ въ то время, когда вѣсть о смерти мужа должна была, повидимому, навести ее на болѣе серьезные мысли. Но горе ея не могло быть продолжительно. „Искушенія міра“, говоритъ ея набожный біографъ, не замедлили взять надъ нею свою прежнюю власть.¹⁾ Она пустила вновь въ ходъ тотъ соблазнительный танецъ шали, который придумала когда-то пресловутая леди Гамильтонъ и въ которомъ она сама производила такой эффектъ. Несмотря на здоровье и свѣжесть, возвращенныя ей заботами д-ра Бутини, она знала, что ей не придется уже долго располагать преимуществами юности и она вознамѣрилась искать себѣ болѣе прочнаго удовлетворенія, составивъ себѣ громкое имя въ литературѣ²⁾.

Романъ, состряпанный, наконецъ, м-ше Криденеръ, забытъ неблагоприятнымъ потомствомъ. Современный читатель соскучился бы уже на первыхъ страницахъ Валеріи, но въ началѣ

¹⁾ Правда, самъ Эйнаръ описываетъ яркими красками ея горе, ея раскаяніе, но въ концѣ концовъ онъ замѣчаетъ: «Mais le souvenir qui la désolait et la poursuivait avec acharnement n'était pas encore le marteau qui devait briser son orgueil et la forcer à demander grâce. Elle n'était point prêt a accepter le remède qu'elle aurait dû recevoir de la douleur même, elle foula aux pieds cette nouvelle grâce et repoussa la main que Dieu lui tendait». Эйнаръ. Т. I, стр. 118.

²⁾ Эйнаръ. Т. I, стр. 128.

XIX столѣтія въ обществѣ, проникнутомъ по крайней мѣрѣ на поверхности сентиментально сладкимъ и плаксивымъ настроеніемъ время новой Элоизы и Вертера, подобная книга могла имѣть значительный успѣхъ и вызвать своего рода сенсацию. Что такое Валерія? Прежде всего романъ въ письмахъ, т. е. именно въ той формѣ, которая такъ претитъ теперешнему вкусу, но которая имѣла такой успѣхъ въ концѣ XVIII столѣтія. Во вторыхъ, это романъ, наполненный съ начала до конца сентиментальными изліяніями, это исторія странной платонической любви, въ основѣ которой таится однако изысканная, противная, по самой натурѣ своей, чувственность. Авторъ, видимо, старается прикрыть эту основную струю своего произведенія при помощи громкихъ, нравственныхъ фразъ, въ которыхъ слова: добродѣтель, стыдливость, чистота—повторяются до приторности, но усилія его остаются тщетными, и догадливый читатель „Валеріи“ очень скоро приходитъ къ убѣжденію, что вся эта высоко нравственная книга написана съ заднею мыслью раздражать чувственность и возбуждать переутомленные нервы свѣтскаго читателя и особенно читательницы ¹⁾).

1) Содержаніе «Валеріи» слѣдующее: Нѣкто Густавъ де Линаръ, разумѣется, изящный аристократъ, влюбляется до безумія въ изящную и прелестную аристократку, жену своего друга, графа М., но онъ любитъ ее любовью чисто платонической и воздерживается даже отъ всякаго признанія. Спустя нѣкоторое время, послѣ потери своего единственнаго ребенка, графиня отправляется путешествовать съ своимъ супругомъ. Возлюбленный ея остается въ Венеціи, гдѣ, сказать мимоходомъ, происходитъ все дѣйствіе романа. Отъ нечего дѣлать, онъ изливаетъ свою любовную тоску въ безконечно длинныхъ и педантливо скучныхъ письмахъ къ своему пріятелю Эрнесту de G... Кромѣ того онъ начинаетъ ухаживать за какою то простенькою дѣвицею, наряжаетъ ее точно такъ же, какъ одѣвалась его возлюбленная и забывается, наконецъ, до того, что начинаетъ принимать ее за свою «настоящую Валерію». Въ самый рѣшительный моментъ, является, однакоже, Валерія настоящая. Въ ночь, слѣдующую за ея пріѣздомъ, загораются оконныя занавѣски въ комнатѣ, сосѣдней съ ея спальнею. Густавъ тушитъ пожаръ и пользуясь случаемъ, проникаетъ въ комнату, гдѣ почиваетъ сномъ невинности его Валерія. Увлекаемый страстью, онъ бросается къ ней, хватая ее за руку, но замѣчаетъ въ этотъ моментъ на ея пальцѣ обручальное кольцо. Прикосновеніе этого кольца возвращаетъ ему разсудокъ. Онъ удаляется съ восклицаніемъ: «Я могу удалиться отъ тебя! Я уважаю тебя, о Валерія! Не забудь этого моего высшаго мужества! Оно заглаживаетъ всѣ мои ошибки». Вскорѣ послѣ этой сцены Густавъ умираетъ, разумѣется, отъ любви, а его Валерія и ея супругъ оплакиваютъ его.

Какъ-бы то ни было, но „Валерія“ имѣла на первыхъ порахъ большой успѣхъ и выдержала нѣсколько изданій. Эти внѣшніе успѣхи книги объяснялись, впрочемъ, не столько ея собственными достоинствами, сколько тою искусною и безцеремонною рекламою, которая при ея появленіи въ свѣтъ была пущена въ ходъ отчасти самою баронессою Криденеръ, отчасти ея друзьями и знакомыми. Между прочимъ г-жа Криденеръ объѣзжала самолично всѣ модные магазины Парижа, разумѣется *incognito*, и спрашивала повсюду: шляпы, перья, гирлянды, ленты à la Valerie. Поддерживаемая въ этихъ стараніяхъ нѣкоторыми изъ своихъ друзей, она достигла самыхъ невѣроятныхъ результатовъ. Не прошло и недѣли, и вся парижская модная коммерція помѣшалась окончательно на Valerie; всѣ *articles de Paris* дѣлались не иначе, какъ à la Valerie и требованія на книгу возрасли, разумѣется, въ громадной прогрессіи ¹⁾).

Не только подкупленная критика, находившаяся въ рукахъ второстепенныхъ и третьестепенныхъ писакъ, но даже и такія литературныя свѣтила тогдашняго общества, какъ м-ше Сталь, какъ виконтъ Шатобріанъ, отзывались одобрительно о „Валеріи“, если и не въ печати, то по крайней мѣрѣ въ салонѣ. М-ше Криденеръ имѣла основаніе торжествовать, но она считала торжество это неполнымъ до тѣхъ поръ, пока ея „Валерія“ не удостоится милостиваго отзыва изъ устъ того человѣка, предъ которымъ преклонялась вся Франція, изъ устъ Наполеона Бонапарте. Что подобная мысль могла сдѣлаться завѣтною мечтою баронессы указываетъ намъ нагляднѣе всего на ея колоссальное тщеславіе и невѣроятное самомиѣніе. Обстоятельство это на первый взглядъ мелочное, имѣетъ для насъ еще особое значеніе. Оно показываетъ намъ какъ падка была ливонская баронесса до знакомства съ великими міра сего, и какъ не стѣснялась она въ средствахъ лишь бы обратить на себя вниманіе тѣхъ лицъ, кои казались ей героями и вершителями судебъ.

1) Объ этихъ продѣлкахъ м-ше Криденеръ говорятъ подробно всѣ ея біографы, не исключая и набожнаго Эйнара.

Рѣшившись проложить своей „Валеріи“ путь къ великому властелину Франціи, m-me Криденеръ пустила въ ходъ самыя вѣрныя средства. Ей было хорошо извѣстно, что первый консуль любитъ просматривать въ часы досуга всѣ вновь выходящіе романы и что бібліотекаръ государственнаго совѣта, Антуано Барбье, обязанъ доставлять ежедневно своему властелину, какъ всѣ литературныя новости по части белетристики, такъ и книги, присылаемыя самими авторами. M-me Криденеръ заручилась расположеніемъ бібліотекаря и упросила его положить на читальный столикъ Наполеона „ея Валерію“. Первый консуль дѣйствительно обратилъ вниманіе на книгу, но пробѣжавъ нѣсколько страницъ, отбросилъ ее въ сторону, не поинтересовавшись даже узнать имя автора. На другой день Бонапарте съ досадою замѣтилъ бібліотекаря: „Вы кажется забыли, Барбье, что я не люблю романовъ въ письмахъ. Подобныя книги годятся только для женщинъ, которыя не знаютъ на что терять свое время.“ Эта первая неудача нисколько не обезкуражила m-me Криденеръ, и ея друга бібліотекаря. Она взяла другой экземпляръ Валеріи, заказала великолѣпный переплетъ и передала его Барбье. Къ книгѣ баронесса приложила письмо на имя Наполеона, въ которомъ она просила его принять милостиво твореніе иностранки, избравшей Францію родиною своего сердца. Барбье положилъ роскошный экземпляръ „Валерію“ на столъ и Наполеонъ, привлеченный изящною внѣшностью книги, тотчасъ-же взялъ ее въ руки. Пробѣжавъ двѣ, три страницы, первый консуль убѣдился, что онъ имѣлъ уже случай познакомиться съ этою скучною книгою и съ досадою швырнулъ ее подъ столъ. Въ этотъ моментъ бросилось ему въ глаза письмо m-me Криденеръ, но его досада усилилась еще болѣе, когда онъ ознакомился съ содержаніемъ посланія баронессы. Съ негодованіемъ позвонилъ онъ своего бібліотекаря и обратился къ нему съ такими словами: „Мнѣ кажется, что баронесса Сталь обрѣла наконецъ свою Созіо: ¹⁾ послѣ Дельфи-

¹⁾ Т. е. своего вѣрнаго рабскаго подражателя, ибо имя Созіи встрѣчается въ произведеніяхъ римскихъ комиковъ, какъ имя вѣрнаго и исполнительнаго раба. Слѣдуетъ замѣтить, что Криденеръ дѣйствительно подражала въ своей Валеріи извѣстному роману m-me Сталь «Дельфина».

ны-Валерія! Одна стоитъ другой: тотъ же пафосъ, та-же пустая болтовня. Женщины будутъ падать съ наслажденіемъ въ обморокъ при чтеніи этой сентиментальной чепухи. Посоветуйте отъ меня этой сумасшедшей Криденеръ, чтобы она писала впредь свои сочиненія по-русски или по-нѣмецки, дабы мы избавились въ будущемъ отъ этой невыносимой литературы.“ Барбье, какъ человѣкъ вполне свѣтскій не передалъ, разумѣется, лично баронессѣ Криденеръ мнѣнія и совѣта своего повелителя, но онъ позаботился сообщить ей эту неприятную новость черезъ посредство другихъ лицъ. Негодованіе „Криднерши“ было велико, но она съумѣла побороть его въ себѣ, и рѣшилась предпринять еще одну, послѣднюю попытку. Барбье и на этотъ разъ оказался „самоотверженнымъ ея ковалеромъ“.—Третій, еще болѣе великолѣпный экземпляръ „Валеріи“ появился вновь на читальномъ столѣ грознаго властелина Франціи, но и Наполеонъ съ своей стороны принялъ на этотъ разъ рѣшительныя мѣры. Замѣтивъ опять ненавистную книгу на своемъ столѣ онъ тотчасъ же схватилъ ее и бросилъ въ огонь. „Вы черезъ чуръ снисходительны къ печатной бумагѣ,“ сказалъ онъ на другое утро своему библіотекарю, „отнынѣ я буду жечь безъ пощады все, что не стоитъ труда читать. Пусть женщины писательницы освободятъ меня отъ этой работы и бросаютъ сами въ огонь свои сочиненія вмѣстѣ съ своими старыми любовными письмами“¹⁾).

Легко себѣ представить, какъ подѣйствовала на тщеславную баронессу вѣсть объ этомъ автодафѣ! До сихъ поръ она преклонялась предъ Бонапартомъ вмѣстѣ съ толпою; теперь она возненавидѣла его всѣми силами своей души. Геній и избранникъ провидѣнія, благодѣтель человѣчества, превратился теперь для нея въ адскаго демона, въ „Чернаго ангела,“ пос-

¹⁾ Вся эта исторія находится въ известномъ сочиненіи библіофила Жакоба (La-Scoix), стр. 29—34. Жакобъ относился, правда, крайне легкомысленно къ своимъ источникамъ, пренебрегалъ самыми основными правилами критики и наполнялъ свою книгу вымыслами и баснями, но въ данномъ случаѣ, и рассказъ его не лишенъ большой доли вѣроятности, такъ какъ онъ находится въ полнѣйшемъ соотвѣтствіи съ характеромъ дѣйствующихъ лицъ, особенно Наполеона. Жакобъ увѣряетъ, впрочемъ, что онъ получалъ это свидѣтельство отъ современника, человѣка вполне безпристрастнаго, чуждаго de toute malveillance.

ланнаго для наказанія людей. Она не могла оставаться долѣе въ резиденціи этого демона зла. Парижская почва, столь воспріимчивая ко всякаго рода сплетнѣ, горѣла у нея подѣ ногами. Она убѣжала изъ родины своего сердца, по справедливому опасенію сдѣлаться—смѣшною и бѣжала на свою настоящую родину, въ Лифляндію. Только здѣсь, въ ливонской глуши, въ отцовскомъ имѣніи Коссѣ, среди еловыхъ лѣсовъ и въ обществѣ „полуварваровъ“ могла забыть баронесса, хотя на время, свое горе, только здѣсь могло успокоиться хотя нѣсколько ея оскорбленное самолюбіе. М-ме Криденеръ вела теперь совершенно уединенную жизнь, она избѣгала даже мѣстнаго общества и проводила время почти исключительно съ своею дочерью. Молоденькая Жюльета, по случаю своей конфирмаціи, занималась усердно закономъ Божиимъ подѣ руководствомъ мѣстнаго проповѣдника. М-ме Криденеръ подѣ вліяніемъ томившей ея тоски, а можетъ быть, просто отъ бездѣлья, принимала дѣятельное участіе въ ея занятіяхъ. Она повторяла вмѣстѣ съ нею катихизисъ, прочитывала различныя религіозныя книги и брошюры, и находила даже по временамъ удовольствіе въ набожныхъ бесѣдахъ съ пасторомъ. Причины чисто внѣшнія, не имѣвшія, очевидно, ничего общаго съ настоящимъ религіознымъ пробужденіемъ, играли большую роль въ подготовлявшемся въ ней переворотѣ. И съ нею начинало повторяться то, что совершалось уже столько разъ съ другими блестящими дамами большого свѣта. И для нея наступила пора, когда принужденная отказаться отъ любви земной, она начала искать занятій и спасенія въ любви небесной. У подобныхъ дамъ любовь небесная представляетъ впрочемъ не мало аналогій съ любовью земной. „Галантныя дамы“, замѣчаетъ Saint-Evremond, посвящающія себя „милому Богу“, приносятъ Ему обыкновенно изношенную душу, ищущую занятій. Ихъ набожность можно назвать новою страстью, и ихъ нѣжное сердце, въ порывѣ самаго покаянія, мѣняетъ лишь предметъ своей любви“¹⁾. Несомнѣнно, что и м-ме Криденеръ пришла

1) S.-Evremond, «Que la devotion est le dernier de nos amours» См. A. Fournier, Historische Studien und Skizzen, стр. 340.

къ религіозному настроенію, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ тѣхъ неудачъ, которыя постигли ее сначала на галантномъ, а затѣмъ и на литературномъ поприщѣ. Ея набожность начала проявляться все съ большею и большею силою съ того момента, когда она потерпѣла поочередно fiasco и въ любви и въ поэзіи. Ей начало вдругъ представляться, что она любила и прежде „милаго Бога“, что она написала свою „Валерію“, главнымъ образомъ, для того, чтобы развить и въ другихъ тѣхъ религіозныя чувства, которыя внушало ей само небо. Да, впрочемъ, нельзя отрицать, что извѣстнаго рода набожность проявлялась въ m-me Криденеръ очень давно, чуть не съ дѣтскаго возраста. Еще въ ранней молодости она сошлась съ какою-то католическою монахинею, и проводила вмѣстѣ съ нею цѣлыя часы въ набожныхъ упражненіяхъ. Занятая своими любовными успѣхами, она возсылала предъ алтаремъ такія молитвы. „Благій Боже! даровавшій мнѣ мою сестру и моего возлюбленнаго, я люблю, я почитаю Тебя“¹⁾.

Спрашивается, чѣмъ-же отличалась новая набожность баронессы, обнаруживавшаяся послѣ ея такъ называемаго обращенія, отъ набожности прежней? Намъ кажется, что все различіе сводится въ данномъ случаѣ не къ качеству, а къ количеству. Если въ прежнія эпохи жизни m-me Криденеръ религіозность прорывалась лишь по временамъ и подавлялась иными аффектами и страстями, то теперь она взяла окончательно верхъ надъ всѣми иными движеніями души и сдѣлалась настроеніемъ господствующимъ. Но характеръ этой религіозности не измѣнился ни мало и продолжалъ носить на себѣ тотъ же чисто субъективный и страстный характеръ. „Обращенная“, „просвѣщенная“ Юлія Криденеръ говоритъ съ своимъ Богомъ тѣмъ же языкомъ любви, которымъ говорила она и прежде. „Какъ могу выразить я“, восклицаетъ она въ одномъ изъ своихъ писемъ, относящихся къ эпохѣ „просвѣщенія“, „нѣжность моего сердца, какъ изобразить потокъ моихъ слезъ, какъ высказать то, чѣмъ проникнуто все мое существо, когда я несчастный земной червь, чувствую себя столь любимымъ. Надняхъ я говорила

1) См. А. Fournier, Historische Studien und Skizzen, стр. 340.

своему Господу: что могу сказать я Тебѣ, мой возлюбленный. О, еслибы я могла превозгласить по всему свѣту, по всѣмъ небесамъ, какъ горячо я люблю Тебя!“¹⁾

Въ чемъ состояло, однакоже, обращеніе m-me Криденеръ, которому нѣкоторые изъ ея біографовъ придаютъ такое особенное значеніе²⁾. Строго говоря, и это обращеніе представляетъ собою явленіе самое заурядное. Основнымъ мотивомъ является и тутъ, какъ въ сотняхъ и тысячахъ подобныхъ же исторій,—страхъ передъ смертью. Рассказываютъ, что баронесса была случайною свидѣтельницею внезапной смерти одного изъ своихъ знакомыхъ, а нѣкоторые прибавляютъ даже, что этотъ знакомый былъ послѣднимъ предметомъ ея земной любви³⁾. Какъ бы то ни было, но этотъ случай произвелъ на баронессу впечатлѣніе потрясающее. Пораженная ужасомъ, она вдругъ прониклась сознаніемъ своей грѣховности. Свѣтъ и люди, и всѣ прежніе кумиры ея страсти сдѣлались для нея ненавистными. Всецѣло отдалась она своимъ размышленіямъ и чувству глубокаго раскаянія. Она заперлась въ своей комнатѣ и въ теченіе долгаго времени не хотѣла видѣть никого, не исключая и своей дочери⁴⁾. По прошествіи нѣсколькихъ недѣль, баронесса порѣшила, однакоже, выйти на свѣжій воздухъ. При этомъ случаѣ ей понадобились башмаки, но говорятъ набожные біографы, таковыхъ не оказалось (?). Пришлось послать за башмачникомъ. Пока онъ снималъ мѣрку, баронесса не хотѣла даже смотрѣть на него и закрыла себѣ лицо руками. Но вдругъ башмачникъ обращается къ ней съ какимъ

1) См. A. Fournier, Historische Studien und Skizzen, стр. 341.

2) Подробности объ обращеніи m-me Криденеръ см. въ особенности у Ch. Eynard, Vie de madame Krudener. T. I, стр. 149—150.

3) Eynard замѣчаетъ по этому поводу: C'était un de ces hommes dans la foule de ses adorateurs, que sa coquetterie agaçant avait distingué. Eynard, Vie de M. m. Krudener, T. I, стр. 151.

4) «Судъ Божій вступилъ въ ея душу и наполнилъ ее несказаннымъ ужасомъ. Ей казалось, что ей грозитъ каждую минуту внезапная смерть, безъ покаянія, безъ причащенія. Дневной свѣтъ наводилъ на нее страхъ. Она заперлась въ своей комнатѣ, она тщательно закрыла всѣ отверстія, чрезъ которыя могъ бы проникнуть свѣтъ. Опасаясь, что смерть сразитъ ее на порогѣ ея дверей, она не рѣшалась переступить черезъ него. Такъ прошло нѣсколько недѣль. «Son cerveau était affecté et sa santé cruellement ébranlée». Eynard, T. I, стр. 151.

то вопросомъ. Чтобы отвѣтить ему, баронесса, должна открыть лице. Она смотритъ на мастера и поражается невольно, какимъ то радостнымъ, сіяющимъ выраженіемъ его фізіономіи. „Другъ мой! вы счастливы“ спрашиваетъ его баронесса. „Да я счастливъ, отвѣчаетъ башмачникъ, ибо я сознаю, что я испуленъ кровью І. Христа.“ Баронесса была поражена этими словами ¹⁾).

Вдумываясь въ ихъ смыслъ, она пришла къ убѣжденію въ ничтожествѣ своихъ собственныхъ силъ, въ суетности и тщетѣ всѣхъ своихъ дѣяній и стремленій, и въ необходимости полнаго возрожденія своего внутреннѣйшаго существа. Она старается теперь прежде всего проникнуться тою же самою, безпредѣльною вѣрою въ Божественнаго ходатая І. Христа, которая впервые предстала передъ нею въ лицѣ простаго ремесленника. Она узнаетъ, что ея башмачникъ принадлежитъ къ небольшой общинѣ геренгутеровъ, образовавшейся первоначально въ Ригѣ и распространившейся отсюда въ различныхъ мѣстностяхъ Ливоніи. Оказалось между прочимъ, что геренгутеры пользовались покровительствомъ пастора Шварца, домашняго друга семьи Фитингофовъ ²⁾. Г-жа Криденеръ сдѣлалась немедленно ревностною сторонницею геренгутерскихъ мнѣній. Она начала посѣщать братскія собранія ³⁾ и бесѣды, изучила сочиненія гр. Цинцендорфа и съ пламеннымъ рвеніемъ предавалась то чтенію библіи, то внутреннему религіозному созерцанію. Любовь ко Христу всецѣло заплонила ея существо. Подобно всѣмъ другимъ братьямъ, она подвизалась не въ одной только молитвѣ и созерцаніи, но и въ добрыхъ дѣлахъ, хорошо памятуя при этомъ, что всякое внѣшнее благо-

¹⁾ Вся эта нѣсколько комическая исторія, снабжена набожными комментаріями, находится у Эйвара, Т. I, стр. 152.

²⁾ См. Mühlenbeck, Les origines de la Sainte-Alliance, стр. 76.

³⁾ Особенно близко сошлась m-me Криденеръ съ нѣкою m-me Блау, о коей она выражается такимъ образомъ въ одномъ изъ своихъ писемъ: «Никогда, въ теченіи всей моей жизни не встрѣчала я такого счастливаго существа, какъ она. Она съ жаромъ желаетъ смерти, но лишь для того, чтобы освободиться отъ грѣха; она убѣждена, что она будетъ наслаждаться невыразимымъ небеснымъ счастіемъ съ своимъ Спасителемъ и Богомъ, но она подчиняется его волѣ и не требуетъ смерти». Эйваръ. Т. I, стр. 154.

честіе и добрыя дѣла, содѣлываемыя въ смыслѣ плоти, не ведутъ ко спасенію, ибо не достаетъ имъ духа. Постоянное сосредоточеніе на однѣхъ и тѣхъ же мысляхъ и страстная экзальтированность ея натуры, довели ее вскорѣ до того состоянія, къ которому стремились такъ неустанно всѣ мистики. И она начала ощущать въ себѣ способность къ тѣмъ внутреннимъ откровеніямъ, при наступленіи которыхъ она забывала весь міръ, когда она могла прозрѣвать въ будущее и приходить въ общеніе съ самимъ Божествомъ.

Очевидно, что экзальтированная баронесса не могла удержаться на той сравнительно низкой почвѣ, на которой пребывало большинство моравскихъ братьевъ и гернгутеровъ. Ей казалось, что она достигла высшей степени просвѣтленія, что она должна занять выдающееся мѣсто въ сонмѣ вѣрующихъ, и что если другіе могутъ только молиться и вѣрить, то она можетъ прозрѣвать и пророчествовать. Сама не замѣчая того, она поддавалась вновь тому духу суетнаго тщеславія, который руководилъ и всѣми ея прежними дѣйствіями и стремленіями. Этотъ духъ не давалъ ей покоя и теперь, точно такъ же какъ не давалъ и прежде. Подстрекаемая этимъ духомъ, она не могла оставаться долго въ той скромной средѣ, гдѣ, по собственному ея признанію, она впервые познала Христа. Странствующая жизнь сдѣлалась ея привычкою. Она вновь возвратилась къ ней, правда, съ иными цѣлями, но въ сущности въ силу тѣхъ же основныхъ побужденій своей натуры. Если прежде она бродила по свѣту, разыскивая сначала все новыхъ и новыхъ поклонниковъ своей красотѣ, а затѣмъ почитателей своего литературнаго таланта, то теперь она ѣдетъ въ Германію ¹⁾, во-первыхъ, для того, чтобы ознакомиться лично съ столпами и представителями новой мистической церкви, а во-вторыхъ и для того, чтобы заставить говорить о себѣ въ большомъ и маломъ свѣтѣ, чтобы испытать свои силы на новомъ для нея поприщѣ религіозной экзальтаціи и восторженнаго мистицизма.

¹⁾ Предлогомъ къ поѣздкѣ послужили и на этотъ разъ разстроенные нервы См. Эйнаръ. Т. I, стр. 159.

Имѣя постоянно въ виду эти основные мотивы, мы легко поймемъ всѣ дальнѣйшія перипетіи какъ во внѣшней, такъ и во внутренней жизни г-жи Криденеръ. Мы поймемъ прежде всего это вѣчное безпокойство, эту неискоренимую склонность къ перемѣнѣ мѣста и общества, это стараніе проникнуть во всѣ глубины и высоты жизни, заставить говорить о себѣ повсемѣстно, привлечь вниманіе и самой высшей и самой низшей общественной среды. Прежде всего мы встрѣчаемъ баронессу среди общинъ Моравскихъ братьевъ и гернгутеровъ въ Силезіи и Лузаціи. Она попадаетъ и тутъ въ небольшой аристократическій кружокъ, преимущественно дамскій ¹⁾, проникнутый идеями Цвинцендорфа и Юнга Штиллинга. Встрѣченная сначала съ недовѣріемъ вслѣдствіе своей крайней экзальтаци, она успѣваетъ, однакоже, приобрести всеобщія симпатіи подвигами истинно христіанской любви, неуспынными заботами и уходомъ за больными и страждущими ²⁾. Гораздо вѣрнѣе аристократическихъ дамъ отнеслась къ м-ше Криденеръ главы и апостолы гернгутерской общины. Они опасались ея стремленій сдѣлаться во что бы то ни стало, чѣмъ то особеннымъ, какою то выдающеюся христіанкою; они даже предостерегали ее отъ подобныхъ стремленій. «Отправляйтесь къ Юнгу», сказалъ ей одинъ изъ апостоловъ секты, Баумейстеръ, «но скажите ему отъ моего имени, чтобы онъ не стремился сдѣлать изъ васъ чрезвычайной христіанки» ³⁾.

Совѣтъ во всякомъ случаѣ неудачный, и крайне нежелательный для самой Криденеръ. Тщеславная женщина только и стремилась ко всему особенному, чрезвычайному, необычному. Уже въ этотъ первый періодъ своего просвѣтленія она сходилась по преимуществу съ людьми крайними, съ экзальтированными фаватиками, полусумасшедшими, визионерами,

1) Между прочимъ, мы встрѣчаемъ тутъ графиню ф. Вертеръ, графиню ф. Гогенталь и двухъ ея племянницъ. Mühlenbeck, стр. 91.

2) Особенно заботливо ухаживала м-ше Криденеръ за молодую русскую даму, внезапно потерявшей своего супруга. Mühlenbeck, стр. 91.

3) Dites bien à Jung, de la part de moi Baumeister, qu'il se garde de faire de vous une chrétienne extraordinaire. Mühlenbeck. стр. 92.

самозванными пророками. Она не могла даже найти полного удовлетворенія въ обществѣ Юнга-Штиллинга. Правда, она относилась къ нему съ величайшимъ уваженіемъ и горячимъ почитаніемъ, какъ къ своему наставнику, усердно внимала его поученіямъ, но она не въ состояніи была заимствовать отъ него то, что составляло главную и важнѣйшую сущность и его натуры, и его религіознаго міросозерцанія. Пламенная любовь Юнга, чуждая всякаго тщеславія, была недоступна для нея. Его спокойное, твердое и ровное настроеніе, его непоколебимая вѣра въ верховнаго божественнаго ходатая І. Христа, не могла также привиться всецѣло къ ея крайне подвижной, экзальтированной, суетливой натурѣ. Ее привлекала къ Юнгу только одна, чисто мистическая сторона его міросозерцанія. Если Юнгъ считалъ себя способнымъ къ созерцанію высшаго міра, если онъ приходилъ по временамъ въ экстазъ, если для него наступали, по его мнѣнію, моменты окровенія, то именно только эти стороны его внутренней жизни и дѣлали его въ глазахъ Криденеръ, «человѣкомъ чрезвычайнымъ, достойнымъ изученія и послѣдованія»¹⁾. Но такъ какъ этими свойствами далеко не исчерпывался внутренній міръ Юнга, то неудивительно, что въ концѣ концовъ м-ме Криденеръ могла сдѣлаться лишь крайне одностороннею ученицею знаменитаго филантропа и мистика, усвоить себѣ лишь одни крайнія увлеченія изъ его міросозерцанія. Юнгъ Штиллингъ, кроткій, глубоко вѣрующій, смиренный христіанинъ и самоотверженный филантропъ, остался чуждъ для Криденеръ, она знала лишь Юнга какъ мистика и духовидца.

На ряду съ Штиллингомъ и помимо его, м-ме Криденеръ искала общенія и съ людьми иного рода. Экзальтированные визионеры и субъекты, смѣло выдававшіе себя за пророковъ, особенно привлекали ее. Она розыскивала такихъ пророковъ повсюду, готова была спуститься, ради ихъ, въ самые низшіе слои общества. Уже весною 1807 г. м-ме Криденеръ сблизилась въ Кенигсбергѣ съ однимъ изъ такихъ субъектовъ,

¹⁾ Что именно эта, а не какая либо другая сторона Юнга особенно привлекала Криденеръ,—въ этомъ согласенъ и Эйнаръ. Т. I, 174—175.

простымъ крестьяниномъ, по имени Адамомъ Мюллеромъ ¹⁾. Мюллеръ сообщилъ баронессѣ, что онъ пришелъ издалика, что онъ бросилъ свою жену и дѣтей и явился въ Кенигсбергъ для того, чтобы возвѣститъ волю Бога никому иному, какъ королю прусскому. Видѣнія Мюллера начались, по его словамъ, еще въ 1805 г. за пять дней до Рождества Христова. Какая то особа, вся въ бѣломъ, явилась ему и возвѣстила ему, что въ скоромъ времени должна вспыхнуть война между Россіей, Пруссіей и Франціей. «Не говори никому, объ этомъ!» сказало видѣніе. Черезъ годъ новая галлюцинація. Явился тотъ же бѣлый образъ, но на этотъ разъ онъ держалъ иную рѣчь. «Иди, Мюллеръ», говорилъ онъ, «къ королю, да обратится онъ самъ на путь истины и да обратитъ свой народъ! да ищетъ онъ милости у Всемогущаго и да покается въ своихъ прегрѣшеніяхъ. Скажи ему, чтобы онъ не полагался ни на мужество своихъ солдатъ, ни на множество своихъ союзниковъ. Возвѣсти ему, что онъ долженъ ожидать помощи ни отъ кого иного, кромѣ Бога живаго». Спустя пятнадцать дней послѣдовало новое видѣніе, какой-то сѣдовласый, величественный старецъ предсталъ передъ Мюллеромъ, онъ держалъ въ рукахъ книги ветхаго и новаго Завѣта. Старецъ раскрылъ книгу ветхаго Завѣта и прочелъ громкимъ голосомъ изъ пророчества Исаи главы 52—65. Затѣмъ онъ сказалъ: «Иди, повтори королю все, что слышалъ сейчасъ. Передай ему отъ имени Предвѣчнаго, чтобы онъ поступалъ впредь, согласно Писанію. Да освятитъ онъ субботу и да возвратится къ Богу своему. Пусть онъ покорится волѣ Всемогущаго и французы будутъ разсѣяны, подобно тому, какъ разсѣваетъ вѣтеръ легкую солому. Предвѣчный проявитъ чудеса свои, король увидитъ бѣгство своихъ враговъ и Франція будетъ раздѣлена между царями народовъ. Если-же король не подчинится велѣніямъ Господа, то возвѣсти ему, что къ бичу войны присоединятся бичъ чумы и бичъ голода». Мюллеръ не довѣрялъ своимъ слабымъ силамъ. Объятый недоумѣніемъ и страхомъ,

¹⁾ Объ Адамѣ Мюллерѣ, его видѣніяхъ и пророчествахъ см. Mühlenbeck, *Etude sur les origines de la Sainte Alliance*, стр. 89—90.

онъ медлялъ повиноваться велѣнію свыше. Тогда явился къ нему черезъ нѣсколько дней какой-то чудесный юноша, гнѣвный и грозный. «Пролитая кровь падеть на главу твою», сказалъ онъ ему. «Иди же, и явись къ королю! Чего боишься? Предвѣчный будетъ руководить шагами твоими! Ты пройдеши невредимый среди сражающихся полчищъ, и само море во всей своей ярости безсильно будетъ причинить тебѣ какой либо вредъ. Ступай же! не бери съ собою денегъ! возьми лишь одинъ хлѣбъ для твоего пропитанія! Господь блюдетъ надъ тобою!» И Мюллеръ отправился въ путь. Онъ добрался до Кенигсберга и сообщилъ здѣсь о своихъ видѣніяхъ г-жѣ Криденеръ. «Я буду говорить съ королемъ», объявилъ онъ въ заключеніе своего разсказа, «буду навѣрное. Я не страшусь тѣхъ, кои могутъ убить только тѣло мое. Да познаютъ всѣ, что Бонапартъ—кара, посланная на людей самимъ Предвѣчнымъ».

Настъ не интересуется въ данномъ случаѣ исходъ миссіи Мюллера и намъ неизвѣстно, какое впечатлѣніе произвели его рѣчи на короля. Мы отмѣчаемъ лишь тотъ фактъ, что откровенія «Пророка» не остались безъ вліянія на впечатлительную м-ше Криденеръ, что подъ вліяніемъ Мюллера, она сама прониклась духомъ пророчества. Этотъ духъ сказался несомнѣнно при ея свиданіи съ королевою прусскою Луизою, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ того-же злополучнаго для несчастной королевы 1807 года. Луиза, давно знавшая м-ше Криденеръ, приняла ее не только любезно, но и сердечно. «Ахъ, какъ много перенесла я съ тѣхъ поръ, какъ мы видѣлись въ послѣдній разъ», сказала она, обнимая м-ше Криденеръ.— «О, кто не страдалъ за это время, Ваше Величество, отвѣчала Криденеръ, но часто страданія приносятъ намъ великое благо.» Королева заговорила о Валеріи, расхвалила достоинства романа, рѣчь перешла затѣмъ на войну и на будущій миръ. М-ше Криденеръ свободно высказывала свои мнѣнія по всѣмъ затрогиваемымъ вопросамъ. Она замѣтила, что королева, подобная по своей внѣшности ангелу, не должна быть доступна чувствамъ ненависти, что подобныя чувства ужаснѣе самихъ бѣдствій, причиняемыхъ Бонапартомъ. Она ска-

зала далѣе, что и самъ Наполеонъ достоинъ сожалѣнія. «Онъ не можетъ считаться счастливымъ, и онъ въ свою очередь будетъ униженъ». «Какъ, со своими двумя стами тысячъ человѣкъ?» замѣтилъ кто-то изъ присутствующихъ. «Именно, со своими двумя стами тысячъ! отвѣчала м-ше Криденеръ, до сихъ поръ его арміи не сдѣлали еще ничего особеннаго!» «Ничто такъ не желательно, какъ миръ, но только миръ прочный» замѣтила королева.— «Увѣрю Васъ, мадамъ, сказала Криденеръ, что мы слишкомъ ограничены для того, чтобы предвидѣть то, что случится черезъ два года». Королева, передаетъ очевидица, была сильно взволнована. Она не могла слышать равнодушно о Бонапарте и французахъ. М-ше Криденеръ старалась успокоить ее, хотя и неоднократно противорѣчила ей. «Простите меня, Ваше Величество, сказала она, во когда топоръ занесенъ уже сюда, при этомъ она показала на свою шею, тогда правда для меня дороже всего на свѣтѣ» ¹⁾).

Мы придали бы слишкомъ большое значеніе м-ше Криденеръ и ея полупророческимъ полуютѣпительнымъ словамъ, еслибы стали утверждать, что ея рѣчи произвели сильное впечатлѣніе на Луизу, что онѣ помогли королевѣ перенести тяжелыя испытанія, обрушившіяся на нее. Не смотря на свою искреннюю религіозность, королева Луиза стояла во всѣхъ отношеніяхъ на почвѣ религіи положительной и уже по одному этому не могла поддаться вполнѣ вліянію м-ше Криденеръ. Королева была вѣрная послѣдовательница евангелической церкви и пламенная прусская патріотка. М-ше Криденеръ, послѣ своего просвѣщенія, оторвалась отъ всякой положительной церкви, и ея новая мистическая религія отли-

¹⁾ Всѣ подробности объ этомъ свиданіи Криденеръ съ королевою Луизою находятся въ дневникѣ дочери м-ше Криденеръ, бывшей свидѣтельницею свиданія. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что вопросъ объ отношеніяхъ Криденеръ къ королевѣ остается и по сіе время довольно темнымъ, такъ какъ важнѣйшій памятникъ этихъ отношеній остается до сихъ поръ неизданнымъ. Мюленбекъ говоритъ: „La correspondance de la reine Louise avec la baronne de Krüdener a été conservée. Elle est déposée au ministère russe des affaires étrangères». См. Mühlentbeck, стр. 85. Сколько намъ извѣстно, ни одинъ изъ изслѣдователей не воспользовался до сихъ поръ этою корреспонденціею.

чалась прежде всего характеромъ чисто индивидуальнымъ. Королева вѣрила въ Бога Евангелія, она не пыталась постигнуть то, что по самой сущности своей не доступно разуму человѣческому; Криденеръ вѣровала только въ Бога своихъ личныхъ откровеній, она воображала что все сверхъестественное и сверхъ-чувственное доступно и повятно ей, и, опираясь на свое мнимое всевѣдѣніе, отваживалась пророчествовать о будущемъ. Луиза была убѣждена, что пора бѣдствій и испытаній должна миновать съ теченіемъ времени, что все должно измѣниться къ лучшему, и эта ея надежда основывалась исключительно на ея вѣрѣ въ Всеблагаго Творца ¹⁾. Она полагала далѣе, что улучшение въ дѣлахъ земныхъ должно произойти посредствомъ общихъ усилій вѣрующихъ, добрыхъ людей. Криденеръ вмѣстѣ съ другими хилиастами и фанатиками ожидала какого-то вмѣшательства высшей силы въ дѣла земныя, она занималась толкованіемъ темныхъ мѣстъ Откровенія Іоанна Богослова и опредѣляла съ математическою точностью срокъ наступленія тысяцелѣтняго царства Божія на землѣ. Королева ненавидѣла Наполеона, какъ патріотка, Криденеръ относилась къ нему съ ненавистью въ силу своего оскорбленнаго самолюбія. Королева была убѣждена въ непрочности Наполеонова владычества,

¹⁾ Весною 1808 г. Луиза писала своему отцу: «Gewiss wird es besser werden: das verbürgt der Glaube an das vollkommenste Wesen. Aber es kann nur gut werden in der Welt durch die Guten. Deshalb glaube ich auch nicht, dass der Kaiser Napoleon Bonaparte fest und sicher auf seinem, jetzt freilich glänzendem Thron ist. Fest und ruhig ist nur allein Wahrheit und gerechtigkeit, und er ist nur politisch, dass heisst klug, und er richtet sich nicht nach ewigen Gesetzen, sondern nach Umständen. Sie sehen wenigstens... dass sie auch im Ungluik eine fromme ergebene tochter haben und dass die Grundsätze christlicher Gottesfurcht, die ich Jhren Belehrungen und Jhrem frommen Beispiel verdanke, ihre Früchte getragen haben». См. Mühlenbeck, стр. 85. Изъ этихъ подлинныхъ словъ королевы видно ясно, что ея религіозность, коренившаяся на почвѣ положительныхъ церковныхъ вѣрованій, не имѣла ничего общаго съ мистическими и экзальтированными порывами г-жи Криденеръ. Понятно послѣ этого, что религіозность Луизы развивалась вовсе не подъ вліяніемъ Криденеръ. Луиза, воспитанная въ духѣ христіанства, была всегда вѣрующею женщиною; ей не было надобности каяться и обращаться на путь истинны. Она была всегда превосходною матерью, любящею, вѣрною женою, доброю королевою, и m-me Криденеръ не могла слѣдовательно наставлять ее на путь истинны и спасенія.

главнымъ образомъ потому, что оно было основано не на началахъ истины и справедливости, а на началахъ политическаго оппортунизма и насилія. Криденеръ считала Наполеона воплощеніемъ зла; чернымъ ангеломъ, апокалипсическимъ звѣремъ и предсказывала единственно на этомъ основаніи его близкое и страшное паденіе. Такія мнѣнія, не смотря на всѣ точки соприкосновенія между ними, представляли въ сущности очень мало общаго. Во всякомъ случаѣ, вліяніе m-me Криденеръ на королеву прусскую Луизу могло быть лишь временное, случайное и скоропреходящее.

Съ тѣхъ поръ, какъ Ю. ф. Криденеръ ступила на скользкій путь мистицизма и индивидуальнаго откровенія, поступки ея и рѣчи все болѣе выходили за предѣлы здраваго разума. Она начала вращаться въ кружкахъ, проникнутыхъ піетизмомъ и полоумными хиліастическими идеями. Шарлатаны фанатики, самозванные пророки, пророчицы сдѣлались ея любимымъ обществомъ ¹⁾. Она вѣрила на слово этимъ людямъ и чудесамъ, совершаемымъ ими; сама не замѣчая того, она поддавалась ихъ вліянію—и покорно слѣдовала за ними, воображая, что она руководитъ ими. Потерпѣвъ неудачу въ высшихъ сферахъ общества, замѣтивъ, что люди свѣта относятся къ «ея новой вѣрѣ» съ недоувѣріемъ и снисходительною улыбкою, она рѣшила спуститься въ болѣе низшія сферы жиз-

¹⁾ Въ числѣ такихъ шарлатановъ—фанатиковъ не послѣднюю роль въ жизни m-me Криденеръ, разыгралъ извѣстный Іоаннъ Фридрихъ Фонтель, сначала революціонеръ и санжюлотъ, а затѣмъ набожный пасторъ, восторженный мистикъ и пророкъ. Человѣкъ этотъ дошелъ въ своемъ шарлатанизмѣ, а можетъ быть, и ослабленіи до того, что началъ приписывать себѣ даже даръ чудесъ. Онъ нашелъ себѣ достойную помощницу въ лицѣ невѣжественной, но при томъ крайне нервной и въ высшей степени экзальтированной крестьянки, Маріи Куммеръ. Она была родомъ изъ Клеебронна, въ Виртембергѣ, вела скитальческую жизнь, вращалась въ средѣ фанатиковъ и ханжей и вообразила себя, наконецъ, пророчицею. По временамъ она приходила въ экстазъ и рассказывала, что въ такіа минуты, ангелы нисходили къ ней и отдавали ей приказанія. Говорили, что иногда она предсказывала событія, которыя и происходили потомъ въ дѣйствительности. Она обладала также способностію дальновидѣнія. Всего изумительнѣе, что во время своихъ экстазовъ она говорила правильнымъ и изящнымъ языкомъ, тогда какъ въ обычное время она объяснялась на провинціальномъ жаргонѣ. Подробности о Маріи Куммеръ см. у Мюленбека, стр. 12—36.

ни, отвернуться отъ дворцевъ и обратиться къ хижинамъ. Она превратилась въ народную праповѣдницу, и вся ея дѣятельность пріобрѣла вслѣдствіе этого своеобразный демократическій оттѣнокъ. Высокіе, знатные, богатые, отказывались вѣрить въ близкій конецъ свѣта, возвѣщаемый м-ше Криденеръ, именно потому, что имъ жилось очень хорошо въ этомъ свѣтѣ. Тѣмъ охотнѣе прислушивались къ ея проповѣдямъ бѣдняки, люди обиженные судьбою и счастьемъ. Для пролетаріевъ языкъ новой пророчицы былъ и доступенъ и убѣдительно. Въ своихъ проповѣдяхъ и посланіяхъ она льстила самолюбію бѣдныхъ, раздражалась грозными тирадами противъ богачей и въ пламенныхъ выраженіяхъ говорила о христіанскомъ братствѣ и равенствѣ. «То было, выражается одинъ изъ новѣйшихъ біографовъ Криденеръ, настоящее провозглашеніе социализма, умѣреннаго христіанскою вѣрою и окутаннаго облаками мистической любви»¹⁾.

Въ чемъ состояла, однакоже, новая религія, это усовершенствованное христіанство м-ше Криденеръ? Прямой отвѣтъ на подобный вопросъ, едвали возможенъ, уже по той простой причинѣ, что въ религіи Криденеръ не было ничего точнаго и строго формулированнаго. Ея нравственныя и религіозныя идеи поражаютъ именно прежде всего своею неопредѣленностью, темнотою и фантастичностью²⁾. Первородный грѣхъ и грѣхопаденіе перваго человѣка, противоположность между силою Божественною и силою демоническою, таинство искупленія и торжество всепрощающей, Божественной любви, вотъ, повидимому, тѣ пункты вѣроученія, которые являются и у нея исходными точками, основами, на которыхъ она пытается построить свои фантастическія пророчества. Въ какую форму облакала она свои поученія и свои изліянія, объ этомъ можно судить по слѣдующему образцу:

¹⁾ Jacob, Bibliophile, M-me de Krudener, Ses Lettres et ses ouvrages inedites, 3e idition, 1881 г., стр. 50.

²⁾ Авторъ біографія Криденеръ въ Biographie des Contemporains такимъ образомъ опредѣляетъ сущность вѣрованій Криденеръ: «Sa doctrine fondamentale etait, à quelques egards, celle des methodistes, savoir: la necessité d'une Regeneration, opérée par la grâce efficace, sans secours humaine». Намъ кажется, что это опредѣленіе не выясняетъ всей своеобразности «религіи» Криденеръ.

«О бездна паденія! ¹⁾ ночь бѣдствія и ужаса! Кто отважится поднять съ васъ покровъ, сброшенный Всемогущимъ? Смерть и грѣхъ соткали его, отъ ихъ объятій родились печаль, страданіе и ужасное отчаяніе. Не было болѣе дня: свѣтъ, жизнь и любовь не бросали болѣе своихъ лучей на человѣка. Любимецъ Бога сдѣлался рабомъ демона; осужденный бѣглець, брошенный на землю, низвергнутый въ міръ преступленій безуміемъ грѣхопаденія. Но, развѣ милосердіе можетъ перестать быть имъ самимъ? Нѣтъ, неутомимая, изобрѣтательная любовь наказываетъ лишь для того, чтобы исправлять, изгоняетъ лишь для того, чтобы призвать къ себѣ вновь изгнанныхъ. Что говорю я? Она не изгоняетъ вовсе. Рабъ грѣха низвергъ самого себя. Самымъ тяжелымъ страданіемъ для него явилось обладать жизнью; онъ не въ состояніи былъ вынести ея вида; порча охватила его; онъ нуждался въ убѣжищѣ, гдѣ прахъ могъ смѣшаться съ прахомъ, въ гробницѣ, дабы воспріять смерть, носимую уже имъ въ своихъ нѣдрахъ. Онъ не могъ оставаться тамъ, гдѣ все было любовь и живое слово. Какъ море выбрасываетъ трупы, такъ горячее дыханіе жизни гнало предъ собою того, кто превра-

1) Образецъ того, что сама Криденеръ называла meditation, мы беремъ изъ цитированнаго нами выше сочиненія библіофила Жакоба, стр. 51—55. Замѣтимъ при этомъ, что всѣ meditations Криденеръ написаны по французски. Въ переводѣ на другой языкъ, эти оригинальныя изліянія теряютъ, по справедливому замѣчанію Фурнье, стр. 341, свое главное достоинство, блестящую дикцію.

Приводимъ часть отрывка въ оригиналѣ: O abîme de la chute! Nuit de désastres et d'horreur! Qui ose soulever votre voile redoutable! Il est entre Dieu et nous. La mort l'a tissé, et le Péché en est l'artisan qui a travaillé à sa funeste trame. Sous ces arides mains, sont nés la douleur, la souffrance, l'horrible désespoir. Il n'y avait plus de jour: la clarté, la vie et l'Amour ne jetaient plus leur rayons sur l'homme.

Le favori de son Dieu était devenu l'esclave du démon, un proscrit errant, fugitif, lancé sur la terre des crimes, ou l'avait précipité le delire de la chute. Mais la miséricorde peut elle cesser d'être elle même? Non: l'industrielle charité d'un Dieu ne punit que pour corriger, n'exile que pour pouvoir ramener un jour l'exilé. Que dis-je? elle n'exile point: l'esclave du péché s'est précipité lui même; sa plus terrible souffrance eut été la domaine de la vie: il n'en pouvait supporter la vision; la corruption l'avait atteint: il lui fallait un asile où la poudre pût se mêler avec la poudre, et un sépulcre pour recevoir la mort qu'il portait en son sein. Tout le rejetait, là ou tout était Amour, Parole vivante qui le consumait» и т. д.

тился въ преступника, лишеннаго своего званія, утратившаго органы высшей жизни, жизни божественной, дарованной ему непосредственно его Богомъ, неспособнаго созерцать болѣе свѣтъ сверхъестественный. Сынъ грѣха, жертва грѣхопаденія, не могъ обитать долѣе въ раю, не могъ сохранить легкое прозрачное тѣло, гармонировавшее со всѣмъ окружающимъ его твореніемъ. Богъ далъ ему и его спутницѣ одежды изъ звѣриныхъ шкуръ и земля, проклятая грѣхопадениемъ, приняла отвергнутаго. Въ потѣ лица своего долженъ былъ добывать себѣ пропитаніе изъ этой земли тотъ, кто былъ царемъ творенія. Стихіи, окружавшія его, сдѣлались озлобленными свидѣтелями его неповиновенія. Хаосъ, опустошенный ангеломъ мрака, сдѣлался его темницею. Но, о, Божественное милосердіе! Эта самая темница, назначенная Тобою для человѣка, должна была тысячью голосовъ утѣшать, наставлять и возвращать его къ Тебѣ. Ты испослало дыханіе жизни и прелесть красоты въ мертвыя письмена окаменѣвшаго міра, бывшаго лишь тѣнью міра, окружавшаго его прежде, испослало для того, чтобы обратить его взоръ къ Тому, Кого оскорбилъ онъ.

Само собою понятно, что не въ такихъ риторическихъ и притомъ темныхъ изліяніяхъ заключалась та притягательная сила, которую обнаруживала, несомнѣнно, м-ме Криденеръ на многихъ изъ своихъ современниковъ. Ея созерцанія, отрывокъ которыхъ только что приведенъ нами, назначались лишь для избранныхъ; въ нихъ заключалась, такъ сказать, внутренняя, философская сторона ея ученія. На людей обычныхъ, на толпу, м-ме Криденеръ дѣйствовала иными способами: во первыхъ, своею, чтобы тамъ ни говорили, дѣйствительно, истинною христіанскою жизнію, своими подвигами безкорыстнаго христіанскаго милосердія и, наконецъ, своими пророчествами. Эти пророчества носили на себѣ характеръ универсальный и не имѣли ничего общаго съ предсказаніями, касающимися лишь отдѣльныхъ лицъ и ихъ индивидуальной судьбы. Подобно, впрочемъ, многимъ ихъ своихъ экзальтированныхъ современниковъ, м-ме Криденеръ предрекала скорое наступленіе міровой катастрофы, предвозвѣщенной

еще въ Откровеніи Іоанна Богослова. Царство зла, представителемъ и главою котораго являлся для нея, подобно тысячамъ другихъ современниковъ, никто иной, какъ Наполеонъ Бонапарте, должно было рушиться, по ея словамъ, въ скоромъ времени и тысячелѣтнее царство добра должно было водвориться на очищенной землѣ. Сыны Израиля должны были возвратиться со всѣхъ концовъ свѣта въ обѣтованную землю, храмъ Бога живаго долженъ былъ быть восстановленъ во всемъ своемъ блескѣ, всякое различіе между отдѣльными христіанскими исповѣданіями должно было исчезнуть, все должно было слиться въ одномъ чувствѣ божественной любви; новый Божественный Іерусалимъ долженъ былъ возникнуть на мѣстѣ стараго, земнаго ¹⁾).

М-ме Криденеръ, а вмѣстѣ съ нею и другіе прорицатели отваживались даже съ точностью обозначать годъ, когда должно было рушиться царство зла. Основываясь на своеобразныхъ толкованіяхъ извѣстныхъ мѣстъ апокалипсиса, они съ увѣренностью ожидали «конца» въ 1809, а затѣмъ въ 1810 г., подобно тому, какъ ихъ предшественники ожидали его въ 1800 г. Но 1809 г. прошелъ точно такъ же, какъ прошелъ въ свое время 1800 г. Царство насилія и зла продолжало шириться и расти на землѣ. Наполеонъ шелъ отъ одной побѣды къ другой, его тираннія принимала съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе ненавистный характеръ, ничто не указывало

1) Что подобныя пророчества не принадлежали исключительно Криденеръ, что они высказывались многими, что они носились, такъ сказать, въ воздухѣ и что толкованія откровенія св. Іоанна и ихъ примѣненія къ событіямъ современнымъ были въ большомъ ходу уже съ самого начала французской революціи, видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго свидѣтельства Юнга Штилинга: «die wichtigen Folgen, welche die französische Revolution hatte, und die Ereignisse, welche hin und wieder Zum Vorschein kamen, machten allenthalben auf die wahren Verehrer des Herrn, die auf die zeichen der Zeit merkten, einen tiefen Eindruck. Verschiedene fingen nuu an, gewisse Stücke aus der Offenbarung Johannis auf diese Zeiten anzuwenden... Sehr Verständige Männer hielten schon die französische Kokarde für das Zeichen des Thiers und glaubten also, das Thier aus dem Abgrund sei schon aufgestiegen und der Mensch der Sünden sei wirklich da... diese Ziemlich allgemeine Sensation unter den waahren Christen kam Stilling bedenklich vor...»

на приближающійся конецъ его владычества ¹⁾). Царь и князья земли покорно слѣдовали за нимъ и предоставляли въ его безусловное распоряженіе кровь и имущество своихъ подданныхъ. Новыя страшныя событія, долженствовавшія завершить господство зла на землѣ, подготовлялись на глазахъ измученнаго, истерзаннаго человѣчества. Настала 1812 г. и безчисленныя полчища, собранныя со всего запада властелиномъ полуміра, двинулись на востокъ для покоренія Россіи, этого послѣдняго оплота европейской независимости. Свѣтъ замеръ въ томительномъ ожиданіи. Но спрашивается, какъ смотрѣли хиліасты и мистики въ этотъ моментъ на Россію и на ея царственнаго вождя? Усматривали ли они въ нихъ уже въ этотъ моментъ поборниковъ спасенія и сокрушителей зла? казался ли имъ императоръ Александръ уже тогда ангеломъ свѣта, долженствовавшимъ низложить ангела зла? На подобный вопросъ трудно дать отвѣтъ вполне опредѣленный и ясный. Не подлежитъ сомнѣнію, что хиліасты и мистики пришли въ немалое волненіе по поводу великихъ событій, совершавшихся на востокѣ Европы, и что походъ Наполеона на Россію вызвалъ въ ихъ средѣ надежды на скорое паденіе чернаго ангела. Утверждаютъ даже, что одна изъ пророчицъ мистической церкви, Марія Куммеръ, женщина простаго происхожденія, существо въ высшей степени нервное и экзальтированное, дѣвица, впрочемъ, крайне сомнительнаго поведенія, что не помѣшало ей, однакоже, пользоваться самыми горячими симпатіями г-жи Криденеръ, возвѣстила еще въ 1811 г., «что пройдетъ немного времени и явится бѣлый ангелъ, долженствующій побѣдить чернаго» ²⁾). Для подтвер-

1) Въ Германіи, особенно сѣверной, народъ произносилъ слово Napoleon какъ Apollon. Повсемѣстно императора французовъ считали за антихриста и относили къ нему извѣстныя слова Исаи: «человѣкъ, который колебалъ землю, потрясалъ царства». Отнимая отъ имени Napoleon одну букву за другою получали слѣдующую греческую фразу: «Naroleon, oroleon, poleon, oleon, leon, eon, on», фразу, имѣвшую приблизительно такой-же смыслъ, какъ и слова пророка. См. Пальмерсъ, «die Secten Württembergs; Guers Jsrael aux derniers jours и другія сочиненія, цитируемыя у Мюленбека, стр. 12 и въ другихъ мѣстахъ».

2) Mühlenbeck, p. 167. Тамъ же читаемъ: «Штауденмейеръ утверждаетъ, что Марія Куммеръ предсказала въ одномъ изъ своихъ пророчествъ пожаръ Москвы».

жденія своего пророчества, Марія Куммеръ ссылалась на слѣдующія мѣста пророчествъ Іереміи. «Ибо отъ сѣвера поднялся противъ него народъ, который сдѣлаетъ землю его пустынею ¹⁾. «Ибо вотъ я подниму и приведу на Вавилонъ сборище великихъ народовъ, и расположатся противъ него и онъ будетъ взятъ» ²⁾, «И вотъ идетъ народъ отъ сѣвера, и народъ великій и многіе цари поднимаются отъ краевъ земли. Держать въ рукахъ лукъ и копье» и т. д. ³⁾ Не менѣе ясныя указанія на появленіе великаго освободителя съ сѣвера находила Марія Куммеръ въ пророчествахъ Исаіи: «Я воззвалъ орла отъ востока, изъ дальней страны исполнителя опредѣленія моего. Господь возлюбилъ его и онъ исполнитъ волю его надъ Вавилономъ» ⁴⁾.

Изъ современныхъ свидѣтельствъ мы узнаемъ, что пророчества Маріи Куммеръ вызвали не малую сенсацію въ средѣ вѣрующихъ и суевѣрныхъ кружковъ взволнованной и безъ того уже Германіи. Весьма многіе спѣшили отправиться въ Лихтенталь, мѣстопробываніе пророчицы, и ея восторженные рѣчи укрѣпили ихъ еще болѣе въ надеждѣ на скорое избавленіе. Надежды эти, впрочемъ, не замедлили оправдаться самими событіями. Остатки великой арміи, остатки жалкіе, ничтожныя, появились въ предѣлахъ Германіи, а вслѣдъ за ними шли полки великаго «орла», призваннаго съ востока. Легко понять, что возбужденіе, вызванное въ средѣ мистиковъ страшною борьбою, послѣдовавшею затѣмъ въ Германіи, пораженіемъ и бѣгствомъ Наполеона, его попыткою удержаться во Франціи и, наконецъ, его паденіемъ и ссылкой на островъ Эльбу, породили новыя пророчества и твердыя надежды на скорое наступленіе царства Божія на землѣ. Съ торжествомъ указывали теперь вѣрующіе просвѣтленные на слѣдующее мѣсто въ пророческихъ книгахъ Исаіи. «Какъ упалъ ты съ неба, денница, сынъ зари! разбился объ землю, попиравшій народы. А говорилъ въ сердцѣ своемъ: взойду

¹⁾ Пророчества Іереміи, глава 50, ст. 3.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ Тамъ-же, стихи—41—24.

⁴⁾ Пророчества Исаіи, гл. 46, ст. 11; гл. 48, ст. 14.

на небо, выше звѣздъ Божіихъ, вознесу престолъ мой, и сяду на горѣ въ сонмѣ боговъ, на краю сѣвера, взойду на высоты облачныя, буду подобенъ Всевышнему. Но ты низверженъ въ адъ, въ глубины преисподней. Видящіе тебя, всматриваются въ тебя, размышляютъ о тебѣ: тотъ ли это человѣкъ, который колебалъ землю, потрясалъ царства, вселенную сдѣлалъ пустынею и разрушалъ города ея»¹⁾).

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что съ конца 1812 года, подобныя изреченія пророковъ, мистики начали относить къ Наполеону и къ его побѣдителю, Александру, и что съ теченіемъ времени, они начали усматривать въ русскомъ императорѣ того великаго избавителя и вождя, того вѣнецнаго главу новаго Израиля, появленіе котораго было предсказано еще пророками Вѣтхаго завѣта. Само собою понятно, что вѣрующіе и просвѣтленные горѣли нетерпѣніемъ узрѣть своими земными очами великаго освободителя, но мы можемъ сказать положительно, что ни одному изъ нихъ не удалось вступить въ непосредственныя сношенія съ Александромъ, а тѣмъ болѣе приобрѣсти на него какое бы то ни было вліяніе до того самаго момента, пока императоръ не возвратился въ Германію послѣ низложенія Наполеона. Г-жа Криденеръ не составляетъ въ данномъ случаѣ исключенія. О личномъ знакомствѣ пророчицы съ императоромъ, о какомъ-бы то ни было вліяніи ея на великія событія первой половины 1814 г., не можетъ быть и рѣчи.

Правда, въ исторической литературѣ встрѣчаются на этотъ счетъ совершенно противоположныя представленія, имѣющія подъ собою, какъ это мы сейчасъ увидимъ, не дѣйствительныя факты, а заранѣе установившуюся теорію. Въ западной литературѣ давно уже установилось мнѣніе, что никто иной, какъ м-ше Криденеръ, была настоящимъ основателемъ священнаго союза. Подобное мнѣніе основывается прежде всего на совершенно неправильномъ представленіи о характерѣ Александра²⁾. Александръ, говорятъ намъ, обладалъ

¹⁾ Пророчества Исаи, гл. 14, ст. 12—17.

²⁾ Въ этомъ отношеніи едва ли не далѣе всѣхъ пошелъ Мюленбекъ въ своемъ *Etude sur les origines de la Sainte-Alliance*. Опираясь на свидѣтельства Массо-

многими прекрасными качествами, но у него не было ни энергии, ни характера. Онъ былъ легкомысленъ, предприимчивъ, но въ то же время слабъ и непостояненъ. Онъ вышелъ, правда, побѣдителемъ изъ такого страшнаго испытанія, какъ кампанія 1812 г., но вышелъ лишь потому, что нашелъ себѣ незыблемую опору въ такомъ желѣзномъ человѣкѣ, какъ баронъ Штейнъ. Давая подобныя, во всякомъ случаѣ, одностороннія характеристики Александра, писатели извѣстнаго направленія никакъ не могли допустить въ императорѣ, что либо самостоятельное. Основываясь на свидѣтельствахъ пристрастнаго и сомнительнаго свойства, они утверждали, что и христіанское настроеніе Александра навѣяно было на него исключительно чужими вліяніями, и прежде всего вліяніемъ, исходившимъ отъ м-ше Криденеръ и ея кружка. Несомнѣнные источники показываютъ намъ, правда, что вліяніе Криденеръ на императора могло начаться никакъ не ранѣе начала 1815 года, и что, слѣдовательно, всѣ предъидущія настроенія и дѣйствія Александра никоимъ образомъ не могутъ быть рассматриваемы, какъ результаты внушеній Криденеръ, но на ряду съ источниками, несомнѣнными для исторіи м-ше Криденеръ, существуютъ, какъ извѣстно, и источники не только крайне сомнительнаго, но чисто легендарнаго свойства. Вотъ, на основаніи этихъ то источниковъ и пущены были въ ходъ рассказы, изъ которыхъ оказывается, что личное знакомство Александра съ м-ше Криденеръ началось уже съ 1813 г., что вліяніе пророчицы на императора было уже тогда все-сильно, а что даже такія великія событія, какъ первое низложеніе Наполеона и превозглашеніе Бурбоновъ, были прежде и болѣе всего дѣломъ рукъ ливонской баронессы.

на въ его *Memoires secrets sur la Russie*, м-ше Фоссъ, и Меттерниха, Мюленбекъ даетъ самую пристрастную характеристику Александра, изъ которой оказывается, что императоръ былъ человѣкъ слабый, совершенно безхарактерный, вѣчно искавшій себѣ точки опоры, легко поддававшій чуждому вліянію. При этомъ авторъ впадаетъ то и дѣло самъ въ грубѣйшія ошибки и доходитъ, наконецъ, до того, что смѣшиваетъ Чичагова съ Шишковымъ, приписываетъ первому изъ нихъ то, что могло быть сдѣлано и дѣйствительно было сдѣлано вторымъ. См. Мюленбекъ, стр. 197—202.

Мы не станемъ опровергать такія нелѣпости, какъ бредни о вліяніи м-те Криденеръ на Штейна, Гарденберга, Стадіона, какъ мелодраматическіе рассказы о появленіи пророчицы на полѣ битвы при Лейпцигѣ, ¹⁾ мы коснемся лишь рассказа о пребываніи м-те Криденеръ въ Парижѣ весною 1814 г., рассказа помѣщеннаго, между прочимъ, въ извѣстномъ сочиненіи библіофила Жакоба, *m-me de Krudener, ses lettres et ses ouvrages inédits*, появившагося въ 1881 г. ²⁾ и выдержавшаго въ короткое время нѣсколько изданій. Не указывая на свои источники, библіофиль повѣствуетъ, между прочимъ, слѣдующее: м-те Криденеръ встрѣтилась впервые съ Александромъ ³⁾ осенью 1813 г. не задолго до вступленія союзниковъ во Францію. Короткое свиданіе между ними, происходившее безъ свидѣтелей, дало ей полную возможность пріобрѣсти полное довѣріе Александра. Узнавъ о капитуляціи Паряжа и о вступленіи союзныхъ государей въ столицу Франціи, м-те Криденеръ тотчасъ же отправилась туда-же. Нельзя отрицать, что здѣсь она обнаружила самое роковое вліяніе на судьбу императора Наполеона, она первая провозгласила

¹⁾ Всѣ эти басни мы находимъ, между прочимъ, въ извѣстномъ сочиненіи извѣстнаго Carpefigue: *La baronne de Krudener, l'empereur Alexandre I au congres de Vienne etc.*, стр. 69 и слѣд.

²⁾ См. Jacob, стр. 56 и слѣд.

³⁾ Вліяніе Криденеръ на Александра началось, впрочемъ, по словамъ библіофила, гораздо ранѣе личнаго свиданія. Вліяла она на императора черезъ посредство одной придворной дамы. Письма Криденеръ къ этой дамѣ переходили черезъ руки императрицы въ руки императора. Между прочимъ, Криденеръ предсказала за три года впередъ всѣ великія событія и точное, буквальное исполненіе ея пророчества поработило императора окончательно ся вліянію. Александръ посылалъ ей великолѣпные подарки, онъ перѣдко писалъ ей собственноручно, то спрашивалъ у нея совѣта въ важнѣйшихъ дѣлахъ, то просилъ ее помолиться за него, «ибо ея молитвамъ онъ придавалъ большее значеніе, нежели молитвамъ всѣхъ вѣрующихъ въ своей имперіи». М-те Криденеръ не искала, однакоже, личнаго знакомства съ императоромъ, а скорѣе избѣгала его. Казалось, что она боялась потерять свой престижъ, являясь предъ императоромъ въ своемъ тѣлесномъ видѣ. Императоръ подарилъ ей дорогой браслетъ съ медальономъ, на которомъ виднѣлось изображеніе открытаго глаза. То былъ его собственный лѣвый глазъ, снятый съ природы, въ силу стараго русскаго предразсудка, этимъ способомъ заставить другое лице постоянно думать о себѣ (!) М-те Криденеръ и послала этотъ браслетъ, какъ талисманъ, до тѣхъ поръ, пока она находилась въ полномъ согласіи съ тѣмъ, кого называла она всемірнымъ спасителемъ.

низложеніе Бонапарта, какъ называла она императора, она, говоря именемъ Бога (?), объявила торжественно, что Наполеонъ пересталъ царствовать, что его постигаетъ опала народовъ; она же, наконецъ, пользуясь своимъ вліяніемъ на Александра, разстроила переговоры съ Фонтенебло и рѣшила возстановленіе Бурбоновъ. Но м-ше Криденеръ не оставалась долго въ Парижѣ, гдѣ она наняла великолѣпный отель въ предмѣстіи St.-Honoré¹⁾; она уѣхала уже черезъ нѣсколько дней, недовольная и раздраженная тѣмъ, что ея вліяніе не господствовало болѣе въ совѣтѣ союзныхъ государей (?!). Изъ дальнѣйшаго, чисто фантастическаго разсказа Жакоба оказывается, что вмѣстѣ съ Криденеръ потерпѣлъ тогда пораженіе въ Парижѣ и императоръ Александръ. По внушенію Криденеръ, Александръ предложилъ сослать Наполеона на далекій, океаническій островъ, но другіе союзные государи не приняли этого предложенія и предпочли дать Наполеону островъ Эльбу. «Тогда, м-ше Криденеръ», говоритъ библиофиль, «провозгласила публично, на своемъ библейскомъ языкѣ (?), что изъ острова Эльбы выйдутъ вскорѣ революція, война и всѣ бѣдствія, вмѣстѣ съ чернымъ ангеломъ, который направитъ эти бичи на Европу».

Трудно себѣ представить болѣе наглое извращеніе фактовъ, какъ только что приведенный разсказъ. Здѣсь, можно сказать, что ни слово, то ложь. М-ше Криденеръ не видѣлась съ Александромъ ни осенью 1813 г., ни весною 1814 г.; она не была лично знакома съ императоромъ за все это время и не могла имѣть на него вліяніе черезъ посредство другихъ лицъ. Разсказъ о пребываніи м-ше Криденеръ въ Парижѣ въ апрѣлѣ 1814 г. чистѣйшая басня, такъ какъ изъ писемъ самой баронессы и изъ свидѣтельствъ лицъ, находившихся съ нею въ это время въ непосредственныхъ сношеніяхъ, оказывается, что она находилась все это время въ Баденѣ, гдѣ посѣщали ее, между прочимъ, и государственный секретарь

¹⁾ Carifigue говоритъ, что м-ше Криденеръ, toute remplie des superstitions de l'esprit grec, recevait l'empereur dans sa retraite. entourée de croix d'améthyste et d'images, illuminées de mille bougies et trempées de parfum. стр. 77

Шешковъ, и извѣстная намъ придворная дама императрицы Елизаветы, дѣвица Роксандра Стурдза, и многія другія лица ¹⁾). Мысль о низложеніи Наполеона родилась, помимо всякихъ постороннихъ вліяній, у императора Александра прежде, нежели у кого либо другого. Что-же касается до идеи реставраціи Бурбоновъ, то мы уже знаемъ, что идея эта принадлежитъ всецѣло Талейрану. Нечего и говорить, что русскому императору никогда не приходила въ голову мысль требовать весною 1814 г. ссылки Наполеона на далекій океанической островъ, и что, наоборотъ, никто другой, какъ именно онъ явился тогда великодушнымъ защитникомъ падшаго властелина Франціи.

Устраняя недѣльную исторію о вмѣшательствѣ m-me Криденеръ въ великія событія 1814 г., мы должны остановиться на другихъ рассказахъ, связанныхъ съ кратковременнымъ пребываніемъ императора Александра въ маркграфствѣ Баденскомъ, по пріѣздѣ его изъ Голландіи. Въ рассказахъ этихъ главное мѣсто занимаетъ уже не m-me Криденеръ, а тотъ мистическій кружокъ, среди котораго вращалась тогда пророчица. Изъ этихъ рассказовъ оказывается, что мистики и хиліасты составили въ это время между собою настоящій заговоръ ²⁾, имѣвшій своею цѣлью подчинить русскаго императора вліянію «вѣрующихъ», сдѣлать его главою «Новаго Израиля» и воспользоваться имъ для конечнаго осуществленія своихъ фантастическихъ цѣлей. Прійдя къ такому рѣшенію, «вѣрующіе» постарались прежде всего подчинить своему вліянію супругу Александра, императрицу Елизавету. Этой цѣли они достигли въ скоромъ времени черезъ посредство придворныхъ дамъ императрицы: подъ которыми въ данномъ случаѣ, впрочемъ, слѣдуетъ понимать одну даму. Роксандру Стурдзу. Далѣе, та-же m-me Стурдза завербовала въ союзъ

1) Замѣчательно, что Жакобъ рѣшился повторить легендарные рассказы о Криденеръ послѣ того, какъ настоящій ходъ дѣла выясненъ былъ на основаніи подлинныхъ документовъ уже Эйнарсомъ въ концѣ сороковыхъ годовъ.

2) Слава изобрѣтенія этого заговора принадлежитъ, если не ошибаемся, Мюленбеку. Въ своемъ *Etude sur les origines de la Sainte-Alliance*, онъ посвящаетъ этому предмету нѣсколько страницъ. См. стр. 194 и слѣд.

святыхъ своего брата, одного изъ секретарей Александра. По ея внушенію, молодой Стурдза ¹⁾ сдѣлался теперь однимъ изъ интимнѣйшихъ друзей Юнга Штиллинга. Каждый вечеръ являлся онъ къ великому «учителю», гдѣ собирались также извѣстный Максъ ф. Шенкендорфъ, поэтъ Берлихенгенъ и французскій эмигрантъ Гремберъ де Белло. На этихъ собраніяхъ Стурдза, маленькій, невзрачный человѣкъ съ чисто восточною фізіономіею, одѣтый въ ярко-красный, шитый золотомъ придворный костюмъ, являлся однимъ изъ главныхъ представителей элемента богословскаго. И въ то время, какъ М. ф. Шенкендорфъ гремѣлъ противъ тираніи и деспотизма, и доходилъ въ своемъ энтузіазмѣ до того, что билъ неистово кулакомъ по столу, Стурдза съ глубокомысленнымъ лицомъ разсуждалъ о таинствѣ Святой Троицы и всегда умѣлъ, по свидѣтельству очевидицы, придать этой трудной темѣ двойной интересъ ясностью своихъ доводовъ. На этихъ-то совѣщаніяхъ маговъ порѣшено было «толкнуть Александра въ объятія Юнга» ²⁾. Планъ приведенъ былъ въ исполненіе. Великій Понтифексъ хиліазма и русскій царь встрѣтились въ Брукзалѣ въ 1814 г. Юнгъ не оказался, однакоже, на высотѣ поставленной ему задача. Произошло это оттого, что Юнгъ не былъ проникнутъ ясными и простыми воззрѣніями Евангелія. Онъ говорилъ съ императоромъ только о верховной власти Бога, о правахъ, кои имѣеть онъ надъ всѣми людьми, объ обязанности сихъ послѣднихъ исполнять всѣ божественныя велѣнія и съ этой цѣлью удвоять свои усилія, направленныя къ искорененію зла и къ распространенію добра; но онъ не сказалъ ему ни единого слова о великомъ и вѣчномъ спасеніи, совершенномъ Іисусомъ Христомъ, и по сему его

1) Александръ Скарлатовичъ Стурдза, извѣстный своимъ широкимъ гуманистическимъ и богословскимъ образованіемъ, своимъ эллинскимъ патріотизмомъ, а впоследствии и своимъ рвеніемъ къ православію.

2) Разсказывая объ этомъ рѣшеніи заговорщиковъ, Мюленбекъ не можетъ привести, однакоже, ни одного свидѣтельства современниковъ или участниковъ и ограничивается одною ссылкою на воспоминанія дочери Юнга, гдѣ рѣчь идетъ лишь о простыхъ бесѣдахъ, а вовсе не о таинственныхъ совѣщаніяхъ и заговорахъ. См. стр. 194, прим. I.

бесѣда не произвела особеннаго вліянія на Александра и не водворила миръ въ душѣ императора ¹⁾). Свиданіе имѣло для Юнга оцутительный практическій результатъ, такъ какъ онъ получилъ отъ императора 1000 червонцевъ ²⁾), но «святые» убѣдились въ неспособности стараго мистика къ возложенной на него роли и порѣшили измѣнить свою тактику и поставить на мѣсто Юнга ни кого иного, какъ баронессу Криденеръ. Криденеръ должна была достигнуть у Александра того, чего добивались напрасно Демаре-де-Севъ-Серленъ у Людовика XV и Маргарита Фрелихъ у Карла XI шведскаго ³⁾). Все было пущено въ ходъ, дабы добиться конечной цѣли, поставить Александра во главѣ дѣтей Израиля. И на этотъ разъ начало великаго дѣла должна была положить Роксандра Стурдза. Она должна была взять на себя роль посредницы между императоромъ и пророчицею, подготовить Александра къ воспріятію великаго откровенія.

Такова въ общихъ чертахъ легенда, которую находимъ мы, снабженную, впрочемъ, тяжеловѣснымъ, ученымъ аппаратомъ и ссылками на различные подлинныя документы, въ новѣйшемъ сочиненіи А. Мюленбека о происхожденіи священнаго союза. Посмотримъ-же, на сколько оправдывается вся эта фан-

1) Весь этотъ рассказъ о мнимой неудачѣ Юнга Мюленбекъ заимствовалъ у Ампейтаза въ его Notice sur Alexandre I, 2-е изданіе, стр. 7. По Ампейтазу дѣло выходитъ такъ, что императоръ самъ пожелалъ видѣть почтеннаго старца, надѣясь найти въ его бесѣдѣ совѣты необходимые ему для успокоенія своей совѣсти.

2) Юнгъ дѣйствительно получилъ 1000 червонцевъ отъ императора, но вовсе не вслѣдствіе «свиданія». Вотъ что говоритъ объ этомъ графиня Эдлингъ въ своихъ мемуарахъ: «Я выхлопотала для него отъ императрицы пенсію, не говоря ему объ этомъ ни слова. Я знала кромѣ того, что у него были долги, что онъ не въ состояніи былъ уплатить ихъ и что это обстоятельство сильно мучило его. Не говоря ему, какъ всегда ничего, такъ какъ онъ никогда не говорилъ со мною о своихъ дѣлахъ, я обратилась къ князю Голицыну, доброта котораго была мнѣ известна. Голицынъ сказалъ объ этомъ государю, и Александръ повелѣлъ доставить старика, отъ имени неизвѣстнаго лица, тысячу дукатовъ, сумму, вполне достаточную для покрытія его долговъ». Мемуары гр. Эдлингъ, стр. 134.

3) Демаре предлагала Людовику XV армію въ 144,000 чел., въ томъ случаѣ, если онъ рѣшится стать во главѣ «братьевъ». Маргарита Фрелихъ, вдова шведскаго полковника, настаивала передъ Карломъ XI, чтобы онъ принялъ начальство надъ «братьями» и отправился съ ними въ святую землю. Мюленбекъ, стр. 195, примѣч. 2-е.

тастическая исторія ближайшими и неподлежащими сомнѣнію свидѣтельствами, и прежде всего, мемуарами того лица, которое, по словамъ самого Мюленбека, принимало такое выдающееся, чуть не рѣшающее участіе, во всей этой исторіи. Мы не станемъ придавать значенія тому обстоятельству, что въ запискахъ графини Эдлингъ, урожденной Стурдзы, не встрѣчается никакихъ указаній на совѣщанія «маговъ», происходившія будто-бы въ домѣ Юнга Штиллинга, ни на рѣшенія, состоявшіяся здѣсь. Что въ квартирѣ Юнга происходили по вечерамъ бесѣды, и что въ бесѣдахъ этихъ принималъ участіе и молодой Стурдза, братъ Роксандры, объ этомъ мы знаемъ изъ источника, близкаго и несомнѣннаго,—записокъ одной изъ дочерей самого Юнга, но въ источникѣ этомъ нѣтъ никакихъ указаній на совѣщанія «маговъ», результатомъ которыхъ явилась миссія Юнга Штиллинга предъ Александромъ. Да и спрашивается, наконецъ, кто же были эти маги, о которыхъ говоритъ Мюленбекъ? Неужели мы можемъ признать магами, т. е. вождями хиліастовъ и мистиковъ, такихъ лицъ, какъ Шенкендорфъ или поэтъ Берлихенгенъ, лицъ, очевидно, второстепенныхъ въ сонмѣ вѣрующихъ? Разъ въ этихъ собраніяхъ не участвовали такіе представители мистической церкви, какъ Оберлинъ ¹⁾, какъ Ампейтазъ ²⁾, какъ Вегелинъ ³⁾, подъ прямымъ воздѣйствіемъ которыхъ находилась

1) Фридрихъ Оберлинъ пасторъ въ Вальдбахѣ (въ Эльзасѣ), личность во всѣхъ отношеніяхъ почтенная, даже выдающаяся. У Оберлина мистическія идеи соединялись съ истинными христіанскими добродѣтелями. Безкорыстный филантропъ, превосходный хозяинъ, цивилизаторъ полудикихъ крестьянъ, онъ раздавалъ, по словамъ Эйнара, своимъ прихожанамъ хлѣбъ для тѣла и хлѣбъ для души. Его мистическія воззрѣнія никогда не вводили его въ разладъ съ его христіанскою и пастырскою дѣятельностью.

2) Ампейтазъ, молодой Женевскій богословъ и мистикъ, восторженный почитатель m-me Криденеръ и отчасти ея ученикъ.

3) Вегелинъ, родомъ швейцарецъ, служилъ сначала въ швейцарской гвардіи французскаго короля, затѣмъ превратился въ мирнаго приказчика, а потомъ вслѣдствіе женитьбы на дочери своего принцпала, въ самостоятельнаго торговца краснымъ товаромъ, въ Страсбургѣ. Его мистицизмъ не отличался ни особенною глубиною, ни восторженностью, но благодаря своему практическому смыслу, онъ имѣлъ большое вліяніе на m-me Криденеръ. Подробности объ Оберлинѣ, Ампейтазѣ и Вегелинѣ см. у Мюленбека, Эйнара и другихъ.

и сама м-ше Криденеръ, и мы теряемъ всякое право придавать имъ какое бы то ни было значеніе. Изъ записокъ гр. Эдлингъ мы можемъ вывести, кромѣ того, прямое заключеніе, что участники мнимаго хиліастическаго заговора не могли имѣть никакого интереса привлекать на свою сторону императрицу Елизавету, во первыхъ, потому что сама императрица далека была въ это время отъ всякаго предрасположенія къ мистицизму и поглощена всецѣло своими личными отношеніями къ Александру, а во-вторыхъ и потому, что «святые» не могли же не знать отъ самой Р. Стурдзы, что императрица не пользовалась въ это время такимъ вліяніемъ на императора, которое могло бы проложить имъ доступъ не только къ особѣ, но и къ его сердцу. Еще несостоятельнѣе, чтобы не сказать, смѣшнѣе то, что Роксандра начинаетъ возложенное на нее дѣло съ того, что привлекаетъ въ лагерь хиліастовъ своего брата, который не пользуется въ это время никакимъ вліяніемъ, да и самое имя котораго упоминается лишь вскользь въ мемуарахъ его сестры. Но обратимся къ самому разсказу Р. Стурдзы, и посмотримъ насколько подтверждаются имъ смѣлыя измышленія автора «Происхожденія священнаго союза».

В. Надлеръ.

(Продолженіе будетъ).

СОЧИНЕНІЕ БЛАЖЕННАГО АВГУСТИНА:
«О ГРАДѢ БОЖІЕМЪ» (DE CIVITATE DEI),
КАКЪ ОПЫТЪ ХРИСТІАНСКОЙ ФИЛОСОФІИ ИСТОРИИ.

(Окончаніе *).

III.

Критическія замѣчанія на систему философско-историческихъ
воззрѣній бл. Августина.

Первая точка зрѣнія при критическомъ взглядѣ на систему христіанской философіи бл. Августина опредѣляется самымъ названіемъ его системы *христіанской философіей исторіи*. Уже та самая цѣль, ради которой онъ предпринялъ свой громадный апологетическій трудъ, вполне опредѣляла характеръ философско-историческихъ воззрѣній, имѣвшихъ лечь въ основу этого труда: такъ какъ онъ рѣшился *оправдать христіанство исторически и указать отличие его царства отъ—земного*, то, очевидно, его философско-историческія воззрѣнія должны быть и на самомъ дѣлѣ суть чисто христіанскія. Этого даже мало; строяемую бл. Августиномъ систему христіанской философіи исторіи нѣсколько затруднительно даже назвать системой философіи исторіи вообще; это скорѣе философія исторіи только домостроительства нашего спасенія: такъ много въ ней чисто религіознаго (христіанскаго) элемента; Августинъ самъ приз-

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» № 15 1891 г.

нается, что онъ преимущественно занимается градомъ *Божіимъ*, касающагося града земнаго только постольку, поскольку онъ можетъ служить „славѣ града Божія, которая отъ сравненія съ противоположностями выступаетъ въ яснѣйшемъ свѣтѣ“¹⁾. Поэтому при оцѣнкѣ Августиновской системы христіанской философіи исторіи прежде всего долженъ быть поставленъ вопросъ о степени соотвѣтствія каждаго отдѣльнаго ея пункта христіанскому Откровенію.—Но если разсматривать систему Августина только съ этой точки зрѣнія, то это значитъ составить представленіе объ одной только сторонѣ дѣла и оставить безъ вниманія другія, не менѣе ея важныя. Августинъ пытается опредѣлить въ своей системѣ смыслъ вообще человѣческаго бытія, смыслъ исторіи всего человѣчества; опъ, хотя и мало, но касается и града земнаго и старается такимъ образомъ опредѣлить общій и единый планъ Провидѣнія, по которому идетъ всемірно-историческое теченіе; словомъ, онъ пишетъ систему философіи всемірной исторіи съ точки зрѣнія христіанскаго Откровенія. Поэтому, помимо указанной выше точки зрѣнія, для оцѣнки его системы является необходимою и другая, а именно: къ построенной Августиномъ системѣ христіанской философіи исторіи должны быть предъявлены требованія этой науки.

Прежде всего система философіи исторіи бл. Августина является безпримѣрной по своей высотѣ во всей, предшествовавшей ему, древности.

Философія исторіи, понимаемая въ самомъ общемъ смыслѣ, вообще какъ философствованіе надъ историческими судьбами человѣчества, одного или нѣсколькихъ народовъ, такъ же стара по своему происхожденію, какъ старъ самъ человѣкъ и человѣческая община; она нова, какъ отдѣльно обособившаяся, самостоятельная наука, но ея отдѣльные вопросы искони затрогивались и такъ или иначе рѣшались человѣческимъ умомъ; человѣку свойственно задумываться о смыслѣ своего личнаго существованія, философствовать надъ своею жизнью; почему же онъ не могъ философствовать вообще надъ человѣческою

¹⁾ Тамъ-же. I, 35.

жизнью? Древній человѣкъ былъ по преимуществу философомъ; онъ меньше изучалъ факты и феномены, но больше размышлять по поводу ихъ и надъ ними; философія вообще—самая древняя и самая первая наука. Въ частности „философія исторіи, говоритъ одинъ почтенный нашъ ученый, стоитъ гораздо ближе ко всѣмъ, самымъ практическимъ, интересамъ нашей ежедневной жизни, нежели какъ то можно предполагать, судя по отвлеченному характеру вопросовъ, которые составляютъ ея главную задачу... Мы пользуемся ежеминутно, не всегда впрочемъ отдавая себѣ въ томъ ясный отчетъ, и существенными основами и результатами философіи исторіи“¹⁾. Словомъ, зачатки философствованія надъ жизнью и исторіею, надо полагать, были извѣстны самому раннему человѣчеству.

Но каково должно было быть это философствованіе у древняго человѣчества? Наклонность древняго человѣка менѣе изучать факты и феномены, но болѣе философствовать по поводу ихъ, слишкомъ вредно отзывалась на научности, точности и основательности всѣхъ вообще его познаній, въ частности—и на его философско-историческихъ воззрѣніяхъ. Чтобы философствовать надъ исторіею, надо предварительно знать ее; иначе то будетъ не философствованіе надъ исторіею, а досужее фантазерство; но характеръ историческихъ познаній древности слишкомъ хорошо извѣстенъ всякому, чтобъ распространяться объ ихъ невысокихъ достоинствахъ; едвали будетъ ошибкой, если сказать, что у древняго человѣчества совершенно не было исторіи; по своей наивности и простотѣ древній міръ принималъ за исторію собраніе вымысловъ и басенъ, запечатлѣнныхъ обыкновенно лже-теологическимъ характеромъ²⁾. Это властительство языческой теологіи подавляло въ древнемъ человѣкѣ всякую возможность быть сколько нибудь научнымъ въ какой бы то ни было области знанія; но едвали не вреднѣе всего оно отзывалось на философско-историческомъ знаніи древности. Гдѣ богъ, капризный и непостоянный, тамъ какой

1) *Стасюлевичъ*. Опытъ историческаго обзора главныхъ системъ философіи исторіи. СПБ. 1866. VI.

2) *Юстель-де-Куланжъ*. Гражданская община античнаго міра. Перев. Корша. Москва. 1867. Стр. 224—5.

можетъ быть смыслъ? ¹⁾ Если сколько нибудь удовлетворительная философія исторіи можетъ возникнуть и развиться на почвѣ хорошо разработанной всеобщей исторіи, то наши ожиданія въ отношеніи философско-историческихъ воззрѣній древности должны заранѣе быть строго ограниченными. Этому вполне соответствуетъ и дѣйствительность.

Самымъ распространеннымъ почти у всѣхъ народовъ древности философскимъ воззрѣніемъ на сущность и смыслъ историческаго процесса было то, по которому въ послѣднемъ не признавалось собственно никакого, такъ сказать, субъективнаго, въ немъ самомъ лежащаго, смысла. Дѣло, по нему, представляется такъ: существуетъ міръ людей и міръ, стояцій выше людей, боги; первый находится въ своей жизни подъ абсолютнымъ управленіемъ втораго ²⁾. Но большинство выразителей этого воззрѣнія отказываются отыскать какой либо опредѣленный смыслъ въ волѣ боговъ—распорядителей исторіи; бо-

¹⁾ Кромѣ этого неуспѣхъ развитія философско-историческихъ воззрѣній языческой древности зависѣла еще отъ того, что древніе слишкомъ поздно дошли до представленія о *всеобщей* исторіи человечества. Первые лѣтописцы-хроникеры въ своихъ лѣтописяхъ всегда ограничивались только узкими предѣлами событій отечественной исторіи; другіе народы обычно игнорировались. И лишь, когда къ концу существованія древняго міра произошли такіа столкновенія націй, которыя завязали быстро усилившееся впоследствии ихъ культурное объединеніе, когда эллинизмъ распространился по востоку и самое слово «эллинь», прежде бывшее этнографическимъ терминомъ, получило новое, чисто культурное значеніе, тогда только впервые открылась фактическая возможность возникновенія всеобщей исторіи. Наконецъ, ко 2 вѣку до Р. Х. всемогущій Римъ объединилъ политически подъ своей державой почти всѣ земли тогда извѣстнаго міра; онъ сдѣлался всеобщимъ городомъ (*κοινωτατη πόλις*), римскій народъ—вселенскимъ (*οἰκουμένης δῆμος*), а римская имперія—общимъ отечествомъ (*una cunctarum gentium in toto orbe patria*); и въ это время, когда уже фактически дано было дѣйствительное объединеніе теченія исторической жизни различныхъ народовъ, когда явился самый фактъ всеобщей исторіи, одинаково интересный для каждаго отдѣльнаго народа римскаго округа, тогда то и явилась потребность вести всеобщую лѣтопись, всеобщую исторію. Первымъ писателемъ, удовлетворившимъ этой потребности, былъ грекъ Полибій (*Картевъ*. Цит. соч., т. I, стр. 146); вѣчто, похожее на всеобщую исторію составилъ еще Трогъ Помпей (*Герм.* Очеркъ развитія исторической науки. Рус. Вѣстн. 1865. Т. LIX, стр. 452). Ср. О градѣ Божиємъ, IV, 6.

²⁾ Напр. Иліада, II, 2, 197, 205; IV, 1, 84; VI, 2, 89; XVI, 431, 466; XIX, 224; XXII, 167, 209. О градѣ Божиємъ, IV, 8, 10, 11, 16, 21, 24.

жеская воля мыслилась обычно безпринципной, въ силу чего самый процессъ терялъ всякій смыслъ ¹⁾).

1) Ко времени бл. Августина учение о божескомъ вмѣшательствѣ въ историческій процессъ человечества отлилось въ форму ученія о властительствѣ надъ жизнью всѣхъ существъ *судьбы*, подъ каковымъ словомъ, «согласно его обычному употребленію, разумѣли не что иное, какъ вліяніе извѣстнаго положенія звѣздъ въ тотъ моментъ, когда кто либо рождался или начинался» (О градѣ Іожіемъ, V, 1). Что же такое судьба? Каково ея отношеніе къ богамъ? Рѣшеніе этихъ вопросовъ, какъ и прежде, не было единогласнымъ и во дни Августина; онъ приводитъ нѣсколько различныхъ объясненій понятія судьбы: 1) одни называютъ «дѣломъ судьбы то, что случается въ силу нѣкаго неизбежнаго порядка *вопреки воли божьей* и воли людской» и «представляютъ его (порядокъ) такимъ образомъ *независающимъ отъ воли божьей*»; 2) другіе «именемъ судьбы называютъ *самую волю или силу божественную*»; 3) третьи вліяніе судьбы, выражающейся въ формѣ гороскопа, «*ставятъ въ зависимость отъ воли божьей* и думаютъ, что высшею божественною властію предоставлена такая власть, что гороскопъ опредѣляетъ по своей доброй волѣ: какимъ кто будетъ и что съ нимъ случится добраго или дурнаго»; 4) наконецъ, четвертые говорятъ, что «звѣзды хотя и получаютъ власть отъ верховнаго бога, опредѣляютъ упомянутое *не по своему произволу*, а при извѣстномъ сочетаніи *неизбѣжныхъ условий* *выполняютъ только его веленія*», такъ что «звѣзды скорѣе обозначаютъ упомянутое, чѣмъ производятъ его, и извѣстное положеніе ихъ есть какъ-бы своего рода извѣстная фраза, предсказывающая будущее, но не рѣшающая его». Но какъ-бы ни представляли современники Августина отношеніе судьбы къ богамъ, для насъ несомнѣнно очевиденъ тотъ только фактъ, что исторія, по ихъ представленію, зависитъ непосредственно отъ воли «судьбы», какъ начала, высшаго человѣка и абсолютно надъ нимъ господствующаго. Проникнуть въ смыслъ распоряженій и планъ властительства этой судьбы теперь—при Августинѣ—уже не пытались; усилія въ этомъ направленіи оставались тщетными, и самый лучший результатъ, какого тутъ могли только достигнуть, состоялъ въ томъ, что астрологи научились читать смыслъ и значеніе гороскоповъ, т. е. заранѣе могли сказать: что ожидаетъ зачатата или родившагося подъ такимъ-то гороскопомъ, но понять смыслъ того высшаго порядка, въ силу котораго идутъ гороскопы въ такомъ или иномъ направленіи, въ томъ или иномъ составѣ и комбинаціи—этого не зналъ ни одинъ астрологъ. Но и умѣнье астрологовъ похищать у гороскоповъ эти отдѣльныя мысли объ ихъ значеніи имѣло весьма важные результаты. Гороскопомантія, предсказываніе по гороскопамъ, обратилась въ повальную болѣзнь времени. Всякому хотѣлось узнать свой гороскопъ и его значеніе, чтобъ знать свою будущность; и астрологи удовлетворяли всѣхъ; этого мало; они по гороскопу опредѣляли «даже качества животнаго: и для чего оно годно, для шерсти ли, или для ѣзды, или для плуга, или стороженія дома» (тамъ же, V, 7). Если астрологи могли читать значенія гороскопа и смогли наконецъ даже дѣлать предсказанія о появленіи того или другаго гороскопа въ извѣстное время, то тогда суевѣрная толпа уже перестала довольствоваться знаніемъ своей будущности, но пожелала по своему усмотрѣнію выбирать благоприятныя по смыслу гороскопы для совершенія въ моментъ ихъ существованія тѣхъ или другихъ сколько-нибудь

На ряду съ указаннымъ мы встрѣчаемъ въ древности еще другое воззрѣніе на смыслъ и порядокъ человѣческой исторіи, которое было высказываемо самыми видными представителями философской мысли древности: Платономъ, Аристотелемъ, Сенекою и др. Это воззрѣніе мы считаемъ удобнѣе всего обозначить терминомъ, существующимъ въ современной наукѣ, именно *теоріей историческаго круговращенія*; оно, сравнительно съ указаннымъ выше, представляетъ собою шагъ впередъ. Чтобы додуматься до мысли о порядкѣ круговращательнаго историческаго движенія человѣчества, необходимо прослѣдить историческій ходъ нѣсколькихъ націй, подмѣтить нѣчто общее въ этомъ ходѣ и построить такимъ образомъ научно-смѣлую гипотезу объ общемъ смыслѣ и порядкѣ историческаго движенія. Но съ другой стороны это воззрѣніе, очевидно, не требовало особенно сильныхъ напряженій философской мысли. „Что могло быть легче, какъ увидѣть въ постоянной смѣнѣ народовъ ту-же самую смѣну, которая совершается съ отдѣльными людьми: человѣкъ рождается, пробѣгаетъ свою юность, достигаетъ зрѣлыхъ лѣтъ и путемъ старости входитъ въ могилу, между тѣмъ рождается новый человѣкъ и повторяетъ на себѣ ту-же исторію, слѣдуетъ тѣмъ-же законамъ и передаетъ другимъ ту-же задачу, которую наследовалъ отъ своихъ предшественниковъ“¹⁾. И вотъ такую-то именно теорію круговращательнаго движенія человѣчества, подобно преемственному существованію людей, впервые и провелъ въ своихъ политико-

важныхъ дѣлъ. Августинъ приводитъ массу курьезовъ изъ этой гороскопической практики его времени. «Нѣкоторые разсказываютъ, пишетъ онъ, такое обстоятельство, что какой-то мудрецъ нарочито выбралъ извѣстный часъ, чтобы лечь съ женою и вслѣдствіе этого родилъ удивительнаго сына» (тамъ же, V, 5); «иными выбирается извѣстный день для женитьбы, чтобы въ противномъ случаѣ не напасть на недобрый день и не жениться несчастливо»: «выбираютъ извѣстные дни, какъ болѣе подходящіе для посадки виноградныхъ лозъ, деревьевъ, и посѣва нивъ, а другіе, какъ болѣе подходящіе, для объзживанія животныхъ и т. п. Выборъ извѣстныхъ дней для этихъ вещей имѣетъ значеніе потому, что извѣстное положеніе звѣздъ соотвѣтственно различію моментовъ времени господствуетъ надъ всѣми земными тѣлами, одушевленными ли то, или неодушевленными». (Тамъ-же, V, 7).

¹⁾ *Стасюлевичъ*. Цитов. сочин., стр. 40.

философскихъ сочиненіяхъ, хотя и не особенно ясно, Аристотель (IV в. до Р. Х.). Онъ, задавшись цѣлю: найти общую формулу развитія каждаго народа, приходитъ къ тому выводу, что каждый народъ непременно проходитъ слѣдующія стадіи развитія: быть семейный, городской и государственный; въ такомъ порядкѣ идетъ жизнь всего человѣчества, въ этомъ—смыслъ исторіи, а „случай (—столь важный, по представленію древнихъ—) не измѣняетъ этихъ законовъ жизни“¹⁾. Значительно яснѣе и опредѣленнѣе теорія вѣчнаго историческаго круговращенія была развита поэтомъ-философомъ Виргиліемъ, который, какъ самъ заявляетъ объ этомъ, является выразителемъ мнѣнія большинства своего времени. По предсказанію жрецовъ, основанному на астраническихъ наблюденіяхъ и вычисленіяхъ по сивиллинымъ книгамъ, вскорѣ по смерти Юлія Цезаря кончится царство Діаны, затѣмъ въ теченіе десяти лѣтъ будетъ властвовать Аполлонъ, послѣ котораго, наконецъ, снова наступитъ когда-то давно—въ золотомъ вѣкѣ—бывшее царство Сатурна. По мнѣнію Виргилія, это должно случиться въ консульство современнаго ему Полліана, новорожденному сыну котораго, Азинію Галлу, Виргилій и посвящаетъ четвертую эклогу своихъ Буколикъ, гдѣ и излагается эта теорія. Характерно особенно начало этой эклоги: „уже наступаетъ послѣднее лѣто, предсказанное пѣснями Кумской жрицы, *вновь начинается великая смѣна вѣковъ*, возвращается дѣва Астрея, возвращается царство Сатурна. Новое поколѣніе нисходитъ съ высокаго неба“ (далѣе слѣдуетъ описаніе этого новаго царства). Подчеркнутая нами фраза: *вновь начинается великая смѣна вѣковъ* самымъ яснѣйшимъ образомъ говоритъ за то, что, по представленію Виргилія, исторія есть постоянная преемственная смѣна извѣстныхъ царствъ; кончается царство Аполлона, царство самое худшее, и начинается „золотое“ царствованіе Сатурна, послѣ котораго преемственно пойдутъ въ прежнемъ порядкѣ слѣдующія царства включительно до цар-

¹⁾ *Аристотель*. Политика. Русскій переводъ Скворцова. Москва. 1865. III, 10. 10.—Такія же приблизительно мысли были высказаны ранѣе и Платономъ въ его „Законахъ“.

ства Аполлона, котораго опять замѣнить Сатурнъ и т. д.;
 Виргилій именно и говоритъ объ одной изъ этихъ, *зновъ* имѣю-
 щей послѣдовать, смѣнъ. То же самое почти говоритъ и Се-
 нека; такъ онъ въ своей трагедіи „*Октавія*“ выводитъ въ число
 дѣйствующихъ лицъ самого себя и въ началѣ втораго акта между
 прочимъ говоритъ такъ: „если этотъ міръ старѣется, и долженъ
 опять впасть въ слѣпой хаосъ, то теперь наступаетъ послѣд-
 ній день, въ который паденіе неба должно подавить беззакон-
 ный родъ человѣческій для того, чтобы міръ опять произвелъ,
 возродившись въ лучшемъ видѣ, новое поколѣніе людей, сход-
 ное съ тѣмъ, какое онъ родилъ, будучи молодымъ въ то вре-
 мя, какъ Сатурнъ управлялъ міромъ“. Такимъ образомъ, Сене-
 ка, подобно Виргилію, въ историческомъ процессѣ видитъ тотъ
 смыслъ и порядокъ, что человѣчество регрессивно двигается
 отъ царства добра къ царству зла, и, достигнувъ послѣдней
 степени развращенности, снова начинаетъ царство добра съ
 тѣмъ, чтобы опять дойти до царства зла и т. д. ¹⁾

1) У Виргилія и Сенеки въ указанныхъ нами мѣстахъ особенное вниманіе
 обращается на зависимость возобновленія царства Сатурна отъ нравственнаго
 уровня человѣчества. Эта теорія существовала и во времена Августина; только
 онъ, сообщая о ней свѣдѣнія въ своемъ «О градѣ Божіемъ», главное вниманіе
 обратилъ только на порядокъ преемственной смѣны царствъ или міровъ и ха-
 рактеръ самой перемены, упустивъ совершенно изъ виду зависимость этой смѣны
 отъ состоянія человѣчества. Поэтому полное представленіе объ этой теоріи по-
 лучается отъ соединенія тѣхъ и другихъ сообщеній (т. е. разобранныхъ и Авгу-
 стинскихъ). Августинъ объ этой теоріи пишетъ: «философы этого міра полагали,
 что существуютъ кругообращенія времени, въ которыя одно и то-же постоянно
 возобновляется и повторяется въ природѣ вещей, и утверждали, что и впослѣд-
 ствіи непрерывно будутъ совершаться кругообращенія наступающихъ и проходя-
 щихъ вѣковъ» (О градѣ Божіемъ, XII, 13), «такъ что, для примѣра, какъ въ
 извѣстный вѣкъ философъ Платонъ училъ учениковъ въ городѣ Аѳинахъ и въ
 школѣ, называвшейся академіей, такъ и за несмѣтное число вѣковъ прежде че-
 резъ весьма обширные, но опредѣленные, періоды повторялись тотъ-же Платонъ,
 тотъ-же городъ, та-же школа и тѣ-же ученики, и впослѣдствіи черезъ безчислен-
 ные вѣка должны повториться» (тамъ-же). — Относительно же способа, которымъ
 переменяется одинъ міръ на другой, существовало при Августинѣ два мнѣнія:
 а) одни говорили, «что черезъ извѣстные промежутки времени, хотя не вся, но
 весьма большая часть земли такъ опустошается потопами и истребляется огнемъ,
 что число людей сводится къ незначительному количеству, отъ котораго потомъ
 рождается снова прежняя ихъ масса» (тамъ-же, 10); б) другіе думали, что
 «міръ безчисленное количество разъ до истеченія извѣстнаго ряда вѣковъ воз-

Кромѣ двухъ, изложенныхъ нами, философско-историческихъ воззрѣній древности на смыслъ историческаго процесса чело-вѣчества существовало еще одно—третье, которое, подобно послѣднему, видитъ регрессивное движеніе въ исторіи народовъ, но вопреки ему ожидаетъ конца и гибели, дошедшаго до крайней развращенности, міра безъ всякой надежды на возобновленіе лучшаго порядка вещей: регрессировавшій міръ разъ погибнетъ и уже болѣе не возродится. Это воззрѣніе, повидимому, раздѣлялъ еще Гораций; такъ онъ, оплакивая свое время за жестокія войны, крайнюю роскошь и безнравственность, оканчиваетъ одну изъ своихъ одъ такимъ восклицаніемъ: „родъ отцевъ, худшій дѣдовскаго, породилъ насъ болѣе негодныхъ, которые скоро должны дать отъ себя поколѣніе еще болѣе порочное“¹⁾. Гораздо подробнѣе развиваетъ эту теорію Лукрецій. Онъ въ своемъ сочиненіи: „De natura rerum“ представляетъ всемірное чело-вѣчество во всемъ его составѣ въ видѣ одного организма; этотъ организмъ чело-вѣчества въ началѣ своей жизни былъ молодъ и свѣжъ, изобиловалъ неповрежденными силами интеллектуальными, моральными и физическими; но мало-по-малу эти силы истощались; организмъ слабѣлъ, дряхлѣлъ и, наконецъ, скоро наступитъ для него полная и окончательная смерть²⁾. Такія же мысли встрѣчаются и у Лукана³⁾.

Нашъ краткій очеркъ философско-историческихъ воззрѣній древности на смыслъ и порядокъ историческаго процесса чело-вѣчества былъ бы неполонъ, если-бы мы не упомянули о зарождавшейся въ язычествѣ мысли о томъ, что исторія идетъ впередъ, постоянно улучшаясь, что она прогрессируетъ отъ худшаго къ лучшему. Такія мысли представляютъ собою совершенное противорѣчіе съ положеніями только что изложенныхъ нами воззрѣній: если послѣднія видятъ золотой вѣкъ позади и признаютъ регрессивность въ движеніи каждаго отдѣльнаго періода исторіи, то мнѣніе прогрессистовъ является совершенно

раждается и погибаетъ совершенно такъ, что въ новоявившемся мірѣ «родъ чело-вѣческой возраждается изъ его элементовъ» (тамъ-же, 11).

¹⁾ Od. III, 6.

²⁾ De natura rerum, cap. II.

³⁾ Farsal I, vv. 72—80.

новостью, но къ сожалѣнію это мнѣніе въ языческой древности только лишь зарождалось и не успѣло еще развиться на языческой почвѣ въ какую-либо, хотя бы не сложную, но точную и опредѣленную систему. Оно только отрывочно было высказано у Цицерона ¹⁾ и преимущественно у Сенеки ²⁾, которые констатируютъ только нѣкоторые факты умственного прогресса, не построя на нихъ никакого общаго опредѣленнаго возрѣнія на смыслъ исторіи. Таковы были философско-историческія возрѣнія до христіанской языческой древности.

Но вотъ явилось христіанство, которое принесло въ древній языческой міръ новыя истины, которыя должны были перестроить всѣ стороны интеллектуально-моральной жизни; оно просвѣтило новымъ свѣтомъ умъ, сердце и волю; словомъ, оно открыло собою новую эру чловѣческой жизни. Въ частности христіанство провозвѣстило міру новое возрѣніе вообще на смыслъ земнаго чловѣческаго бытія, на которомъ могла быть построена совершенно новая система философіи исторіи. Оно провозвѣстило важныя въ этомъ отношеніи слѣдующія четыре истины: 1) ученіе объ единствѣ всего чловѣческаго рода, объединеннаго не происхожденіемъ только отъ Адама (что было извѣстно и изъ ветхозавѣтнаго откровенія), а спасеніемъ во Христѣ, участіемъ въ Дѣлѣ Христовомъ, и—о такомъ единствѣ, гдѣ теряется различіе эллина и іудея, гдѣ все чловѣчество, при всѣхъ его національныхъ подраздѣленіяхъ, едино, какъ семья, „*oſmъ*“ членамъ которой ея Отець „*хочетъ спасти и достигнуть познанія истины*“ (1 Тим. II, 6); 2) если о провидѣніи и активномъ вмѣшательствѣ боговъ въ исторію учило и язычество, то христіанство принесло истину о разумномъ Провидѣніи, объ единомъ, истинномъ и безусловно благомъ принципѣ волевой дѣятельности промышляющаго Ума, тогда какъ язычество положительно отказывалось понять смыслъ воли своихъ боговъ и прямо учило о безпринципности ихъ дѣятельности; 3) если язычество учило, что цѣль чловѣка—

¹⁾ Cicero. Academ. I, 4.

²⁾ Seneca. Ad. Lucilium naturalium quaestionum, L. VII.

здѣсь, на землѣ ¹⁾, то христіанство, напротивъ, указывало ее внѣ предѣловъ здѣшняго земнаго бытія, а тамъ, за гробомъ, въ лонѣ Отца небеснаго; 4) наконецъ, какъ нравственный постулатъ изъ этой истины, христіанство провозвѣстило мысль, что благо здѣшней жизни: богатство, красота, искусство, наука и т. п., не будучи въ состояніи быть цѣлью человѣческаго бытія сами въ себѣ, получаютъ смыслъ только въ томъ случаѣ, если они являются средствами къ достиженію одной истинной цѣли.

Такимъ образомъ, на христіанскомъ откровеніи стало возможнымъ построить совершенно новую, полную и „истинную“ философію исторіи. Но до появленія, подлежащаго нашему разсмотрѣнію, труда бл. Августина, христіанская письменность не дала ни одного сочиненія, представляющаго собою опытъ построенія и стройнаго развитія полной системы христіанской философіи исторіи; мы не хотимъ, конечно, этимъ сказать, что до Августина никто изъ писателей церкви не затрогивалъ ни одного философско-историческаго вопроса и не рѣшалъ его при свѣтѣ христіанскаго откровенія; отдѣльныя мысли, несомнѣнно относящіяся къ христіанской философіи исторіи, попадаются въ сочиненіяхъ всѣхъ почти христіанскихъ писателей до-Августиновскаго времени (особенно у Иринея ²⁾, Климента Александрійскаго ³⁾, Тертуліана, Евсевія и др.); но то были—не полныя системы; поэтому система бл. Августина собственно въ исторіи этой науки примыкаетъ по времени своего происхожденія непосредственно къ философско-историческимъ воззрѣніямъ языческой древности.

И разсматриваемая въ сравненіи съ ними она должна быть признана замѣчательнѣйшимъ явленіемъ.—Если тѣ были только отрывочными воззрѣніями, вскользь высказывавшимися при томъ или другомъ удобномъ случаѣ, то система Августина въ сравненіи съ ними уже является чисто научной системой: она

¹⁾ Большинство лучшихъ мыслителей античной древности полагало ее въ функціяхъ гражданина. О мнѣніяхъ на этотъ счетъ Платона, Аристотеля и Цицерона см. *проф. Лебедева*. Эпоха гоненій на христіанъ. Москва. 1885. Стр. 2, 3.

²⁾ *Contra haer.* II.

³⁾ *Strom.* с. II; ср. IV, 6. 12.

проводить единую идею черезъ всю исторію человѣчества, начиная съ самаго ея зарожденія и кончая ея послѣдней эпохой, скрывающейся въ неизвѣстной дали будущаго; она подтверждаетъ свои положенія ссылками на подходящіе примѣры исторіи и т. п.

— Если философско-историческія воззрѣнія древности не знали всемірнаго единства человѣчества, то система Августина вноситъ въ исторію неизвѣстный еще язычеству принципъ этого единства, по которому все человѣчество является одною семьею, служащей по плану Провидѣнія единой цѣли; она провозгласила тотъ христіанскій принципъ единства человѣчества, въ силу котораго должны сами собою рушиться тѣ мощныя преграды, какія создали національныя различія народовъ.— Если философско-историческія воззрѣнія языческой древности напрасно пытались отыскать тайну историческаго бытія, т. е. ея внутренній смыслъ, если они не видѣли никакой опредѣленной цѣли и плана въ исторіи и учили о безпринципности воли, управляющихъ исторіею, божествъ, то система Августина, напротивъ, возвѣстила самый опредѣленный и ясный смыслъ исторіи; она указала и цѣль исторіи и планъ, по которому направляется ея теченіе верховнымъ Промыслителемъ. И если языческія философско-историческія воззрѣнія совсѣмъ не находятъ никакой, регулирующей теченіе исторіи, цѣли, то система Августина ясно и опредѣленно указываетъ столь высокую цѣль, сколь высоко само христіанство. Нечего говорить о томъ впечатлѣніи, которое должно было производить на безпристрастнаго читателя того времени сочиненіе Августина; оно производитъ весьма сильное впечатлѣніе даже и въ настоящее время. Въ напѣ эгоистичный вѣкъ, поклоняющійся больше мамонѣ и благамъ міра земнаго, когда вездѣ и у всѣхъ на первомъ планѣ чисто земныя интересы, отрадно погрузиться въ систему Августина, гдѣ величественно раскрыта идея христіанства и убѣжденно повторить почти заключительныя слова автора: „какая иная цѣль наша, какъ не та, чтобы достигнуть царства, которое не имѣетъ конца?!“ ¹⁾ Ка-

1) О градѣ Божіемъ, XXII, 30.

кимъ диссонансомъ съ современной дѣйствительностію звучить эта фраза и въ то же время какъ свята и непреложна ея истинность?!

Но не смотря на всѣ свои достоинства, система бл. Августина однако возбуждаетъ нѣкоторыя недоумѣнія, можетъ быть обличена во внутреннемъ противорѣчїи, словомъ, не чужда нѣкоторыхъ недостатковъ. Поведемъ прежде всего рѣчь о факторахъ исторїи.— Система Августина, какъ было показано выше, признаетъ трехъ факторовъ исторїи: Бога, злыхъ духовъ и человѣка. Но собственно почему же Августинъ считаетъ факторами исторїи Бога и злыхъ духовъ? Въ чемъ, по его ученїю, состоитъ самый фактъ ихъ вмѣшательства? Августинъ очень подробно говоритъ о той области, гдѣ могутъ вмѣшиваться эти два фактора въ историческій процессъ человѣчества, но онъ ничего почти не говоритъ о самомъ способѣ этого вмѣшательства. По крайней мѣрѣ относительно вмѣшательства Бога въ ходъ историческаго процесса онъ говоритъ слишкомъ неопредѣленно. Что, напримѣръ, значать общія фразы Августина въ родѣ слѣдующихъ: „Богъ поставляетъ на царства тѣхъ или другихъ царей“, „Богъ посылаетъ войны на тѣхъ или другихъ народовъ?“ Обыкновенной человѣческой мысли кажется, что каждый царь вступаетъ на престолъ при чисто естественныхъ условїяхъ, по праву ли престолонаслѣдія, по праву ли захваченной власти и т. п.; или — что каждая война обыкновенно начинается по чисто естественнымъ причинамъ и идетъ и оканчивается также при чисто естественныхъ условїяхъ. То и другое событіе, такая мысль можетъ точно анализировать отъ начала до конца и привести въ извѣстность всѣ тѣ причины, которыя вызвали и произвели ихъ, продолжили и такъ или иначе окончили. Воскрешать эти причины въ ихъ естественной, фактически исторической связи и послѣдовательности и составляетъ задачу исторїи вообще. Поэтому указать: гдѣ именно тутъ вмѣшался Богъ, когда и какимъ образомъ — задача сколько важная и серьезная, столь же и трудная; а Августинъ нисколько не облегчаетъ ея разрѣшенія. И это особенно страннымъ кажется въ виду того, что онъ относительно способа вмѣшательства въ историческій процессъ злыхъ духовъ говоритъ доволь-

но опредѣленно. Демоны, по Августину, воздѣйствуютъ на человѣческую волю путемъ непосредственнаго побужденія чрезъ внутреннее внушеніе или внѣшнія впечатлѣнія. Такое значеніе, напр., имѣютъ всѣ предсказанія оракуловъ, религіозныя игры, нравоученія, преподаваемые языческими жрецами и т. п.; такое же значеніе имѣло и то примѣрное сраженіе демоновъ, отъ котораго остались конскіе слѣды. Послѣ этого мы имѣемъ право сказать, что Августинъ одинъ изъ факторовъ исторіи призналъ таковымъ потому, что онъ воздѣйствуетъ на человѣческую волю, усиливая собою ея мотивизацію въ томъ или другомъ направленіи. Но послѣ этого какое же имѣлъ право Августинъ указать только три фактора исторіи? На какомъ основаніи онъ могъ сказать: „причины же тѣлесныя, такъ какъ онѣ болѣе производятся, чѣмъ производятъ, не должны быть поставляемы въ ряду причинъ, вызывающихъ явленія, ибо онѣ могутъ лишь то, что дѣлаетъ изъ нихъ вообще воля“¹⁾. Эта мысль — безусловно ложная. Свобода человѣческой воли, какъ утверждаетъ и самъ Августинъ, не есть свобода абсолютная, ничѣмъ не обуславливающаяся; она ограничивается мотивами, дѣйствующими на нее совнѣ; одинъ родъ этихъ, ограничивающихъ человѣческую волю, условій, злыхъ демоновъ, Августинъ признаетъ факторомъ исторіи. Но развѣ, кромѣ демоновъ, воля ничѣмъ инымъ не ограничивается? Развѣ нѣтъ другихъ внѣшнихъ условій, которыя побуждаютъ человѣческую волю дѣйствовать въ томъ или другомъ направленіи? Истины, которыми мы хотимъ отвѣтить на всѣ эти вопросы, слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы говорить о нихъ подробно. Человѣческая воля ограничивается въ своей свободной дѣятельности слѣдующими условіями, лежащими внѣ ея и могущими дѣйствовать на нее активно: 1) причинами органическими, каковы суть всѣ прирожденные свойства физическаго организма волящаго субъекта, 2) неорганическими, каковы суть условія страны и окружающей природы и 3) надъ-органическими, каковы,

¹⁾ Corporales autem causae, quae magis fiunt, quam faciunt, non sunt inter causas efficientes annumerandae; quoniam hoc possunt, quod ex ipsis faciunt spiritum voluntates. Тамъ-же, V, 10.

напр., культура духовно-общественнаго процесса, продукты человѣческаго творчества, социальное устройство окружающаго общества и т. п. Вліяніе всѣхъ указанныхъ условій на человѣческую свободу и особенный смыслъ, который въ немъ долженъ находить истинный христіанинъ, не подлежатъ никакому сомнѣнію.

Кромѣ того Августинъ слишкомъ неопредѣленно разграничиваетъ сферы дѣятельностей этихъ трехъ факторовъ. Гдѣ область дѣятельности Бога въ исторіи? Положительно вездѣ. Но тогда что же остается на долю остальныхъ двухъ факторовъ? Нельзя же, конечно, допустить той мысли, что Богъ дѣйствуетъ и черезъ демоновъ; но если демоны дѣйствуютъ сами по себѣ, то тогда Богъ уже дѣйствуетъ не вездѣ. Вообще ученіе о промысленіи Божіемъ—одинъ изъ самыхъ труднѣйшихъ пунктовъ христіанской доктрины; поэтому, чтобы писать провиденціалистическую систему философіи исторіи, необходимо дать напередъ строгое и ясное разграниченіе областей дѣйствованія Бога, демоновъ и человѣка, чего однако не дѣлаетъ Августинъ.

Наконецъ, человѣческая свобода, за которую видимо ратуетъ бл. Августинъ съ особеннымъ воодушевленіемъ, въ существѣ дѣла у него сводится положительно къ нулю, такъ что человѣкъ является ничѣмъ инымъ, какъ чисто пассивнымъ орудіемъ въ рукахъ Бога или злыхъ духовъ. Дѣйствительно, какая же можетъ быть рѣчь о свободѣ человѣческой воли, когда какое-либо человѣческое дѣйствіе не гарантировано отъ посторонняго воздѣйствія? Хорошо, конечно, если это вмѣшательство будетъ въ формѣ склоненія человѣческой воли къ тому или другому дѣйствію путемъ побужденій; но, по Августину, вѣдь иногда Богъ можетъ принуждать человѣка помимо его собственнаго произволенія. Поэтому, коль скоро намъ стало извѣстнымъ, что Аларихъ потому пощадилъ христіанскія базилики Петра, что это такъ устроилъ Богъ, то поступокъ этого дикаря въ нашихъ глазахъ является совершенно безцѣннымъ и не имѣющимъ нравственнаго вмѣненія. Или, напримѣръ, идетъ война; одолеваетъ сторона сильнѣйшая; но вотъ появляется ангелъ Господень, и побѣда остается за слабой стороной. При чемъ

же тутъ человѣческая свобода? Это есть уже злоупотребленіе истинами религіи ради религіи; такого ученія объ абсолютной несвободе человѣческихъ дѣйствій не знаетъ христіанство. Если наша воля не свободна на столько, на сколько можно представить ее не свободно на основаніи сочиненія бл. Августина, то тогда христіанство напрасно говоритъ о вѣрѣ, о добрыхъ дѣлахъ, о молитвѣ, таинствахъ и т. п., словомъ, о всемъ томъ, что возможно только подъ условіемъ свободы человѣческой воли. Впрочемъ такой выводъ изъ сочиненія бл. Августина о несвободе человѣческой воли вполне обусловливается извѣстнымъ ученіемъ его о Божественномъ предопредѣленіи, которое въ теоріи абсолютно уничтожаетъ человѣческую свободу. Повидимому, бл. Августинъ очень удовлетвори-тельно рѣшаетъ вопросъ объ отношеніи человѣческой свободы къ Божественному предвѣдѣнію (*praescientia*); прочитавъ его разсужденія объ этомъ предметѣ, направленныя противъ Цицерона ¹⁾, можно счесть обыкновенное въ богословской литературѣ обвиненіе бл. Августина въ ученіи о безусловномъ предопредѣленіи, совершенно уничтожающемъ свободу человѣческой воли, недоумѣніемъ, предразсудкомъ, основаннымъ на не вполне обстоятельномъ и полномъ изученіи всѣхъ мѣстъ его твореній, относящихся къ этому вопросу. Но стоитъ только это ученіе его объ отношеніи человѣческой воли къ предвѣдѣнію сравнить съ другими мѣстами, гдѣ идетъ рѣчь о безусловномъ предопредѣленіи, содержащимися хотя бы только въ томъ же сочиненіи,—и обвиненіе, казавшееся недоумѣннымъ, кажется вполне справедливымъ и основательнымъ. Дѣйствительно, припомнимъ приведенное нами выше, особенно характерное, мѣсто, гдѣ мысль о безусловномъ предопредѣленіи выражена съ особенною ясностію и рѣзкостію, не допускающими никакихъ перетолкованій: „Богъ... положилъ въ своемъ совѣтѣ извлечь изъ массы осужденнаго человѣчества определенное (*certum*) число праведныхъ, предназначенныхъ (*praedestinatum*) въ Его премудрости отъ неправедныхъ не заслугами ихъ, такъ какъ весь родъ человѣческій былъ осужденъ уже въ самомъ испорченномъ

¹⁾ Тамъ же, V, 9.

своемъ корнѣ, но своею благодатию“¹⁾). И такъ, по Августину, Богъ, не взирая на личныя заслуги каждаго отдѣльнаго человѣка, predeterminedъ однихъ спасти, другихъ оставить внѣ спасенія. Сообразно съ этимъ Онъ попускаетъ дѣйствовать діаволу, только на непредeterminedъ ко спасенію. „Вѣдь кто изъ вѣрующихъ, пишетъ въ другомъ мѣстѣ Августинъ, не знаетъ, что діаволь обольщаетъ и увлекаетъ съ собою въ вѣчную жизнь только тѣ народы, которые не предназначены къ вѣчной жизни?“²⁾). Если не можетъ быть и рѣчи о личныхъ заслугахъ человѣка, если „діаволь никогда не обольститъ Церкви, предназначенной и избранной до созданія міра“³⁾), то какая же послѣ этого можетъ быть рѣчь о свободѣ человѣческой воли? Мы не будемъ говорить о практическихъ результатахъ, которые могутъ послѣдовать отъ вліянія этого пункта Августинской системы философіи исторіи на умы читателей, довѣрчивыхъ къ авторитету величайшаго столпа западной церкви; намъ достаточно констатировать только фактъ противорѣчія Августина самому себѣ. Что нибудъ одно: или человѣческая свобода, или безусловное Божественное predeterminedъ. А такъ какъ ученіе о безусловномъ predeterminedъ не основывается ни на Священномъ Писаніи, ни на преданіи, а есть ошибка нѣкоторыхъ западныхъ богослововъ, то, несомнѣнно, должно выбрать человѣческую свободу⁴⁾).

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію второй части системы философіи исторіи бл. Августина, которая отвѣчаетъ на вопросъ о смыслѣ и цѣли всемірно-историческаго процесса. „Родъ человѣческой, пишетъ бл. Августинъ, мы раздѣлили на два разряда: одинъ—тѣхъ людей, которые живутъ по человѣку, другой—по Богу. Эти разряды мы символически назвали двумя градами, т. е. двумя обществами людей, изъ которыхъ одному предназначено вѣчно царствовать, а другому подвергнуться

1) Тамъ же, XIV, 26.

2) Тамъ же, XX, 7.

3) Тамъ же, XX, 8.

4) Архіеп. Макарій. Православно-догматическое Богословіе; С.-П.-Б. 1857. Т II, стр. 213—224.

вѣчному наказанію съ діаволомъ“¹⁾). Вотъ въ краткихъ и точныхъ словахъ сущность ученія бл. Августина о двухъ градахъ. Онъ все человѣчество дѣлитъ на двѣ половины, несходныя между собою въ самыхъ основныхъ принципахъ ихъ жизнедѣятельности; одна живетъ для Бога, другая живетъ для человѣка и враждуетъ противъ Бога. Хотя эти обѣ половины пространственно и перемѣшаны между собою, но Августинъ проводитъ принципную грань между ними на протяженіи всей исторіи человѣчества столь рѣзко и опредѣленно, что подъ вліяніемъ его системы ясно себѣ представляешь все человѣчество подѣленнымъ на двѣ, совершенно различныхъ, половины, между которыми, въ силу Божественнаго предопредѣленія, не можетъ быть никакихъ обмѣновъ членами; кто предопредѣленъ быть членомъ града Божія, тотъ имъ и бываетъ и наоборотъ. Но подобное подраздѣленіе всего человѣчества на два, рѣзко разграниченныхъ между собою, общества—общество благочестивыхъ и общество нечестивыхъ—подраздѣленіе безусловно невѣрное, не основанное ни на Священномъ Писаніи, ни на психологической и исторической дѣйствительности. Божественное Откровеніе отнюдь не дѣлитъ человѣчества на два, рѣзко разграниченныхъ между собою царства: царство добра и царство зла. Если оно говоритъ о святости христіанъ, освящаемыхъ благодатію Христовою, то въ то-же время говоритъ и постоянныхъ ихъ грѣхопаденіяхъ. Изреченія: „Міръ весь во злѣ лежитъ“ (Іоан. V, 19.) „Аще речемъ, яко грѣха не имамы, себѣ прельщаемъ и истины нѣсть въ насъ“ (Іоан. I, 8), слишкомъ ясны и понятны, чтобы къ нимъ дѣлать какой-либо комментарий. Съ другой стороны, если Св. Писаніе говоритъ о нечестивыхъ, то не отрицаетъ въ нихъ извѣстной доли благочестія: и „языцы, закона не имуще, естествомъ законная творятъ“ (Рим. II, 13). Добро и зло, благочестіе и нечестіе, по ученію Св. Писанія, слишкомъ перемѣшаны между собою, чтобы можно было указать царство только людей добродѣтельныхъ и царство исключительно людей злыхъ. Обращаясь къ исторіи и психологіи, мы вездѣ и всегда видимъ по-

¹⁾ Тамъ-же, XV, 1.

стоянную перепутанность добра и зла. Психическая жизнь каждаго отдѣльнаго человѣка есть не что иное, какъ постоянная борьба между мотивами добра и зла, послѣдовательная смѣна добрыхъ расположеній злыми и злыхъ добрыми. Каждый отдѣльный человѣкъ грѣшитъ, раскаивается, дѣлаетъ добро, снова грѣшитъ и т. д. Даже подвижники христіанства—и тѣ живутъ въ постоянной борьбѣ со зломъ, и ихъ жизнь—послѣдовательный путь паденій и возстаній. Поэтому если можно говорить о двухъ царствахъ, о царствѣ добра и зла, царствѣ Божіемъ и человѣческомъ, то подъ ними должно разумѣть такія двѣ единицы, величины которыхъ постоянно колеблются, не останавливаясь въ своемъ колебаніи, два такихъ общества, члены которыхъ постоянно мѣняются, мѣняются каждый моментъ. Но, очевидно, такія царства чистѣйшая абстракція, не могущая имѣть никакого практическаго приложенія къ философскому обзрѣнію историческихъ судебъ чело-вѣчества.

По ученію Августина, гражданинъ царства Божія—синонимъ благочестиваго человѣка, угоднаго Богу своею праведностію, а гражданинъ царства земнаго—синонимъ нечестивца, угоднаго діаволу. Но въ чемъ-же Августинъ видитъ критерій для того, чтобы судить: кто гражданинъ какого града? Гражданинъ града земнаго, по Августину, тотъ, кто „находится подъ властію демоновъ“¹⁾, а „отъ власти демоновъ не можетъ освободить ничто, кромѣ благодати Божіей черезъ Господа нашего Іисуса Христа“²⁾. Гражданинъ града Божія, слѣдовательно, тотъ, кто самою благодатію, полученною черезъ вѣру Господа Іисуса Христа, свободенъ отъ власти демоновъ. Особенно этотъ критерій ясенъ у Августина тамъ, гдѣ онъ говоритъ о членахъ царства Божія, не принадлежавшихъ по своему происхожденію къ народу еврейскому; такихъ членовъ онъ указываетъ только двухъ: библейскаго Іова³⁾ и Сивиллу Эретрейскую⁴⁾; говоря объ Іовѣ, онъ такъ формулируетъ свой

1) Тамъ-же, II, 29.

2) Тамъ-же, IV, 31.

3) Тамъ-же, XVIII, 47.

4) Тамъ-же, XVIII, 23.

критерій: „среди другихъ народовъ могли быть люди, которые жили по Богу и угодили Ему, принадлежа къ небесному Иерусалиму. *А такимъ могъ быть, какъ слѣдуетъ думать, мнѣ тотъ, кому отъ Бога открытъ былъ единый ходатай Бога и человекъ, человекъ Христосъ Іисусъ* ¹⁾). Значить, знаніе Христа и вѣра въ Него—вотъ первый и основной признакъ принадлежности къ граду Божію, а отсутствіе этого знанія и вѣры—признакъ принадлежности къ граду земному. Но затруднительно примирить эти разсужденія Августина съ слѣдующими словами св. Ап. Павла въ его посланіи къ римлянамъ: „слава и честь и миръ всякому, дѣлающему доброе, во-первыхъ, іудею, потомъ эллину! Ибо нѣтъ лицепріятія у Бога. Тѣ, которые не имѣя закона, согрѣшили, внѣ закона и погибнуть; а тѣ, которые подъ закономъ согрѣшили, по закону осудятся, потому что не слушатели закона праведны предъ Богомъ, но исполнители закона оправданы будутъ, ибо когда язычники, не имѣющіе закона, по природѣ законное дѣлаютъ, то не имѣя закона, они сами себѣ законъ; они показываютъ, что дѣло закона у нихъ написано въ сердцахъ, о чемъ свидѣтельствуется совѣсть ихъ и мысли ихъ, то обвиняющія, то оправдывающія одна другую, въ день (т. е. по закону осудятся), когда, по благовѣствованію моему, Богъ будетъ судить тайныя дѣла человекъ черезъ Іисуса Христа... Итакъ, если необрѣзанный соблюдаетъ постановленія закона, то его необрѣзаніе не вмѣнится ли ему въ обрѣзаніе? И не обрѣзанный по природѣ, исполняющій законъ, не осудитъ ли тебя, преступника закона при Писаніи и обрѣзаніи?“ (Рим. II, 10—16, 26. 27). Неужели язычникъ, незнающій откровенія о Христѣ, но свято внимающій голосу естественнаго закона и исполняющій его велѣнія по совѣсти, язычникъ, могущій осудить іудея, преступника закона при Писаніи и обрѣзаніи, не можетъ быть названъ благочестивымъ?...

Единою цѣлію всего историческаго процесса система Августина поставляетъ спасеніе человекъ въ силу искупительныхъ заслугъ Господа Іисуса Христа и полученіе вѣчной блажен-

¹⁾ Тамъ-же, XVIII, 47.

ной жизни. Но какимъ образомъ эта цѣль можетъ быть названа единою цѣлью всего всемірно-историческаго процесса? Какой же послѣ этого смыслъ земнаго существованія всѣхъ тѣхъ народовъ и лицъ, которые даже своимъ знаніемъ не причастны дѣлу искупленія? По Августину, и они служатъ той же великой цѣли вѣчнаго блаженства, принося какую-нибудь пользу членамъ царства Божія, прямо идущимъ къ этой единой цѣли; они—тѣни на картинѣ, своимъ художественнымъ сочетаніемъ со свѣтомъ производящія цѣлостное впечатлѣніе красоты и гармоніи на зрителя. Но если первая истина—о вѣчной жизни, какъ единой истинной цѣли человѣческаго земнаго существованія вообще—ясно и опредѣленно провозвѣщена въ христіанскомъ Откровеніи, то, напротивъ, вторая истина, что всѣ языческіе народы, не причастные Искупленію, однако такъ или иначе служатъ той же цѣли, слишкомъ мало раскрыта въ Откровеніи, чтобы развивать ее детально въ отношеніи каждаго отдѣльнаго языческаго народа. Этого мало; смыслъ существованія каждаго отдѣльнаго народа—тайна Провидѣнія, которую человѣкъ не имѣетъ средствъ уяснить. Поэтому Августинъ, и самъ довольно выразительно и часто говоритъ о непостижимости путей Провидѣнія ¹⁾, Его плановъ и намѣреній относительно тѣхъ или другихъ языческихъ народовъ ²⁾.

Такъ какъ значеніе каждаго отдѣльнаго языческаго народа въ отношеніи къ единой, обще-міровой, цѣли знать опредѣленно и положительно нельзя, то Августинъ, пытаясь проникнуть въ непостижимое, на самомъ дѣлѣ только гадаетъ; и, надо признаться, почти всѣ его гаданія подобнаго рода неудачны настолько, что по нимъ иногда выходитъ, будто Провидѣніе выбирало для своихъ цѣлей самыя неподходящія средства.

Но этого мало; о существованіи нѣкоторыхъ и даже многихъ народовъ Августинъ совершенно не зналъ. Извѣстно, что

¹⁾ Тамъ-же, I, 28; II, 22, 23, 29; IV, 17; V, 19; X, 22; XI, 51, XII, 15, 17; XVIII, 10, 52; XX, 2 и др.

²⁾ Это—общій недостатокъ всѣхъ провиденціалистическихъ системъ философіи исторіи.

горизонтъ его географическихъ познаній былъ не широкъ настолько, что земля ему представлялась въ видѣ круглой плоскости¹⁾, заключающей въ себѣ только Европу, Азію и Африку²⁾; поэтому, спрашивается: неужели абсолютно безцѣльно существовали всѣ тѣ многочисленныя племена, о существованіи которыхъ Августинъ и не подозрѣвалъ? Сомнительно; но по системѣ Августина это такъ.

Кромѣ того, если Августинъ подыскиваетъ, хотя и не всегда удачно, цѣли историческаго существованія для тѣхъ народовъ, которые могли по своимъ географическимъ и историческимъ условіямъ имѣть соприкосновеніе съ еврейскимъ народомъ и христіанами, то онъ оставляетъ безъ всякаго вниманія тѣ народы, которые не имѣли положительно никакого соприкосновенія ни съ тѣмъ, ни съ другими; какъ извѣстно, Августинъ собственно упоминаетъ объ Ассиріи и Римѣ, совершенно умалчивая, такимъ образомъ, о сѣверныхъ народахъ—Европы, о восточныхъ—Азіи, объ южныхъ—Африки. По сему снова приходится повторить прежній недоумѣнный вопросъ. Такимъ образомъ, громадная и сложная по своей композиціи картина всемірно-историческаго процесса, долженствующая, по мысли автора-художника, производить цѣлостное художественное впечатлѣніе гармоничнымъ распредѣленіемъ свѣта и тѣней, покрывается большимъ количествомъ пустыхъ мѣстъ на полотнѣ, положительно уничтожающими всякую художественность впечатлѣнія.

Самый основной принципъ системы христіанской философіи исторіи, построенной бл. Августиномъ, именно, что смыслъ всемірно-историческаго процесса заключается только въ стремленіи человѣка къ вѣчной жизни, въ томъ видѣ, какъ онъ представляется въ его системѣ, не можетъ быть положенъ въ основаніе идеально-правильной системы христіанской философіи исторіи. Дѣйствительно, что, по Августину, обнимаетъ въ человѣкѣ это стремленіе къ вѣчному блаженству? Проникается ли имъ вся духовная жизнь человѣка? Можно ли направить къ

1) Тамъ-же, XVI, 9.

2) Тамъ-же, XVI, 17.

этой цѣли всѣ силы души и всѣ функціи ея жизнедѣятельности? На эти вопросы система Августина даетъ отрицательный отвѣтъ. Подъ стремленіемъ къ вѣчному блаженству Августинъ понимаетъ исключительно только функціи чисто религіознаго свойства. Любить Бога, т. е. быть членомъ града Божія, по Августину, значить игнорировать все, кромѣ одной религіи во всей ея высотѣ и чистотѣ. Августинъ положительно ненавидитъ всю совокупность культурныхъ пріобрѣтеній; онъ раздражается грозными филиппиками противъ всевозможныхъ благъ здѣшней жизни, не имѣющихъ прямо служебнаго отношенія къ религіи, хотя и не противорѣчащихъ ей; онъ — страшный пессимистъ по отношенію ко всему земному. Какой смыслъ въ *здоровьѣ* и *красотѣ*, „если отнятіе или увѣчые человѣческихъ членовъ уничтожаетъ ихъ, цѣлость, уродливость—ихъ красоту, изнуреніе—силы, вялость или оцѣпенѣніе—ихъ подвижность?“¹⁾ „Какое и въ какомъ объемѣ сохранится *чувство*, если, умалчивая о другомъ, человѣкъ сдѣлается глухимъ и слѣпымъ?—А куда дѣвается, гдѣ засыпаетъ *разумъ* и *разсудокъ*, если отъ какой-нибудь болѣзни человѣкъ впадаетъ въ безуміе?... А что скажу я о тѣхъ, которые подвергаются нападенію демоновъ? Гдѣ у нихъ скрытъ или зарытъ собственный смыслъ, когда и душою и тѣломъ ихъ пользуется по своей волѣ злой духъ? И кто увѣритъ, что подобное зло не можетъ приключиться въ этой жизни мудрому? Затѣмъ, какого свойства или какого объема *воспріятіе истины* въ этой плоти, когда, какъ читаемъ въ правдивой книгѣ мудрости: *тѣло тлѣнное отягощаетъ душу и земное жилище обременяетъ умъ многопечителенъ* (Прем. IX, 15). Затѣмъ сама добродѣтель, усвояющая себѣ высшее мѣсто между человѣческими благами, чѣмъ другимъ здѣсь занята, какъ не непрерывною войной съ пороками и не внѣшними, а внутренними, и не чужими, а нашими и собственными? Особенно это нужно сказать о добродѣтели, которая по гречески называется *σωφροσύνη*, а по латыни *sempreantia* (воздержаніе, цѣломудріе“). Ничто также для Августина и гражданское благоразуміе и

¹⁾ Тамъ-же, XIX, 4.

справедливость ¹⁾). Не видитъ никакого блага онъ и въ *жизни общественной*. „Кто въ состояніи исчислить, восклицаетъ онъ, кто въ силахъ взвѣсить, сколькими и какимъ зломъ переполнено общество человѣческое въ этой бѣдственной смертности?! Кто въ дѣйствительности бываетъ обыкновенно или долженъ быть дружественнѣе между собою тѣхъ, которые входятъ въ составъ одной семьи? А между тѣмъ, кто можетъ быть увѣренъ въ своей безопасности съ этой стороны, когда тайное коварство членовъ семьи часто бывало причиною столь великихъ золъ,—золъ тѣмъ болѣе горькихъ, чѣмъ пріятнѣе былъ миръ, принимаемый за миръ истинный въ то время, какъ былъ дѣломъ лукавѣйшаго притворства?... Поэтому безъ глубокой сердечной скорби нельзя слышать извѣстныхъ божественныхъ словъ: *и врази челоуьку домашніе его* (Мѡ. X, 36)“ ²⁾. „А суды людей о людяхъ, неизбежныя въ гражданскихъ обществахъ, въ какомъ бы мирѣ они не находились: каковы они, какъ жалки, какое представляютъ собою скорбное явленіе? Вѣдь судятъ тѣ, которые не могутъ знать совѣсти тѣхъ, о комъ судятъ. Поэтому часто бываютъ вынуждены пытками свидѣтелей отыскивать истину по чужому для свидѣтелей дѣлу... Невѣдѣніе судьи почти всегда бѣдствіе для невиннаго... Справедливѣе и достойнѣе человѣка признать въ необходимости мудрецу отпирать должность судьи бѣдствіе и ненавидѣть (*sic!*) его въ себѣ, а если мудрствуетъ благочестиво, восклицать къ Богу: *отъ нужды моихъ изведи мя* (Пс. XXIV, 17)“ ³⁾.—„Государство, какъ собраніе водъ, чѣмъ обширнѣе, тѣмъ болѣе представляетъ опасностей. Прежде всего въ немъ отчуждаетъ человѣка отъ человѣка различіе языковъ. Если же бы я захотѣлъ надлежащимъ образомъ изложить множество и разнообразіе бѣдствій отъ войнъ, ихъ тяжелыя и несчастныя послѣдствія, то едвали будетъ конецъ моей длинной рѣчи... Кто съ душевною болью вникнетъ въ эти виды зла, такіе тяжкіе, такіе ужасные, такіе жестокіе, тотъ признаетъ въ нихъ бѣдствіе“ ⁴⁾. Даже то

1) Тамъ же.

2) Тамъ же, XIX, 5.

3) Тамъ-же, XIX, 6.

4) Тамъ-же, XIX, 7.

„единое, что утѣшаетъ насъ въ этомъ человѣческомъ обществѣ, переполненномъ ошибками и скорбями, это нелицемѣрная преданность и взаимная любовь между истинными и добрыми друзьями—не надежное благо. Чѣмъ больше и въ большихъ мѣстахъ мы ихъ имѣемъ, тѣмъ больше и чаще боимся, чтобы не случилось съ ними какого нибудь зла изъ этой массы золъ настоящаго вѣка“¹⁾. Что за пессимизмъ! Ни искусство и ни наука, ни семья и ни государство, ни любовь и ни дружба не имѣютъ ровно никакого значенія для человѣчества! Но игнорировать такъ во имя религіи всѣ прочія отправленія духовной жизни человѣка не дозволяетъ само христіанство, освятившее семью и государство, искусство и науку и т. п. Христіанская религія должна обнимать всѣ стороны человѣческаго существа, оживлять ихъ единою идеею и такимъ образомъ способствовать ихъ полному и безостановочному прогрессу²⁾. Если современныя системы философіи исторіи совершенно незаконно игнорируютъ религіозно-нравственную жизнь человѣчества, то провиденціалистическія системы вообще и особенно система бл. Августина не менѣе незаконно игнорируютъ всѣ прочія стороны духовной жизни, кромѣ только религіозно-нравственной. Познокомившись съ системой философіи бл. Августина, невольно задаешь себѣ вопросъ о *raison d'être* всѣхъ прочихъ, кромѣ религіозно-нравственной, сторонъ человѣческой жизни и недовѣрчиво вопрошаешь: неужели сами въ себѣ онѣ не имѣютъ ровно никакого смысла?!... Пусть, по Августину, ни тѣлесное здоровье, ни красота, ни мужество, ни ученый трудъ, ни государственная жизнь, ни человѣческая дружба не суть блага *постоянныя и неизмѣнныя*; пусть здоровье и красота уничтожаются болѣзнию, пусть разумъ и наука могутъ погибать отъ безумія и заблужденій, пусть жизнь общественная и государственная иногда страдаетъ отъ злоупотребленій и эгоизма; но вѣдь все это—ненормальности. Намъ—христіанамъ, конечно, по духу христіанскаго идеала,

1) Тамъ-же, XIX, 8.

2) Подробнѣе объ этомъ см. у Юнцкаго: О значеніи христіанской религіи въ развитіи историческаго прогресса. (Чтенія въ общ. любит. дух. просвѣщеніи. 1877. Стр. 123—147 и стр. 231—256).

не надо ни искусства, ни науки, ни красоты, какъ только таковыхъ; намъ нужна *христіанская наука, христіанское искусство*; пусть Христосъ, пусть Его царство будетъ вездѣ и во всемъ: въ этомъ единственный смыслъ исторіи человѣчества. Пусть и художникъ, и поэтъ, и ученый, и царь пусть всѣ едиными устами и единымъ сердцемъ служатъ только Христу—и тогда всѣ они своею жизнію и дѣятельностію будутъ причастны осуществленію единого всечеловѣческаго призванія. Культура, какъ сумма только внѣшнихъ, матеріальныхъ благъ и усовершенствованій, къ распространенію которой теперь направлены всѣ старанія современныхъ западныхъ государствъ, культура, оторванная отъ Христа и Его вѣры—зло, прямо ведущее къ гибели; кто теперь самые несчастные люди?—тѣ, кто живутъ *только одною культурой*, тѣ, которые поѣдаютъ плоды нелѣпаго, совсѣмъ оторваннаго отъ христіанства и отнюдь недостойнаго возрѣнія на человѣческое достоинство и назначеніе, просвѣщенія. Такая культура, конечно, зло и ея надо бѣжать. Но отрицать *христіанское просвѣщеніе, христіанскую науку, христіанское искусство, христіанское государство, христіанскую дружбу, христіанскій бракъ*—нельзя.

Иеромонахъ Григорій.

Сергіевъ посадъ.
М. Д. Академія.

ПРИРОДА И ЖИЗНЬ ПО ПРИРОДѢ ПО АРИСТОТЕЛЮ.

Нельзя не обратить вниманіе на ту странность, что въ Греціи въ то время, когда явилось ученіе *о жизни по природѣ* (*κατὰ φύσιν τὸ ζῆν*), изученіе природы почти перестало интересоваться; особенно мало интересуются изученіемъ природы тѣ, которые проповѣдуютъ ученіе о жизни по природѣ, какъ-то: *софисты* и *циники*. Последніе, т. е. циники, считаютъ занятіе философіею и науками о природѣ излишнею для человѣка роскошью и празднымъ занятіемъ, а время, потраченное на это занятіе,—потеряннымъ для добродѣтели. Но такая ненормальность не могла долго существовать. Дѣйствительно, мы видимъ, что Аристотель, ученикъ Платона, столько же, если не больше, предается изученію природы, сколько и рѣшенію нравственныхъ и политическихъ вопросовъ. Особенно царство животныхъ служитъ предметомъ его изученія. Сюда относятся слѣдующія его сочиненія: „Исторія животныхъ“ (въ 10 книгахъ), „О частяхъ животныхъ“ (въ 4 книгахъ), „О движеніи животныхъ“ (въ 1-й книгѣ), „О происхожденіи животныхъ“ (въ 5 книгахъ); кромѣ того сюда же относится сочиненіе: „О душѣ“ (въ 3 книгахъ), съ прибавленіемъ такъ называемыхъ: „*Parva naturalia*“, гдѣ трактуется объ „ощущеніи и ощущаемомъ“, о „памяти и воспоминаніи“, о „снѣ и сновидѣніяхъ“, о „долготѣ и краткости жизни“ и т. д.

Изученіе природы, важное и интересное само по себѣ. у Аристотеля получаетъ особенное значеніе чрезъ то, что оно служитъ для него руководителемъ и указателемъ въ рѣшеніи

вопросовъ о жизни по природѣ, затронутыхъ его предшественниками. Напр., кому неизвѣстно, что Аристотель былъ защитникомъ законности рабства? Это тѣмъ болѣе удивительно, что, какъ мы могли убѣдиться изъ предыдущихъ нашихъ очерковъ, передовые умы Греціи до Аристотеля сознавали уже несправедливость существованія рабства. Какъ извѣстно, защита Аристотеля законности рабства вызвала почти единодушное порицаніе со стороны историковъ новаго времени и въ извиненіе его высказывалось и высказывается только то, что великій мыслитель древности, не смотря на геніальность своего ума, не могъ отрѣшиться отъ господствовавшаго въ древности взгляда, что безъ рабства немислимо существованіе государства. Мы съ своей стороны замѣтимъ, что въ первой книгѣ „Политики“ Аристотеля, гдѣ онъ защищаетъ законность рабства, пѣтъ еще рѣчи о государствѣ, а говорится только о семьѣ и ея составѣ. Въ семьѣ-то и ощущалась необходимость раба и коль скоро къ ней присоединенъ былъ рабъ, въ ней послѣдовало значительное измѣненіе къ лучшему. Раньше—въ первобытной семьѣ жена занимала мѣсто раба. Въ подтвержденіе этого Аристотель ссылается на слова Гезіода. У варваровъ, говоритъ Аристотель, женщина и рабъ и доселѣ стоятъ на одинаковой степени. (Polit. Lib. 1, cap. 1). Да и у бѣдныхъ грековъ за немѣніемъ рабовъ по необходимости пользуются женою и дѣтьми, какъ домашнею прислугою (Polit. Lib. VI, cap. 1). Съ присоединеніемъ къ семьѣ раба жена получила больше свободы и отношенія между мужемъ и женою стали измѣняться къ лучшему. И дѣти вышли изъ положенія домашнихъ слугъ. Въ семьѣ послѣдовало вообще болѣе цѣлесообразное распредѣленіе труда. Обязанности мужа по преимуществу внѣ семьи: онъ принадлежитъ республикѣ; обязанности жены исключительно въ семьѣ и домѣ: она воспитываетъ дѣтей, управляетъ домомъ и хозяйствомъ; дѣти нуждаются въ воспитаніи и образованіи; поддержаніе семьи физическимъ трудомъ лежитъ на обязанности раба. Такой составъ и положеніе семьи признаетъ Аристотель наиболѣе нормальными, цѣлесообразными и совершенными, чѣмъ какова была первобытная семья. На это указываетъ ему сама природа. Среди животныхъ организмовъ онъ

наблюдать, что большее совершенство представляет тотъ организмъ, въ которомъ для каждой функціи существуетъ отдѣльный органъ (*ἐν πρὸς ἐν*); а гдѣ одинъ и тотъ же органъ служитъ для различныхъ функцій, тамъ организмъ находится на низшей (несовершенной) ступени развитія (*Polit. Lib. 1, cap. 1. De part. anim. Lib. IV, cap. 6*).

Итакъ, Аристотель признаетъ несомнѣннымъ, что *семья* много выиграла послѣ того, какъ къ ней присоединенъ былъ рабъ: она явилась *наиболѣе совершенною* съ точки зрѣнія природы. Но оставался нерѣшеннымъ существенно важный вопросъ: справедливо ли, чтобы одинъ человѣкъ управлялъ другимъ и былъ его господиномъ? или—справедливо ли раздѣленіе людей на свободныхъ и рабовъ, на господъ и подчиненныхъ? Та же природа, начиная съ неорганической и кончая разумною, показываетъ Аристотелю, что всюду существуетъ начало господствующее и то, что по необходимости находится въ положеніи зависимаго и подчиненнаго: тамъ, гдѣ существуетъ гармоническое сочетаніе элементовъ въ одно цѣлое, начало сочетающее есть господствующее начало, а сочетаемое или элементы находятся въ зависимости отъ начала сочетающаго; душа господствуетъ надъ тѣломъ и тѣло подчиняется душѣ; въ самой душѣ влеченія и страсти подчиняются разуму; противное считается уже ненормальностію; животныя подчиняются человѣку. Право господства надъ животными человѣкъ получаетъ въ силу *разума*, которымъ онъ обладаетъ. Домашнія животныя, находясь въ подчиненіи человѣка, въ этомъ самомъ подчиненіи человѣку находятъ свое благо и стоятъ выше дикихъ животныхъ. Если существуетъ различіе между людьми по уму и развитію, то и среди нихъ естественно и законно съ точки зрѣнія природы господство и подчиненіе. Людямъ, обладающимъ отъ природы большою физическою силою и въ то же время отличающимся отъ другихъ крайнимъ скудоуміемъ, приличнѣе быть въ подчиненіи (и подъ руководствомъ умнаго человѣка и ему выгодно и полезно быть въ подчиненіи. Вотъ эти-то люди и должны быть, по указанію самой природы, отчислены въ разрядъ рабовъ, необходимыхъ для физическаго труда. „Сама природа, говоритъ Аристотель, стремится отличить тѣло раба отъ тѣла

свободнаго“: рабъ по природѣ отличается физическою силою и не обладаетъ умомъ, напротивъ, свободный по природѣ, не отличаясь физическою силою, необходимою для физическаго труда, обладаетъ способностями, необходимыми для общественныхъ и политическихъ функцій, а также—для философіи.

Такимъ образомъ, Аристотель различаетъ рабство *по природѣ* и рабство *по закону*. Последнее далеко не всегда совпадаетъ съ первымъ. То рабство, которое существуетъ *по закону*, есть по преимуществу слѣдствіе войны; въ такомъ случаѣ рабъ дѣлается рабомъ *случайно* (τύχη), а не по указанію природы. Среди существующихъ рабовъ легко наблюдать, что нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ тѣло свободныхъ. Не такъ легко наблюдать душу, какъ тѣло; но несомнѣнно, что нѣкоторые изъ нихъ обладаютъ душею свободныхъ. То же нужно сказать и о свободныхъ *по закону*.

Итакъ, если по отношенію къ рабству слѣдовать указаніямъ природы, то очевидно, что требуется существенное измѣненіе въ существующемъ рабствѣ *по закону*. Оно требуется, по взгляду Аристотеля, и въ другомъ отношеніи. У господъ существуетъ часто непониманіе истинныхъ, справедливыхъ отношеній къ рабамъ. „Говорятъ, что такъ какъ рабы лишены разума, то съ ними не слѣдуетъ и разговаривать, а только приказывать имъ“. Напротивъ, говоритъ Аристотель, „рабовъ слѣдуетъ вразумлять и убѣждать и даже—болѣе, чѣмъ дѣтей“. Рабы не лишены совсѣмъ разума; они имѣютъ его настолько, насколько нужно, чтобы понимать указанія и объясненія господина. Господа должны понимать, что раба и господина соединяетъ общая взаимная *польза*: господинъ нуждается въ физической силѣ для физическаго труда, необходимаго для существованія семьи, иначе семья не имѣла бы свободнаго времени для выполненія высшаго ея назначенія, указываемаго природою и положеніемъ. Поэтому „между господиномъ и рабомъ должна существовать нѣкотораго рода *дружба*“ (φιλία δοῦλω καὶ δεσπότῃ πρὸς ἀλλήλους. Polit. Lib. 1. cap. 2), говоритъ Аристотель.

Мы не исчерпали еще всего содержанія тѣхъ главъ первой книги „Политики“, въ которыхъ трактуется о рабствѣ. Но для нашей цѣли пока достаточно сказаннаго. Изъ этого уже вид-

но, въ какой тѣсной связи стоитъ у Аристотеля рѣшеніе общественныхъ и политическихъ вопросовъ съ изученіемъ природы. Поэтому, прежде, чѣмъ говорить о жизни по природѣ по ученію Аристотеля, необходимо познакомиться съ его ученіемъ о природѣ. Въ своемъ мѣстѣ мы вернемся снова къ ученію Аристотеля о рабствѣ въ связи съ другими вопросами и тамъ еще болѣе выяснится то, что уже сказано нами выше.

Природа по Аристотелю. Перечисленные нами выше сочиненія Аристотеля заключаютъ въ себѣ не философскія разсужденія о природѣ, какъ можетъ предположить читатель, незнакомый съ этими сочиненіями, а дѣйствительное изученіе природы, насколько оно было возможно и доступно Аристотелю и древнему міру вообще. Это будетъ видно даже изъ краткаго очерка содержанія трехъ главныхъ сочиненій, относящихся къ царству животныхъ, а именно: „Исторія животныхъ“, „О частяхъ животныхъ“ и „О происхожденіи животныхъ“.

Аристотелю извѣстно было до 400 видовъ животныхъ. Необходимость классификаціи всѣхъ животныхъ не менѣе ясно сознавалась Аристотелемъ, какъ и учеными новаго времени. Но если въ наше время наука не достигла еще совершенной классификаціи животныхъ, то тѣмъ труднѣе было Аристотелю создать вполнѣ удовлетворительную классификацію. Для этого онъ не имѣлъ даже терминологіи, не говоря уже о другихъ затрудненіяхъ, неизбѣжныхъ для Аристотеля и не существующихъ для современнаго натуралиста. Въ указанныхъ сочиненіяхъ Аристотеля встрѣчается нѣсколько классификацій животныхъ; но изъ нихъ болѣе серьезное вниманіе обращаютъ на себѣ три классификаціи, основанныя на трехъ различныхъ принципахъ дѣленія; эти принципы дѣленія суть: а) присутствіе и отсутствіе крови; б) среда, въ которой обитаютъ животныя и в) способъ репродукціи. Особенно классификація перваго рода, основывающаяся на принципѣ присутствія и отсутствія крови, отличается широтою. По этой классификаціи всѣ животныя дѣлятся: а) на животныхъ, имѣющихъ кровь (т. е. красную кровь) и б) на животныхъ, не имѣющихъ крови (эта класси-

фикація соотвѣтствуетъ дѣленію животныхъ на позвоночныхъ и безпозвоночныхъ). Животныя, не имѣющія крови, дѣлятся Аристотелемъ на четыре группы: а) моллюски (нынѣшніе цефалоподы); б) ракообразныя; в) черепокожныя (нынѣшніе моллюски) и г) насѣкомыя. Когда Аристотель говоритъ о животныхъ, имѣющихъ кровь, то въ свою очередь дѣлитъ ихъ: а) на яйцеродныхъ; б) живородныхъ и в) яйцеживородныхъ; а также: а) на живущихъ въ водѣ; б) живущихъ на сушѣ и в) летающихъ по воздуху. „Исторія животныхъ“ посвящена по преимуществу описанію различныхъ родовъ и видовъ животныхъ. Аристотель описываетъ не только наружныя признаки и свойства различныхъ видовъ животныхъ, но и пищу, образъ жизни и нравы ихъ. Для удобства и болѣе успѣшнаго выполненія этой задачи онъ создаетъ новыя частныя дѣленія животныхъ; на примѣръ, дѣлитъ ихъ на животныхъ четвероногихъ, двуногихъ, многоногихъ, на животныхъ плотоядныхъ, травоядныхъ, всеядныхъ, на животныхъ стадныхъ и живущихъ по одиночкѣ, на осѣдлыхъ и перекочевывающихъ, дневныхъ и ночныхъ, дикихъ и ручныхъ и т. д.

Въ сочиненіи: „О частяхъ животныхъ“ мы встрѣчаемся съ иного рода *дѣленіемъ*, положеннымъ въ основаніе сочиненія. Оно показываетъ ясно, на сколько Аристотель былъ строго методическимъ изслѣдователемъ природы. Если въ первомъ случаѣ животныя дѣлились по родамъ и видамъ, то здѣсь животный организмъ, какъ цѣлое, дѣлится на части. Нѣтъ сомнѣнія, что оба сочиненія: „Исторія животныхъ“ и „О частяхъ животныхъ“ находятся въ самой тѣсной связи между собою. Если первое изъ нихъ посвящено изученію различныхъ родовъ и видовъ животныхъ, то второе посвящено изученію такихъ частей животнаго организма, безъ которыхъ послѣдній немислимъ. По выдержанности метода второе сочиненіе, по замѣчанію критиковъ, превосходитъ первое. Аристотель дѣлитъ части организма: а) на однородныя и б) на разнородныя (или, выражаясь современнымъ языкомъ, на ткани и органы). Однородныя части имѣютъ свойства, а разнородныя—функціи. Однородныя части бываютъ или твердыя, или жидкія, или имѣютъ другія аналогичныя свойства; къ нимъ относятся: плоть

(мышечная ткань), кости, кровь, жиръ и проч. Къ разнороднымъ частямъ относятся различные органы животнаго организма: руки, ноги, лицо и т. д. Аристотель замѣчаетъ: „однородныя части находятся, кажется, одинаково у всѣхъ животныхъ, чего нельзя сказать о частяхъ разнородныхъ“. Простѣйшіе элементы однородныхъ частей суть: земля, вода, воздухъ, огонь.

Третье сочиненіе: „О происхожденіи животныхъ“ также тѣсно связано съ первыми двумя указанными сочиненіями и составляетъ продолженіе ихъ въ силу требованій метода. Если первые два сочиненія отличаются по преимуществу *описательнымъ* характеромъ, то послѣднее, посвященное Аристотелемъ изложенію генезиса животныхъ организмовъ, слѣдуетъ *объяснительному* методу. Здѣсь трактуется о полахъ и участіи ихъ въ оплодотвореніи, о самомъ оплодотвореніи, о развитіи зародыша, о причинахъ, благопріятствующихъ его или задерживающихъ это развитіе, о причинахъ, опредѣляющихъ полъ въ зародышѣ, о сходствѣ дѣтей съ родителями, съ дѣдами и прадедами, объ уродствѣ и причинахъ, ихъ производящихъ и т. д. Изъ этого краткаго перечисленія вопросовъ, разсматриваемыхъ Аристотелемъ въ указанномъ сочиненіи, видно, какіе важные интересные біологическіе вопросы затрогиваетъ и старается рѣшить онъ, слѣдуя опредѣленно выработанному имъ методу изслѣдованія природы. Здѣсь, приводя мнѣнія и гипотезы другихъ древнихъ писателей по даннымъ вопросамъ, Аристотель критикуетъ ихъ и высказываетъ свои гипотезы, подкрѣпляя ихъ цѣлымъ рядомъ доказательствъ. Словомъ, методъ Аристотеля вступаетъ здѣсь въ область *причинности* и объясненія генезиса животной природы.

Такимъ образомъ, всѣ три указанные сочиненія связаны между собою единствомъ плана и единствомъ метода и заключаютъ въ себѣ дѣйствительное изученіе природы, насколько это было возможно для Аристотеля, согласно требованіямъ метода.

Сочиненія Аристотеля показываютъ, что въ древности онъ не первый началъ изучать природу и животный міръ. Онъ ссылается на Эмпедокла, Анаксагора, Діогена Аполлонійскаго,

особенно—на Демокрита. Есть также у него указанія на авторовъ, совсѣмъ неизвѣстныхъ намъ, напримѣръ, на нѣкоего *Лэфана* и кипріота—*Сіемнезиса*, написавшаго трактатъ о распространеніи венъ въ организмѣ.

Повидимому, всего менѣе могъ заимствовать Аристотель свѣдѣній о природѣ у своего учителя—Платона, потому что мы напрасно стали бы отыскивать среди діалоговъ Платона такихъ, которые по содержанію соотвѣтствовали бы указаннымъ сочиненіямъ Аристотеля, исключая развѣ діалоговъ: *Тимей* и *Симпосіонъ*, едва заслуживающихъ упоминанія здѣсь. Но, вникая въ философскій и научный духъ и направленіе натуралистическихъ сочиненій Аристотеля, мы узнаемъ въ немъ ученика Платона. Послѣдній далъ Аристотелю методъ и руководительныя начала для изученія природы.

Представляемъ другимъ изощряться въ доказательствахъ противоположности между Платономъ и Аристотелемъ и называть перваго идеалистомъ, послѣдняго—эмпирикомъ. Для насъ Аристотель остается ученикомъ Платона и оба они примыкаютъ къ философскому направленію, начало которому положено Сократомъ. Мы не хотимъ сказать этимъ, что Аристотель только повторяетъ Платона; онъ, какъ гениальный мыслитель, идетъ дальше Платона, но не выходитъ изъ предѣловъ того направленія философіи, которое началось съ Сократа. Если онъ дѣлаетъ отступленіе отъ философіи Платона и отступленіе, повидимому, не маловажное, то, какъ мы увидимъ дальше, самъ Платонъ отчасти подаетъ поводъ къ этому отступленію.

Въ нашемъ первомъ очеркѣ, посвященномъ общему обзорѣнію развитія Греческой философіи до Сократа, мы старались показать, что попытки философовъ разныхъ направленій объяснить явленія міра и разнообразіе вещей изъ однихъ *матеріальныхъ* началъ оказались неудовлетворительными. Пифагорейцы, признавшіе *число* началомъ, объясняющимъ матеріальные элементы въ одно гармоническое цѣлое, обратили вниманіе на *форму* вещи, какъ постоянное, устойчивое, не гибнущее среди измѣнчиваго міра явленій. Это, какъ было показано, составляло предварительную ступень къ идеямъ Платона. Во второмъ нашемъ очеркѣ: „Идеи и діалектика по Платону“

достаточно было сказано нами объ идеяхъ Платона, ихъ происхожденіи, природѣ и значеніи для міровыхъ явленій и нашего знанія. Здѣсь между прочимъ одинъ классъ идей названъ *мыслями* божественнаго ума, устроителя міра. Если основываться на діалогѣ Платона: „Тимей“, то нужно полагать, что Платонъ признавалъ нѣчто въ родѣ *творенія* міра Деміургомъ, какъ онъ называетъ божественный умъ, и согласиться съ тѣмъ, что было время, когда не существовало этого благоустроеннаго міра. Рядомъ съ этимъ нужно признать, что вещи созданы Деміургомъ по идеямъ, какъ образцамъ и прототипамъ. Это твореніе міра было торжествомъ божественнаго ума надъ матеріею и элементами, двигавшимися въ беспорядкѣ и существовавшими отъ вѣчности параллельно съ божественнымъ умомъ. Но это торжество божественнаго ума надъ матеріею и элементами, повидимому, не было полнымъ и совершеннымъ, такъ какъ вещи, созданныя по идеямъ, далеко не соотвѣтствовали въ совершенствѣ этимъ послѣднимъ; по крайней мѣрѣ Платонъ училъ, что вещи стремятся къ совершенству подъ вліяніемъ идей, но никогда не могутъ достигнуть того, чтобы осуществить ихъ въ себѣ вполнѣ.

Твореніе міра Деміургомъ *во времени* было-ли положительнымъ ученіемъ Платона, или онъ въ діалогѣ: „Тимей“ лишь метафорически и образно выразилъ свое міровоззрѣніе на происхожденіе міра, какъ нѣкоторые утверждаютъ, трудно рѣшить этотъ вопросъ съ достовѣрностію. Этого творенія міра Деміургомъ во времени и не принялъ Аристотель. По его ученію, *міръ существуетъ отъ вѣчности*. Это ученіе онъ мотивируетъ тѣмъ, что существованіе міра неразрывно связано съ энергіею божественнаго ума, а не было времени, когда бы не дѣйствовала божественная энергія, ибо она есть *чистая энергія* (*ἐν ἔργῳ* и никогда *ἐν δυνάμει*). Матерія и элементы никогда не могли существовать самостоятельно и независимо, параллельно божественному уму, такъ какъ божественному уму всегда было присуще господство и принципъ движенія. Значитъ, противоположности между умомъ божественнымъ съ одной стороны и матеріею съ элементами съ другой стороны никогда не существовало, исключая относительной противоположности, которая

допускается между существующимъ *въ возможности* (ἐν δυνάμει) и существующимъ *въ действительности* (ἐν ἔργῳ).

Устранивши идею творенія *во времени*, Аристотель удержалъ идею *развитія*, которую Платонъ ясно выразилъ и въ своемъ ученіи о дѣйствіи въ мірѣ идей и въ ученіи о мірѣ, какъ αὐτοζῶον, т. е. какъ о саморазвивающемся животномъ, которое въ самомъ себѣ имѣетъ все, необходимое для саморазвитія (Тимей).

Идея *развитія* и происхожденія чрезъ рожденіе, а не твореніе, есть, можно сказать, преобладающая идея въ греческомъ міровоззрѣніи: сами боги имѣютъ тоже происхожденіе. Нѣчто въ родѣ идеи творенія въ первый разъ можно усмотрѣть въ философіи Анаксагора. Этимъ мы хотимъ сказать, что лишь съ появленіемъ въ первый разъ *дуализма*, т. е. ученія о радикальной противоположности между матеріею и божественнымъ умомъ, явилась идея творенія въ смыслѣ воздѣйствія божественнаго ума на матерію, результатомъ котораго было благоустройство міра. Яснѣе выражена была идея творенія міра у Сократа и Платона. Но ни Сократъ, ни Платонъ не возвысились до христіанскаго ученія о твореніи міра изъ *ничего*. Аристотель, повидимому, снова повернулъ назадъ и возвратился къ идеѣ развитія. Но было бы ошибкою утверждать, что Аристотель радикально разошелся въ данномъ пунктѣ съ Платономъ и Сократомъ. Идея творенія не устранена имъ совершенно. Онъ также, какъ Платонъ и Сократъ, не признаетъ того, чтобы міръ развился самъ собою изъ собственнаго бытія безъ воздѣйствія божественнаго ума. По Аристотелю, міръ есть какъ бы непрерывный актъ творенія, или происхожденія изъ небытія въ бытіе, *изъ возможности въ действительность* по разумнымъ началамъ воздѣйствіемъ божественнаго ума.

Такимъ образомъ, у Платона преобладаетъ идея творенія, но не устраняется идея развитія; у Аристотеля, наоборотъ, преобладаетъ идея развитія, но не устраняется совершенно идея творенія. У того и другого виновникомъ благоустройства міра признается божественный умъ. Представленія Платона относительно происхожденія міра, какъ по крайней мѣрѣ они выражены въ его діалогѣ: „Тимей“, отличаются ясностію и об-

щедоступностию, хотя они антропоморфичны и не могутъ удовлетворить строго философскимъ требованіямъ; представленія же Аристотеля относительно того же предмета менѣе удобопонятны, но болѣе логичны и болѣе возвышены по отношенію къ идеѣ божественнаго ума. По ученію Аристотеля, Богъ, строго говоря, не знаетъ міра, такъ какъ его энергія, есть энергія *чистой мысли*: „онъ мыслить о мысли“ ($\nu\acute{o}\eta\sigma\iota\varsigma\ \nu\acute{o}\eta\sigma\epsilon\omega\varsigma\ \nu\acute{o}\eta\sigma\iota\varsigma$) и ничто инородное не входитъ сюда. Слѣдовательно, по міровоззрѣнію Аристотеля, не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы Богъ непосредственно занимался приведеніемъ въ порядокъ матеріи и элементовъ и устройствомъ міра, какъ это представлено у Платона. Но если Богъ не знаетъ міра, то матерія и элементы въ присутствіи высшаго господствующаго начала не оставались пассивными, испытывали невѣдомое дѣйствіе: масса приходила въ движеніе и дѣлалась причастною жизни и блага. Аристотель называетъ Бога *перводвигателемъ* и *высшимъ благомъ*. Въ метафизикѣ (Lib. XI (XII) Аристотель говоритъ: „нужно разсмотрѣть то, какимъ образомъ вселенная заключаетъ въ себѣ высшее благо; есть ли это благо, какъ нѣчто независимое, существующее само въ себѣ и чрезъ себя, или оно заключается въ порядкѣ міра, или, наконецъ, оно существуетъ одновременно тѣмъ и другимъ способомъ,— такъ же, какъ въ арміи. Въ самомъ дѣлѣ, благо арміи есть порядокъ, который въ ней господствуетъ, и военачальникъ ея и по преимуществу ея военачальникъ; не порядокъ дѣлаетъ военачальника, а военачальникъ есть причина порядка“.

Поэтому, при изученіи природы Аристотель требуетъ непременно различать двоякаго рода причины: а) *необходимость* и б) *цѣль* ($\text{Εἰσὶν ἄρα δύο αἰτίαι αὗται τὸ δ' οὐ ἕνεκα καὶ τὸ ἐξ ἀνάγκης}$ De part. anim. Lib. 1. cap. 1.); а) *матерію* и б) *форму* ($\text{Ἐπεὶ ἡ φύσις διττή, ἡ μὲν ὡς ὕλη, ἡ δὲ ὡς μορφή.}$ Phys. Lib. 2, cap. 8.). Преимущество и пресобладающее дѣйствіе въ природѣ принадлежитъ формѣ, а не матеріи, цѣли, а не необходимости ($\text{ἢ κατὰ μορφήν φύσις κυριότερα τῆς ὕλης φύσεως}$ De part. anim. Lib. 1, cap. 1.).

Очевидно, что въ ученіи о причинахъ двоякаго рода Аристотель согласенъ съ Платономъ; только вмѣсто идеи Платона

у него является *форма*. Но есть много общаго между идеею Платона и формою Аристотеля: форма существуетъ раньше предметовъ, къ которымъ она относится, какъ и идея Платона; предметы разрушаются и уничтожаются; форма же неразрушима, какъ и идея; она—идеальна и есть главная причина или сущность предметовъ, а всѣ другія причины суть причины вторичныя, или служебныя; ихъ называетъ Аристотель *сопричинами* (συναίτια) или *состихіями* (συστοιχείαι); форма сочетаетъ элементы въ одно цѣлое и вноситъ всюду гармонію, какъ и идея; она направляетъ каждый предметъ къ *цѣли* и ведетъ къ *совершенству*, какъ и идея Платона. Иногда у Аристотеля форма замѣняется другимъ терминомъ: *энтелехія* (ἐν τέλει ἔχειν—имѣть цѣль въ себѣ), когда у него рѣчь идетъ о существахъ органическихъ, имѣющихъ душу. По нѣкоторымъ причинамъ Аристотель не могъ принять ученія объ идеяхъ, какъ оно изложено у Платона, а именно: въ идеяхъ Платона онъ не усматривалъ движущаго принципа; чрезъ принятіе идей Платона получалось ложное представленіе объ индивидуумахъ, какъ образахъ и тѣняхъ, а не какъ о дѣйствительно существующихъ предметахъ; съ ученіемъ объ идеяхъ у Платона соединялось твореніе міра *во времени*, съ чѣмъ не могъ согласиться Аристотель; непонятно, какъ вещи участвуютъ въ идеяхъ и т. д. По ученію Платона, идея не реализуется вполнѣ въ предметахъ природы, какъ бы они ни были совершенны. Форма Аристотеля можетъ реализоваться вполнѣ: она приводитъ *въ дѣйствительность* то, что существуетъ *въ возможности*; она осуществляетъ возможное, иначе она не имѣла бы надлежащаго значенія для этого возможнаго; поэтому-то она и стоитъ въ такой тѣсной связи съ этимъ возможнымъ, составляя его душу, его жизнь и внутреннюю движущую силу, въ противоположность идеи Платона, которая относится къ предметамъ внѣшнимъ образомъ, какъ независимо отъ нихъ существующее.

Конечно, *форма* Аристотеля есть такой же условный терминъ для выраженія сущности дѣла, какъ и идея Платона и число Пифагара. Философія, которая не удовлетворялась объясненіемъ явленій природы изъ однихъ матеріальныхъ началъ и усматривала въ природѣ разумность и цѣлесообразность, стремилась

къ пониманію дѣйствія разумнаго начала въ природѣ, сообразно съ наблюдаемымъ характеромъ самыхъ явленій природы, и подборомъ извѣстныхъ терминовъ выражала то, какъ понималось это дѣйствіе. Для Сократа, Платона и Аристотеля, повидимому, искусство было главнымъ руководительнымъ началомъ для пониманія происхожденія явленій природы. Платонъ вслѣдъ за Сократомъ называетъ Бога прямо художникомъ и міръ—его непосредственнымъ твореніемъ по идеямъ, какъ образцамъ. Аристотель составилъ себѣ, какъ мы видѣли, иное понятіе о Богѣ и тѣмъ не менѣе явленія природы сопоставлялъ съ художественными произведеніями: форма создаетъ эти явленія; она есть какъ бы несознаваемый творящій разумъ въ природѣ, правда—разумъ не самостоятельный, не независимый, какъ было объяснено выше. Такой способъ объясненія явленій природы казался Аристотелю болѣе соотвѣтствующимъ дѣйствительности и приближающимся къ истинѣ. Непосредственное твореніе міра высшимъ художникомъ должно было бы разомъ дать возможно совершенный міръ со всѣми его явленіями; между тѣмъ какъ въ мірѣ совершается лишь постепенное приближеніе къ совершенству и постепенное развитіе: форма лишь постепенно овладѣваетъ матерію.

Въ своемъ мѣстѣ мы отмѣтили двойственность въ міровоззрѣніи Платона: рядомъ съ твореніемъ онъ призналъ развитіе въ природѣ. Сила, движущая жизнь въ природѣ, по его указанію, есть *любовь*, которая въ свою очередь есть выраженіе *стремленія природы къ безсмертію*. Жизнь въ природѣ поддерживается чрезъ *рожденіе*: индивидуумы погибаютъ, но не погибаетъ *родъ*, который слѣдуетъ назвать безсмертнымъ. Та же самая мысль не разъ повторяется и Аристотелемъ, напри- мѣръ, въ сочиненіи: „О душѣ“ онъ говоритъ: „наиболѣе естественнымъ актомъ живыхъ существъ, которыя отличаются совершенствомъ, а не составляютъ недоносковъ и не произошли чрезъ самопроизвольное зарожденіе, является *рожденіе другаго сходнаго съ ними существа*: животное рождаетъ животное, растеніе—растеніе, дабы чрезъ это сдѣлаться участниками *вѣчнаго и божественнаго*, насколько это возможно для нихъ, ибо они имѣютъ *инстинктивное влеченіе* (*орéυεται*) къ этому

и ради этого они дѣлаютъ все то, что только дѣлаютъ по природѣ. „Такъ какъ эти существа не могутъ быть участниками вѣчнаго и божественнаго чрезъ вѣчное индивидуальное существованіе, продолжаетъ далѣе Аристотель, потому что ни одно смертное существо не остается неизмѣннымъ и однимъ и тѣмъ же, то каждое изъ нихъ участвуетъ въ этомъ по мѣрѣ возможности,—болѣе или менѣе: вѣчно существуетъ не то же самое существо, но почти—тоже, не индивидуумъ, а родъ (*ἀριθμῶ μὲν οὐχ' ἔν, εἶδει ἔν*. De anim. Lib II, cap. IV). Та же мысль повторяется Аристотелемъ въ другомъ сочиненіи: „О происхожденіи животныхъ“, гдѣ говорится, что „родъ существуетъ вѣчно“ (De generat. anim. Lib II, cap. 1).

Не будемъ повторять здѣсь того, что было сказано нами во второмъ нашемъ очеркѣ о прогрессѣ въ природѣ, по ученію Платона, о происхожденіи видовъ подъ вліяніемъ прогрессирующей идеи, а также о томъ, въ чемъ состоитъ *диалектика* Платона и въ какой связи находится она съ ея приемами: *опредѣленіемъ* и *дѣленіемъ* рода на виды съ ученіемъ Платона о прогрессѣ въ природѣ и о происхожденіи видовъ. Тотъ же прогрессъ признается и Аристотелемъ; поэтому, и онъ пользуется тѣми же діалектическими приемами, которые выработалъ и прилагалъ къ философско-научнымъ изслѣдованіямъ Платонъ. Раньше мы видѣли, что Аристотель создалъ цѣлый рядъ классификацій животныхъ, среди которыхъ встрѣчаются классификаціи, основанныя на *дихотоміи*, которую идеаломъ при дѣленіи считалъ Платонъ. Но и здѣсь Аристотель, какъ и въ другихъ случаяхъ, не остался рабскимъ подражателемъ своего учителя—Платона. Воспользовавшись вполне методическими приемами Платона, гдѣ это было возможно и нужно, Аристотель въ то же время не разъ въ своихъ сочиненіяхъ говоритъ, что Платонъ слишкомъ преувеличивалъ значеніе этихъ приемовъ въ философско-научныхъ изслѣдованіяхъ, что, напр., „дѣленіе по видамъ“ не можетъ въ изслѣдованіи дать то, чего ожидалъ Платонъ. Особенно сильной критикѣ подвергнута Аристотелемъ *дихотомія* въ его сочиненіи: „О частяхъ животныхъ“; этой критикѣ посвящены три главы. Здѣсь мы укажемъ на болѣе важныя критическія замѣчанія его, от-

носящіяся къ дихотоміи. „Дѣленіе рода на два различные вида, говоритъ Аристотель, частію трудно, частію невозможно“. Стремленіе дѣлить по дихотоміи ведетъ нерѣдко къ тому, что однородныхъ животныхъ, напр. птицъ, приходится неестественно разъединять и помѣщать въ разные отдѣлы, соединяя съ другими разнородными животными. Особенно важный недостатокъ этого рода дѣленія состоитъ въ томъ, говоритъ Аристотель, что приходится *отрицаніе* принимать за принципъ дѣленія. Отрицаніе, насколько оно только отрицаніе, не сообщаетъ никакого различія, потому что невозможно, чтобы существовали виды несуществующаго. Но если даже и допустить съ абстрактной точки зрѣнія возможность дѣленія по принципу отрицанія и раздѣлить, напр. животныхъ на летающихъ и не летающихъ, то при приложеніи къ природѣ мы натолкнемся на такіе факты, что принуждены будемъ помѣстить одно и то же животное въ обоихъ отдѣлахъ,—таковы: муравей, свѣтлякъ и друг. Вообще Аристотель противъ искусственнаго разрыва естественныхъ родовъ и размѣщенія однородныхъ животныхъ съ разнородными, что бываетъ неизбежно при дихотоміи, напр. при дѣленіи животныхъ на дикихъ и домашнихъ неизбежно помѣщать въ тотъ и другой отдѣлъ и птицъ, и звѣрей, и людей. Съ другой стороны, Аристотель не можетъ согласиться и съ тѣмъ, чтобы для классификаціи животныхъ можно было ограничиться однимъ лишь признакомъ, произвольно взятымъ, когда въ каждомъ родѣ животныхъ найдется ихъ цѣлый рядъ. Аристотелю кажется болѣе естественнымъ и безошибочнымъ держаться тѣхъ родовъ животныхъ, которые установила сама природа и отмѣтилъ здравый смыслъ человечества, назвавъ ихъ особенными именами, таковы: рыбы, птицы и проч. (De part. anim. Lib. 1, cap. II, III и IV).

Здѣсь возникаетъ вѣкотораго рода недоумѣніе. Съ одной стороны можетъ показаться непонятною такая критика *дихотоміи* со стороны Аристотеля, который самъ нерѣдко въ своихъ сочиненіяхъ пользуется дихотоміею: съ другой стороны, странно встрѣтить у Аристотеля поворотъ къ популярнымъ воззрѣніямъ на природу. Что касается критики дихотоміи, то можно думать, что она направлена не исключительно противъ

Платона, такъ какъ въ указанномъ мѣстѣ Аристотель не называетъ Платона, а говоритъ вообще о тѣхъ, которые употребляютъ дихотомію. Дихотомію употреблялъ не одинъ Платонъ, но и другіе. Не говоря уже объ элеатской школѣ и софистахъ, укажемъ на циниковъ. Вспомнимъ, напр. извѣстное нелѣпое дѣленіе всѣхъ людей „на мудрыхъ и глупыхъ“, котораго держались циники. По-видимому, большая часть критики Аристотеля относится не къ Платону, который умѣло и благоразумно употреблялъ дихотомію. Конечно, мы не будемъ утверждать того, что Аристотель въ своей критикѣ совсѣмъ не имѣлъ въ виду Платона. Насколько Аристотель вообще возстаетъ противъ преувеличеннаго значенія „дѣленія по родамъ и видамъ“ въ философско-научныхъ изслѣдованіяхъ, онъ имѣетъ въ виду Платона. Тамъ, гдѣ онъ въ своей критикѣ дихотоміи высказываетъ, что въ классификаціи животныхъ нельзя брать искусственно и произвольно одинъ признакъ и полагать его въ основаніи классификаціи, онъ имѣетъ въ виду кромѣ другихъ также и Платона. „Не существуетъ, говоритъ онъ, ни одной части животнаго безъ матеріи (ὄλη), но и не одна только матерія существуетъ, потому что нѣтъ ни одного животнаго, ни части его, которыя исключительно состояли бы изъ одного тѣла“ (σῶμα); съ тою и другою стороною животной природы, конечно, соединенъ рядъ признаковъ, которые слѣдуетъ принимать во вниманіе при классификаціи. Особенно при дѣленіи слѣдуетъ принимать во вниманіе *сущности* съ ея признаками; тѣлесные же признаки чаще бываютъ случайными.

На современномъ языкѣ слѣдуетъ сказать, что Аристотель требуетъ *естественной классификаціи*, между тѣмъ какъ Платонъ создалъ теорію *искусственной классификаціи* и преслѣдовалъ ее въ философско-научныхъ изслѣдованіяхъ. Позволимъ здѣсь напомнить читателю, что классификація Линнея, которая въ свое время произвела на ученыхъ сильное впечатлѣніе, была основана на дихотоміи. Но скоро явились противники Линнея, которые назвали его классификацію искусственною и требовали естественной классификаціи, которая основывалась бы не на одномъ произвольно взятомъ признакѣ, а принимала бы во вниманіе по возможности всѣ существенные признаки ро-

да и видовъ. Хотя это требованіе естественной классификаціи очень ясное, повидимому, въ теоріи на первый разъ на практикѣ оказалось не вполне яснымъ и трудно выполнимымъ, тѣмъ не менѣе наука остановилась на этомъ требованіи. Значеніе искусственной классификаціи признается и доселѣ въ извѣстномъ мѣстѣ и въ извѣстныхъ предѣлахъ, гдѣ это необходимо для облегченія памяти, для описаній и характеристикъ, для систематики, но біологія, какъ наука, объясняющая явленія изъ причинъ, требуетъ естественной классификаціи.

Это, повидимому, исторически доказываетъ, что искусственная классификація предшествуетъ требованію естественной классификаціи. Такимъ образомъ, критика дихотоміи, представленная Аристотелемъ, и его требованіе естественной классификаціи не есть поворотъ къ популярнымъ воззрѣніямъ на природу, а напротивъ составляетъ прогрессъ въ философско-научныхъ изслѣдованіяхъ. Изучая природу, Аристотель пришелъ къ тому убѣжденію, что *прогрессъ въ природѣ состоитъ въ переходѣ отъ неопредѣленнаго къ опредѣленному, отъ общаго къ частному, отъ простаго къ сложному*. Поэтому, Аристотель предпочиталъ въ своихъ философско-научныхъ изслѣдованіяхъ иной методъ *дѣленія*, который считалъ болѣе цѣлесообразнымъ и болѣе соотвѣтствующимъ характеру изслѣдуемыхъ явленій природы; это—*дѣленіе сложнаго на его составныя части*. Отсюда то и явилось его второе изъ указанныхъ нами натуралистическихъ сочиненій Аристотеля: „О частяхъ животных“, гдѣ первоначально говорится объ *элементахъ*, входящихъ въ составъ каждаго органическаго тѣла, потомъ—объ *однородныхъ частяхъ* и, наконецъ,—объ *частяхъ разнородныхъ* организма. Какъ выше сказано, критики отличили и отмѣтили большую методическую выдержанность въ этомъ сочиненіи Аристотеля, чѣмъ въ сочиненіи „Исторія животных“, гдѣ Аристотель по преимуществу пользуется *дѣленіями животныхъ на роды и виды*. Одни изъ критиковъ (напр. *Roussel La biologie Aristotelique* 1885 г.), предполагаютъ, что сочиненіе Аристотеля: „Исторія животных“ въ сравненіи съ его сочиненіемъ: „О частяхъ животных“ имѣетъ большую испорченность; оно подвергалось различнымъ добавленіямъ и измѣненіямъ, чему способствовалъ предметъ со-

чиненія и его содержаніе; отсюда и явились недостатки этого сочиненія и невыдержанность плана и метода. Другіе (напримѣръ, *Perrier*, *La philosophie zoologique avant Darwin*, 1884 г.) указываютъ на трудность для Аристотеля создать удовлетворительную классификацію животныхъ, такъ какъ онъ располагалъ только двумя терминами: *родъ* (γένος) и *видъ* (εἶδος) и въ предѣлахъ только этихъ терминовъ долженъ былъ классифицировать все разнообразіе извѣстныхъ ему животныхъ; поэтому онъ принужденъ былъ прибѣгать къ такимъ оборотамъ: „μεγάλα γένη“, „μέγιστα γένη“. Не отвергая предположенія относительно испорченности „Исторіи животныхъ“ и не отрицая трудности для Аристотеля создать удовлетворительную классификацію животныхъ „по родамъ и видамъ“, мы съ своей стороны объясняемъ большую выдержанность плана и метода сочиненія: „О частяхъ животныхъ“ главнымъ образомъ тѣмъ, что Аристотель отдавалъ предпочтеніе въ своихъ философско-научныхъ изслѣдованіяхъ *дѣленію сложнаго на его составныя части*, какъ болѣе философскому и цѣлесообразному съ его точки зрѣнія, предъ *дѣленіемъ на роды и виды*; поэтому, и обрабатывалъ философско-научный матеріалъ по этому методу съ большею тщательностію. Это доказываетъ не одно сочиненіе „О частяхъ животныхъ“, но и другія, напр., сочиненіе: „О душѣ“, „Политика“ и т. д. Это предпочтеніе *дѣленію сложнаго на его составныя части* тѣсно соединено у него съ его философскимъ міровоззрѣніемъ. По этому міровоззрѣнію, цѣль существъ есть ихъ *благо*; но благо, котораго они достигаютъ не одинаково по степени; наибольшимъ благомъ пользуются наиболѣе совершенныя существа; для однихъ благо состоитъ только въ томъ, что они участвуютъ *въ жизни* (ζῆν), для другихъ благо состоитъ *въ хорошей жизни* (εἶ ζῆν); это послѣднее благо достигается существами съ болѣе совершенной организаціею, а болѣе совершенная организація есть *наиболѣе сложная организація*, обладающая наибольшимъ количествомъ органовъ для наиболѣе разнообразныхъ функцій, въ которыхъ выражается жизнь существъ. „Природа растений, говоритъ Аристотель въ сочиненіи: „О частяхъ животныхъ“, неподвижна (они прикрѣплены къ мѣсту), и не состоитъ изъ многихъ раз-

народныхъ частей, ибо для не многихъ функций и органовъ требуется не много. Тѣ же существа, которыя вмѣстѣ съ жизнію одарены еще ощущеніемъ (т. е. животныя), имѣютъ многочленную форму и одни изъ нихъ имѣютъ больше членовъ, чѣмъ другія, и сложную, насколько природа позаботилась о нихъ, чтобы они не только имѣли жизнь, но и хорошую жизнь (*μη μόνον τοῦ ζῆν ἀλλά καὶ τοῦ εὖ ζῆν ἢ φύσις μετελήφεν*). Таковъ родъ человѣческій, ибо онъ или только одинъ изъ известныхъ намъ животныхъ причастенъ божественной природѣ или имѣетъ преимущество въ этомъ передъ всѣми“ (*De part. anim. Lib. II, cap. X*). По взгляду Аристотеля, два указанные метода: методъ дѣленія по родамъ и видамъ и методъ дѣленія сложнаго на составныя его части не исключаютъ, напротивъ дополняютъ другъ друга. При помощи перваго метода Аристотель изучаетъ дѣйствительно существующіе роды и виды животныхъ, ихъ признаки и свойства, ихъ образъ жизни и нравы съ указаніемъ среды, мѣстности, климата, пищи и т. д.; словомъ, онъ изучаетъ методически все, что даетъ ему дѣйствительность. При помощи втораго метода онъ стремится достигнуть большаго знанія, чѣмъ даетъ ему фактическая дѣйствительность: на почвѣ этого метода онъ стремится узнать и установить истинную послѣдовательность въ развитіи природы, чего онъ не надѣется сдѣлать при изученіи фактической дѣйствительности съ помощію метода дѣленія на роды и виды,—подготовить изученіе причинъ явленій жизни и приблизиться къ знанію того, *какъ что либо должно существовать въ природѣ*, съ точки зрѣнія цѣлесообразности въ природѣ.

Познакомимся еще съ дѣленіемъ души на части, которое находится въ сочиненіи Аристотеля: „О душѣ“ и повторяется въ другихъ сочиненіяхъ какъ естественно-научныхъ, такъ и нравственно-политическихъ. Аристотель отличаетъ слѣдующія части души: а) *душу питающую*, съ которой соединяетъ душу рождающую; б) *душу ощущающую*, съ которой соединяется также душа, *движущая къ мѣсту* и в) душу разумную. Душу питающую и рождающую имѣютъ растенія; душа ощущающая и движущая къ мѣсту принадлежитъ животнымъ; разумную душу имѣетъ только человѣкъ. Безъ питанія, говоритъ Аристо-

тель, нѣтъ ощущенія; но питаніе въ растеніяхъ существуетъ отдѣльно отъ ощущенія. Между существами, имѣющими ощущеніе, одни имѣютъ движеніе, другіе же не имѣютъ его. Гдѣ есть ощущеніе, тамъ есть и влеченіе или желаніе; гдѣ есть желаніе, тамъ есть и представленіе и чувство удовольствія и страданія. Наконецъ, весьма немногіе изъ смертныхъ имѣютъ разумъ. Тѣ, которые имѣютъ разумъ, имѣютъ и всѣ другія перечисленные части души.

Такимъ образомъ и здѣсь—въ области душевной жизни природа выполняетъ тотъ же законъ, на который указано нами выше, т. е. постепенно поднимается отъ менѣе совершеннаго къ болѣе совершенному, отъ простаго или менѣе сложнаго къ болѣе сложному.

Въ связи съ *дѣленіемъ*, какъ методическимъ приѣмомъ изученія природы, находится *опредѣленіе*. Здѣсь уместно сказать и о немъ. Гдѣ принимается дѣленіе рода на виды, тамъ, если нужно опредѣлить видъ, этотъ видъ обыкновенно отчисляютъ къ ближайшему роду и потомъ указываютъ видовое отличіе. Этого рода опредѣленіе одинаково употребляютъ какъ Платонъ, такъ и Аристотель. Если же требовалось опредѣлить родъ, то Платонъ искалъ въ видахъ этого рода такое свойство, которое присуще всѣмъ безъ исключенія видамъ отъ низшаго до самаго высшаго; таково напр. „страстное состояніе“ во всѣхъ видахъ *любви*. И Аристотель принимаетъ этого рода опредѣленіе. Сюда между прочимъ относится извѣстное его опредѣленіе души, находящееся во второй книгѣ его сочиненія: „О душѣ“, которое такъ много занимало и доселѣ еще занимаетъ критиковъ. „Душа есть энтелехія органическаго тѣла, имѣющаго жизнь въ возможности“ (De anim. Lib. II, cap. 1). Но и здѣсь, какъ и въ дѣленіи рода на виды, Аристотель сознаетъ нѣкоторую неудовлетворенность, такъ что и *опредѣленіе* Платона онъ не признаетъ безусловно удовлетворительнымъ въ философско-научныхъ изслѣдованіяхъ. По крайней мѣрѣ, онъ, не смотря на то, что, давая выше приведенное опредѣленіе души, не оставилъ безъ объясненія ни одного термина, введеннаго въ опредѣленіе, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи содержанія (приходитъ къ тому заключенію, что „опре-

дѣленіе души не можетъ быть одно“: одна душа въ растеніи, другая—въ животныхъ и третья—въ человѣкѣ. Очевидно, Аристотель сознавалъ, что при данномъ выше опредѣленіи души легко принять за душу лишь часть души и отождествить ее съ *жизнію* вообще. Это дѣйствительно и случилось: нѣкоторые изъ писателей (напр. Гротъ, Льюисъ и друг.) стали доказывать, что Аристотель въ сочиненіи: „О душѣ“ подъ душею разумѣетъ *жизнь*, и сочиненіе: „О душѣ“ есть трактатъ *біологическій*, а не психологическій, какъ принято понимать психологию, какъ науку о душѣ. По Аристотелю же, отождествлять душу съ *жизнію* значитъ то же, что разнородныя части организма отождествлять съ элементами, или статую отождествлять съ первою матеріею (*πρώτη ὕλη*); для того, чтобы существовали разнородныя части организма, необходимо, чтобы напередъ существовали однородныя части, безъ которыхъ мы не видимъ въ природѣ разнородныхъ частей;—чтобы явилась статуя, необходимо, чтобы напередъ существовалъ мраморъ или дерево, т. е. вторичная матерія (*δεύτερα ὕλη*), какъ выражается въ метафизикѣ Аристотель. Душу растительную, душу животныхъ и разумную душу въ человѣкѣ Аристотель чаще называетъ *частями* души, хотя и говоритъ о нихъ, какъ отдѣльныхъ душахъ. Словомъ, Аристотель требуетъ болѣе точнаго и вслѣдствіе этого болѣе *сложнаго* опредѣленія души, чѣмъ какое можетъ быть дано по методу Платона, руководимому дѣленіемъ рода на виды. Мы не скажемъ о Кювьѣ, что онъ не умѣетъ составлять опредѣленіе,—на томъ основаніи, что онъ, опредѣляя человѣка, назвалъ его „животнымъ двурукимъ“: онъ далъ такое опредѣленіе, какъ зоологъ; но мы не удовлетворимся этимъ опредѣленіемъ человѣка. Мы не удовлетворимся и тѣмъ опредѣленіемъ человѣка, по которому человѣкъ есть „существо разумное“. Человѣкъ имѣетъ тѣло; вслѣдствіе этого онъ занимаетъ извѣстное пространство и имѣетъ извѣстную фигуру; движенія его членовъ могутъ быть подведены подъ извѣстные законы движенія вообще; онъ есть существо органическое; слѣдовательно имѣетъ общее съ растеніями; онъ есть животное позвоночное, дышущее легкими, млекопитающее, двурукое, обладающее даромъ слова для выраженія своихъ чувствъ и

мыслей, разумное, нравственное, религиозное, обладающее творчествомъ, политическое и т. д. Такимъ же образомъ и Аристотель полагалъ, что полное опредѣленіе души могутъ дать только обстоятельные анализы въ области естественныхъ нравственно-политическихъ и философско-теологическихъ наукъ; слѣдовательно, ставилъ [для] себя идеаломъ сложное опредѣленіе, обнимающее всѣ части опредѣляемаго, съ указаніемъ точнаго порядка частей въ ихъ послѣдовательномъ возникновеніи, согласно закону развитія.

Θ. Зеленогорскій.

УЧЕНІЕ ШОПЕНГАУЭРА

О бѣдственности человѣческой жизни въ связи съ основными положеніями его философій, и критика этого ученія.

(Продолженіе *).

II.

Положеніе „міръ есть мое представленіе“ Шопенгауэръ высказываетъ въ противовѣсъ воззрѣнію на отношеніе между объектомъ и субъектомъ реализма, идеализма и скептицизма. По воззрѣнію реализма, объектъ есть причина субъекта; по воззрѣнію идеализма, субъектъ есть причина объекта; по воззрѣнію скептицизма, я, какъ представляющій субъектъ, имѣю дѣло только съ дѣйствіемъ—представленіемъ, а не съ причиной его—бытіемъ; „послѣднее, быть можетъ, не имѣетъ съ первымъ никакого сходства, да и вообще, быть можетъ, совершенно ошибочно предполагается, такъ какъ законъ причинности извлеченъ лишь изъ опыта, коего реальность опять таки должна на ономъ опираться“¹⁾). Всѣ эти воззрѣнія, по ученію Шопенгауэра, не вѣрны, такъ какъ въ нихъ по недоразумѣнію 1) полагается раздѣленіе между объектомъ и субъектомъ, 2) субъектъ и объектъ ставятся въ причинное отношеніе между собою, 3) бытіе созерцаемаго объекта отдѣляется отъ его дѣйствія—представленія, 4) смѣшиваются формы

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» за 1891 г. № 15.

¹⁾) Артуръ Шопенгауэръ. Міръ какъ воля и представленіе. Переводъ А. Фета.

закона основанія: законъ основанія *познанія* смѣшивается съ закономъ основанія *бытія*. Воззрѣнія, признающія то объектъ причиной субъекта, то субъектъ причиной объекта, eo ipso допускаютъ предварительное существованіе одного объекта или одного субъекта и только впоследствии вводятъ субъектъ, какъ дѣйствіе объекта, или объектъ, какъ дѣйствіе субъекта. Но этого нельзя допустить; такъ какъ, сказавши: объектъ, мы тѣмъ самымъ уже предполагаемъ субъектъ и наоборотъ: ибо объектъ существуетъ, какъ таковой, только по отношенію къ субъекту и наоборотъ; нѣтъ объекта безъ субъекта и нѣтъ субъекта безъ объекта. А если такъ, то и причиннаго отношенія между субъектомъ и объектомъ, какъ предполагающаго преемственность между ними, не можетъ быть; „такое существуетъ... постоянно только между объектами“¹⁾. Коль скоро же субъектъ и объектъ нельзя раздѣлять и коль скоро причиннаго отношенія между ними нельзя допускать, то нельзя также безъ противорѣчія раздѣлять дѣйствіе объекта, представленіе, отъ бытія объекта: „ибо, уже какъ объектъ, онъ опять таки предполагаетъ субъектъ и потому остается постоянно только его представленіемъ“²⁾. Ergo „объектъ и представленіе одно и то же“³⁾. Раздѣляя субъектъ и объектъ, вышеозначенныя воззрѣнія смѣшиваютъ различныя формы закона основанія: законъ основанія познанія смѣшиваютъ, какъ было сказано выше,—съ закономъ основанія бытія. Между тѣмъ такого смѣшенія не должно быть, такъ какъ каждая изъ указанныхъ формъ имѣетъ господство только въ одной опредѣленной области: законъ основанія познанія господствуетъ надъ отвлеченными представленіями, понятіями, связанными въ сужденія, а законъ основанія бытія—надъ представленіями созерцательными, предметами реальными. Господство перваго закона въ своей области состоитъ въ томъ, что каждое сужденіе признается истиннымъ или неистиннымъ на основаніи отношенія его „къ чему то, внѣ его самого находящемуся, къ основанію *познанія*“⁴⁾;

1) А. Ш. М. к. в. и п. 16 стр.

2) *ibid.* 17 стр.

3) *ibid.* 17 стр.

4) *ibid.* 19 стр.

а господство втораго закона въ соотвѣтствующей области проявляется тѣмъ, что каждый реальный предметъ для признанія въ созерцаніи своего бытія не нуждается въ отношеніи къ чему-то постороннему, а вынуждаетъ это признаніе уже самымъ фактомъ своего бытія въ пространствѣ и времени; каждый реальный предметъ существуетъ, потому что существуетъ; „каждый... уже однимъ своимъ бытіемъ, т. е. тѣмъ, что произошелъ какъ дѣйствіе изъ нѣкоторой причины, уже заплатилъ закону основанія свою дань“ ¹⁾. Поэтому въ мірѣ созерцательныхъ представленій нѣтъ ни заблужденія, ни истины; этотъ міръ не возбуждаетъ ни сомнѣній, ни колебаній: все это относится только къ той области, гдѣ царитъ законъ основанія познанія.

На основаніи всего вышесказаннаго, смыслъ разсматриваемаго положенія Шопенгауэра можетъ быть выраженъ такими словами Шопенгауэровой философіи: „міръ, созерцаемый въ пространствѣ и времени, и всюду заявляющій себя сплошной причинностью, вполнѣ реаленъ и вполнѣ то, чѣмъ онъ себя заявляетъ, а заявляетъ онъ себя вполнѣ и безъ остатка, какъ представленіе, связующееся по закону причинности. Это его эмпирическая реальность. Но, съ другой стороны, всякая причинность только въ умѣ и для ума, и потому весь этотъ дѣйствительный, т. е. дѣйствующій міръ, какъ такой, обусловленъ умомъ и безъ него ничто“ ²⁾.

Попытаемся сдѣлать оцѣнку ученія Шопенгауэра объ отношеніи между субъектомъ и объектомъ. Если вѣрно, что объектъ и субъектъ нераздѣльны, какъ учитъ Шопенгауэръ, что безъ субъекта нѣтъ объекта и наоборотъ, то реальность всякаго объекта мы должны опредѣлять присутствіемъ его въ представленіи субъекта, что признаетъ и Шопенгауэръ. Но тогда должно уничтожиться всякое различіе между объектомъ истиннымъ и ложнымъ; тогда всякій объектъ, какъ бы химериченъ онъ ни былъ, долженъ считаться истиннымъ, такъ какъ онъ находится въ представленіи субъекта. Мало того, самое понятіе истины будетъ тогда необъяснимымъ по своему бытію, такъ какъ

1) А. Ш. М. к. в. п. л. 19 стр.

2) *ibid.* 18 стр.

оно необходимо предполагает различіе между истиной и ложью; поэтому всякое познание не будетъ тогда ни истиннымъ, ни ложнымъ, или, говоря точнѣе, тогда не будетъ возможнымъ никакое познание,—такъ какъ „цѣлью познанія служитъ достиженіе истины“¹⁾. Если же познание оказывается невозможнымъ при допущеніи нераздѣльности субъекта и объекта, то—заключая обратно—возможность познанія необходимо предполагаетъ раздѣленіе субъекта и объекта. Это понятно и съ другой стороны: всякій познающій субъектъ есть субъектъ, доискивающейся истины, отдѣляющій истину отъ лжи; и такой процессъ отдѣленія предполагаетъ въ субъектѣ господственное отношеніе къ объекту: одни объекты отрицаются субъектомъ, какъ ложные, а другіе утверждаются, какъ истинные;—такъ что, съ точки зрѣнія разсматриваемаго нами отношенія, извѣстное изреченіе: „divide et impere“ имѣетъ вполнѣ реальный и глубокій смыслъ. Отсюда ясно, что субъектъ, какъ господинъ объекта въ отношеніи къ процессу познанія, долженъ признаваться отдѣльнымъ отъ него.—Ошибка Шопенгауэра въ рѣшеніи вопроса объ отношеніи субъекта къ объекту, по нашему мнѣнію, заключается главнымъ образомъ въ томъ, что Шопенгауэръ понимаетъ субъектъ слишкомъ узко,—только какъ субъектъ представляющій, между тѣмъ какъ онъ, кромѣ того, есть субъектъ чувствующій и волящій. Умъ, чувство и воля не разграничены въ субъектѣ какою-то китайскою стѣной, такъ чтобы каждая изъ этихъ способностей могла дѣйствовать совершенно изолированно отъ другихъ способностей,—напротивъ, онѣ взаимно проникаются одна другою, и когда дѣйствуетъ одна, дѣйствуютъ и остальные. Поэтому въ отношеніе субъекта къ объекту входитъ не только умъ, но чувство и воля, и если умъ можетъ усумниться въ самостоятельномъ бытіи объекта, то чувство и воля всегда утверждаютъ эту самостоятельность. Да и можетъ ли быть иначе, когда нашъ опытъ ясно свидѣтельствуетъ, что объекты не всегда представляютъ изъ себя пассивный матеріалъ для дѣятельности субъекта, что они иногда

¹⁾ Пособіе къ изученію психологій. Гиляревскаго. 95 стр.

видоизмѣняютъ эту дѣятельность, иногда же совершенно подавляютъ ¹⁾).

Если же субъектъ и объектъ раздѣльны, то что препятствуетъ причинному отношенію между ними? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, сведемъ воедино то, что врозь сказано было выше. По ученію Шопенгауэра, присущій уму законъ причинности имѣетъ примѣненіе только къ отношенію между объектами („отношеніе причины къ слѣдствію... существуетъ... постоянно только между объектами“); но „объектъ и представленіе одно и то же“; слѣдовательно законъ причинности постоянно имѣетъ дѣло съ тѣмъ, что составляетъ содержаніе ума,— съ представленіемъ, или (другими словами): „всякая причинность только въ умѣ и для ума“. И переходъ причинности въ формѣ закона основанія познанія изъ соотвѣтствующей ей области въ область реальныхъ объектовъ не можетъ совершиться, такъ какъ послѣдняя область чужда первой и подчинена другой формѣ закона основанія — закону основанія бытія. Въ этомъ сложномъ сужденіи Шопенгауэръ утверждаетъ тождество объекта и представленія, а также неподлежательность закону основанія познанія—реальныхъ объектовъ, подчиненныхъ только закону основанія бытія. Но основаніе для тождества объекта и представленія у Шопенгауэра то же самое (см. выше), что и для нераздѣльности субъекта отъ объекта; поэтому, отвергнувъ нераздѣльность субъекта отъ объекта, мы тѣмъ самымъ отвергли и тождество объекта и представленія. Да иначе и быть не можетъ, потому что, коль скоро субъектъ и объектъ раздѣльны, то и содержаніе субъекта—представленіе отдѣльно отъ объекта. Что же касается неподлежательности реальныхъ объектовъ закону основанія познанія, то въ уче-

¹⁾ Послѣдняя мысль не противорѣчитъ высказанному выше положенію о господствѣ субъекта надъ объектомъ въ процессѣ познанія; такъ какъ 1) отношенія субъекта къ объекту не исчерпываются однимъ познаніемъ, а исходятъ еще изъ чувства и изъ воли, 2) если иногда объекты и искажаютъ самую познающую дѣятельность субъекта, то это искаженіе касается не процесса познанія, а направленія его (подъ внѣшнимъ давленіемъ субъектъ направляетъ свою познающую дѣятельность въ сторону ложныхъ объектовъ),—3) въ сужденіи о какомъ либо явленіи, въ частности—о познаніи, мы должны основываться не на искаженныхъ случаяхъ его, а на нормальныхъ.

ніи объ этомъ мы должны бы разобрать прежде всего, что такое законъ основанія познанія и законъ основанія бытія, но такой разборъ увлекъ бы насъ слишкомъ далеко въ дебри метафизики; поэтому мы ограничимся лишь тѣмъ замѣчаніемъ, что считать весь міръ однимъ лишь представленіемъ ума, отрицая право этого ума на переходъ отъ представленій къ признанію реальныхъ объектовъ, и въ то же время полагать законъ этого реального, непознаваемаго міра (законъ основанія бытія)—это по меньшей мѣрѣ странно. Ужь если нашъ умъ не имѣетъ способности проникать въ область реального міра, то онъ не имѣетъ и права составлять какія бы то ни было утвердительныя сужденія объ этомъ мірѣ; все его мнѣніе о реальномъ мірѣ должно выражаться, примѣрно, въ слѣдующей колеблющейся формулѣ: реальный міръ—если онъ существуетъ—или представляетъ соотвѣтствіе нашей познавательной способности, или же живетъ по законамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ законами нашего познанія. Далѣе, вникая въ ученіе Шопенгауэра о данномъ предметѣ, мы находимъ, что онъ раздѣляетъ то, что по существу своему едино, — способность познанія и способность созерцанія, а потому и сферу дѣятельности этихъ способностей относитъ въ совершенно различныя области. Такое раздѣленіе онъ допускаетъ потому, что изъ созерцанія, по его ученію, устраняется законъ причинности, какъ основаніе познанія. Но это устраненіе только видимое: на самомъ же дѣлѣ тутъ мы имѣемъ или случай перевѣса чувствъ надъ умомъ, вслѣдствіе чего послѣдній является лишь послушнымъ слугою чувствъ, или случай полнаго удовлетворенія ума, при чемъ вопросы: почему, какъ и др. не имѣютъ повода къ своему возникновенію. Что способность созерцанія не есть что-то отдѣльное отъ способности познанія, а составляетъ лишь видоизмѣненіе этой способности, въ этомъ убѣждаютъ насъ факты перехода познанія въ созерцаніе. Мыслители знаютъ, что нужныя идеи иногда подолгу не являются въ головѣ, не смотря на самыя тщательныя изысканія; но потомъ вдругъ, когда мыслитель уже пересталъ гоняться за упрямыми идеями и предался отдыху или занялся посторонними дѣлами, — искомыя идеи подобно молніи озаряютъ голову, и

упоенный ихъ свѣтомъ умъ отлагаетъ въ сторону всѣ вопросы и сомнѣнія и лишь радостно созерцаетъ желанныхъ гостей. Всякій здравомыслящій человѣкъ понимаетъ, что въ данномъ случаѣ идеи не съ неба свалились въ голову мыслителя, а имѣли въ ней достаточное основаніе для своего возникновенія. Прежде всего извѣстный природный умственный складъ субъекта, затѣмъ вся предшествовавшая созерцанію умственная дисциплина его, наконецъ самый процессъ изысканія нужныхъ идей—все это, вмѣстѣ взятое, послужило той почвой, на которой, повидимому, мгновенно выросли идеи. Эта мгновенность возникновенія идей, оторванность отъ предшествовавшихъ изысканій, не должна смущать насъ потому, что въ ней мы имѣемъ случай проявленія того закона, по которому въ нашемъ ограниченномъ, условномъ мірѣ дѣйствіе часто значительно отделяется отъ причины. Поэтому, если наши изысканія не породили въ нужную пору желанныхъ идей, то причиной этого была грубость и маломощность фізіологической основы нашего духа, вслѣдствіе чего эта основа была утомлена изысканіями и тѣмъ стѣсняла свободу и силу ума; но будучи укрѣплена отдыхомъ, она сообщила, въ свою очередь, ббльшую свободу и энергію уму, и изъ послѣдняго, какъ Аѳина изъ головы Зевса, родилась свѣтлая мысль. Если же способность познанія и созерцанія—не отдѣльныя способности, а составляютъ одну и ту же способность, проявляющуюся только различнымъ образомъ, то не можетъ быть и различныхъ областей дѣятельности этихъ способностей, съ различными законами дѣятельности. Въ истинности этого положенія убѣждаютъ насъ многочисленные факты изъ міра науки, къ которымъ относятся, напр., осуществившіяся предсказанія о затмѣніяхъ свѣтилъ небесныхъ, появленіяхъ кометъ и различныя естественно-научныя гипотезы, которыя блистательно оправдались впоследствии.... Всѣ подобные факты свидѣтельствуютъ не о чемъ иномъ, какъ о томъ, что законъ основанія познанія имѣетъ полное примѣненіе и къ области реальныхъ объектовъ, что причинное отношеніе существуетъ не только между объектами—представленіями, но и между представленіями и реальными объектами, другими словами—между субъектомъ и объектомъ. И, что-бы

ни говорили люди, подобные Шопенгауэру, реальный міръ всегда будетъ настойчиво заявлять о своемъ самостоятельномъ бытіи, независимо отъ представленія, а непосредственное человѣческое сознаніе всегда будетъ подтверждать эту самостоятельность, наперекоръ всѣмъ измышленіямъ „искалѣченныхъ умничаньемъ“ головъ.

Положеніе „міръ есть мое представленіе“, будучи несостоятельно со стороны своихъ основаній, несостоятельно и по своему существу, такъ какъ въ немъ предполагается различіе того, тождество чего утверждается. Считая весь міръ представленіемъ, Шопенгауэръ однако же признаетъ реальность мыслящаго „я“, положенія котораго могутъ быть категоричны и истинны; между тѣмъ, коль скоро весь міръ есть представленіе, то представленіемъ же должно быть и мыслящее „я“ и, какъ таковое, не только не должно что либо утверждать или отрицать, но не должно даже мыслить.

Излагая метафизическое ученіе Шопенгауэра, мы говорили: „въ представленіи міръ распадается на субъектъ и объектъ, которые находятся между собой въ одно и то же время въ отношеніи взаимнаго опредѣленія и въ отношеніи противорѣчія“, и вслѣдствіе такого отношенія между ними „мы не можемъ искать сущности міра ни въ субъектѣ, ни въ объектѣ, или—такъ какъ субъектъ и объектъ составляютъ общее содержаніе представленія—не можемъ искать ея въ представленіи“.

Ученіе объ отношеніи взаимнаго опредѣленія между субъектомъ и объектомъ есть то же самое ученіе о нераздѣльности субъекта и объекта, которое мы разбирали, потому можетъ быть оставлено нами теперь безъ разсмотрѣнія; и если мы уже признали, что субъектъ и объектъ раздѣльны даже для познанія, то мы побуждаемся утверждать, что нѣтъ и отношенія противорѣчія между субъектомъ и объектомъ. Это противорѣчіе между ними Шопенгауэръ указываетъ въ томъ, что одинъ изъ нихъ предполагается существующимъ, прежде другаго, для того, чтобы вывести изъ него бытіе этого другаго; но такъ какъ оба они нераздѣльны, то, предполагая бытіе одного, мы тѣмъ самымъ допускаемъ уже бытіе другаго, т. е. допускаемъ то, что только еще намѣрены вывести. Но такого противорѣчія не мо-

жетъ быть между субъектомъ и объектомъ, коль скоро они раздѣльны и въ этой раздѣльности могутъ мыслиться, какъ одновременно получившими бытіе, такъ и получившими бытіе преемственно, одинъ послѣ другаго. Если между субъектомъ и объектомъ нѣтъ ни отношенія взаимнаго опредѣленія, ни отношенія противорѣчія, то мы, съ точки зрѣнія Шопенгауэра, не можемъ отказаться отъ права искать міровую сущность въ субъектѣ или въ объектѣ, иначе сказать, въ представленіи. Но это только съ точки зрѣнія Шопенгауэра; мы же, съ своей точки зрѣнія, можемъ усумниться въ самой возможности безъ посторонней помощи отыскать, познать міровую сущность. Въ самомъ дѣлѣ, позволимъ себѣ спросить: чтó значитъ отыскать сущность міра? Это значитъ найти творческій принципъ міра, который бы, служа источникомъ жизни міра въ цѣломъ и въ частяхъ, составлялъ основной жизненный нервъ всякаго существа, всякаго предмета въ мірѣ. Но такой принципъ долженъ быть безусловнымъ, потому что въ противномъ случаѣ онъ требовалъ бы для своего объясненія другаго принципа и т. д.; а безусловный принципъ не можетъ быть отысканъ человекомъ, какъ условнымъ существомъ. Послѣдній можетъ лишь усматривать въ себѣ смутную и неопредѣленную идею Верховной Причины міра, можетъ лишь умозаключать чрезъ изслѣдованіе міра о вѣчной силѣ и божествѣ этой Причины и строить алтари лишь „невѣдомому Богу“; но это усмотрѣніе и умозаключеніе не есть еще познаніе, а только зародышъ его, только гаданіе о творческомъ принципѣ міра. Да и такое усмотрѣніе и умозаключеніе свойственно лишь чистому уму, взоръ котораго не омраченъ страстями; въ противномъ случаѣ уму не достигнуть и такого зародыша познанія. Всѣ умствованія философовъ представляютъ хорошую иллюстрацію этой мысли: если душевное око философа свѣтло, то этотъ свѣтъ отражается и въ системѣ философа, если же оно темно, то и вся система его мрачна. Но проблески ли свѣта, полный ли мракъ заключаетъ въ себѣ та или другая философская система, она необходимо обречена на гибель и разрушается, какъ зданіе, построенное на пескѣ, если только философъ стремился достигнуть познанія міроваго начала однимъ умомъ своимъ,

опустивши другія, необходимыя для такого познанія, условія. Эти условія, указанная Библией, составляетъ: 1) откровеніе, т. е. явленіе міроваго и премірнаго Начала слабому человѣку, 2) необходимое для воспріятія такого явленія очищеніе души человѣка чрезъ дѣланіе добродѣтели, при помощи благодати. Но и при наличности этихъ условій познаніе міроваго и премірнаго Начала совершается не вдругъ, а постепенно, по мѣрѣ возрастанія вѣры, и при томъ самая высокая степень познанія искомой истины здѣсь на землѣ не составляетъ совершеннаго зрѣнія этой истины, а только лишь зрѣніе „какъ бы сквозь тусклое стекло“, зрѣніе же „лицемъ къ лицу“ совершается тогда, когда разрушены будутъ границы конечности, препятствующія возможно совершенному единенію нашего духа съ Безконечнымъ Началомъ.

Возвращаясь къ Шопенгауэру, мы находимъ, что онъ, убѣжденный въ невозможности отыскать міровую сущность въ представленіи, все-таки не теряетъ надежды постигнуть ее безъ посторонней помощи, вполне сомостоятельно. Посредствующей ступеню въ постиженіи сущности міра служитъ, по Шопенгауэру, тѣло познающаго субъекта, которое есть не что иное, какъ объектъ среди другихъ объектовъ міра, и которымъ наполняется пропасть, вырытая познаніемъ между познающимъ субъектомъ и познаваемымъ міромъ. Разница между этимъ объектомъ и всѣми другими объектами состоитъ въ томъ, что, тогда какъ всѣ другіе объекты даны познающему только въ представленіи, этотъ объектъ данъ, кромѣ того, въ непосредственномъ сознаніи. Для непосредственнаго сознанія тѣло является объективацией, т. е. обнаруженіемъ, видимостью воли, а всякое движеніе тѣла—актомъ воли; но при этомъ тѣло и движеніе тѣла—съ одной стороны, воля и актъ воли—съ другой стороны—не находятся между собою въ причинномъ отношеніи, а обѣ эти стороны составляютъ „одно и то же, только данное двумя совершенно различными способами: разъ совершенно непосредственно, и въ другой—въ созерцаніи ума“. Воля и тѣло, значить, тождественны, и тожество это не можетъ быть доказано, т. е. выведено изъ чего-либо другаго; мы должны „воспринять“ и „схватить“ его какъ таковое. Это

вполнѣ понятно: истина—воля и тѣло тождественны,—будучи фактомъ непосредственнаго сознанія, серьезно отличается отъ всѣхъ другихъ истинъ, которыя представляютъ лишь отношеніе одного абстрактнаго представленія къ другому,—отличается тѣмъ, что въ составъ ея входитъ: 1) элементъ, не подлежащій основанію познанія (тѣло—созерцательное представленіе), 2) элементъ, не подлежащій даже созерцанію (воля *toto genere* отлична отъ всякаго представленія). Поэтому Шопенгауэръ желалъ бы назвать эту истину „философской истиной *κατ' ἐξοχήν*“.

По нашему мнѣнію, строго держась философіи Шопенгауэра, невозможно добратъся до сущности міра чрезъ собственное тѣло. Правда, Шопенгауэръ учитъ, что тѣло наше такой же объектъ, какъ и всѣ другіе объекты, но онъ же полагаетъ и различіе между объектомъ—тѣломъ и всѣми другими объектами, и это различіе, намъ кажется, настолько серьезно, что имъ вполнѣ обуславливается указанная невозможность. Въ самомъ дѣлѣ, допустимъ, что непосредственное сознаніе укажетъ намъ сущность нашего тѣла, но вѣдь для того, чтобы распространить эту сущность на весь міръ, нужно прибѣгнуть къ умозаключенію, т. е. къ закону основанія познанія и къ представленію, между тѣмъ міровая сущность, по философіи Шопенгауэра, стоитъ внѣ представленія и слѣдовательно внѣ основанія познанія. Далѣе, фактъ свидѣтельства непосредственнаго сознанія о волѣ, какъ сущности тѣла, у Шопенгауэра не доказанъ. Для того, чтобы утвердить на непосредственномъ сознаніи эту quasi истину, Шопенгауэръ долженъ былъ доказать, во-первыхъ, всеобщность, а во-вторыхъ, неотразимость ея. Непосредственное сознаніе, какъ вытекающее изъ самой природы человѣческаго духа, а не изъ тѣхъ или другихъ силъ его, которыя различны у различныхъ людей, должно быть всеобщимъ; затѣмъ, какъ имѣющее такую глубокую основу, оно должно быть выше логическаго познанія, и какъ бы послѣднее ни возставало противъ него, должно быть необоримымъ; подвергаясь нападкамъ и даже, повидимому, исторгаясь, должно вновь и вновь возрождаться, подобно фениксу изъ пепла. Но ни того, ни другаго Шопенгауэръ не доказываетъ; мало того,

онъ собственною рукою колеблетъ единственное основаніе проповѣдуемой истины—свое личное завѣреніе. Такъ, считая тожество воли и тѣла фактомъ непосредственнаго сознанія, онъ говоритъ: „если мы не воспримемъ и не схватимъ его, какъ таковое, то напрасно будемъ ожидать возможности снова овладѣть имъ чрезъ какое либо посредство, какъ познаніемъ, выведеннымъ изъ другаго“. Изъ этихъ словъ видно, что пресловутая истина вовсе не такъ прочно коренится въ сознаніи, какъ должно, такъ какъ Шопенгауэръ предполагаетъ возможность того, что мы не „воспримемъ“ и не „схватимъ“ ее въ качествѣ факта непосредственнаго сознанія; видно, затѣмъ, что эта истина для яснаго выступленія въ непосредственномъ сознаніи нуждается въ посредствѣ какихъ-то усилій, какого-то „схватыванія“ со стороны познавательной дѣятельности. Но что же это за фактъ непосредственнаго сознанія, который нуждается въ посредствѣ?!

Не утвердивъ тожества воли и тѣла на непосредственномъ сознаніи, Шопенгауэръ еще менѣе могъ утвердить его на логическомъ основаніи: по его ученію, проповѣдуемая имъ истина тѣмъ и выше всѣхъ другихъ истинъ, что стоитъ далѣе предѣловъ логическаго познанія, хотя послѣдняя мысль не доказана. Но если такъ, если проповѣдуемую Шопенгауэромъ истину мы не найдемъ въ своемъ непосредственномъ сознаніи, а также не достигнемъ до нея путемъ логическаго мышленія, то что же мы должны думать объ этой „философской истинѣ (κατ' ἔξοχην)“? А ничто иное, какъ то, что она есть „мечта сердца“ Шопенгауэра, въ которую онъ увѣровалъ самъ, и вѣры въ которую тубуетъ отъ другихъ.

Эта „мечта сердца“, будучи сначала, сравнительно, небольшимъ побѣгомъ, тотчасъ же разрастается въ огромное дерево, стоитъ лишь Шопенгауэру превратить сущность своего тѣла—волю въ сущность міровую. Это превращеніе онъ и дѣлаетъ на основаніи того соображенія, что, по его ученію, непосредственному сознанію извѣстны только представленіе и воля, но представленіе не можетъ быть сущностью міра, слѣдовательно остается признать за таковую сущность волю. Но мы уже заявляли, что Шопенгауэръ, оставаясь вѣрнымъ своей философіи,

не имѣть права дѣлать такое превращеніе; затѣмъ, если частный вопросъ, относящійся къ только что приведенному соображенію Шопенгауэра: компетентно-ли непосредственное сознаніе въ дѣлѣ показанія міровой сущности? обратитъ въ общій вопросъ: можетъ-ли человѣкъ однѣми своими силами постигнуть міровую сущность?—то на этотъ вопросъ мы уже дали отрицательный отвѣтъ. Что же касается самаго частнаго вопроса, то и на него также можетъ быть лишь отрицательный отвѣтъ. Дѣло въ томъ, что вѣдь непосредственное сознаніе лежитъ за предѣлами логической области, въ глубочайшихъ тайникахъ нашего духа; поэтому всѣ показанія его темны и неопредѣленны. Такъ, если непосредственное сознаніе говоритъ намъ, что мы живемъ, существуемъ, то—что такое жизнь?—на это оно не даетъ намъ никакого отвѣта. Если непосредственное сознаніе свидѣтельствуетъ, что существуетъ внѣшній міръ, то не ищите въ немъ указанія на то, въ какой формѣ онъ существуетъ: такъ ли, какъ намъ представляется, или иначе? Если непосредственное сознаніе внушаетъ намъ, что сущность міра есть, то оно совершенно не даетъ показаній о томъ, что такое эта сущность. Для выясненія показаній непосредственнаго сознанія необходимо обратиться къ познавательной дѣятельности; но при этомъ не слѣдуетъ забывать, что познаніе наше имѣетъ границы, которыя не тогда выступаютъ наиболѣе ясно, когда мы ничего не знаемъ, но тогда, когда достигаемъ возможно полнаго знанія,—что по мѣрѣ расширенія нашихъ познаній яснѣе раскрывается передъ нами и область непознаваемаго. Поэтому-то многіе вопросы, которыми могутъ быть обставлены смутныя показанія непосредственнаго сознанія, не могутъ быть рѣшены путемъ познавательной дѣятельности; мало того, по мѣрѣ рѣшенія однихъ вопросовъ непремѣнно должны выступать новыя и новыя. Въ частности, что касается вопросовъ, относящихся къ міровой сущности, то предметъ ихъ, будучи премірнымъ, уже самъ по себѣ и съ перваго раза долженъ быть признанъ выше всякаго масштаба, имѣющагося въ распоряженіи познавательной дѣятельности. Отсюда-то только людямъ поверхностнымъ, одностороннимъ или глубоко-самообольщеннымъ свойственнó выдавать себя за

людей, вполнѣ постигшихъ (разумѣется, своими силами) сущность міра; наоборотъ, всѣ истинно глубокомысленные люди въ благоговѣйномъ трепетѣ обнажали свою голову предъ тѣмъ, что составляетъ „велию благочестія тайну“.

Разумѣется, мы далеки отъ мысли считать Шопенгауэра слабымъ мыслителемъ, но мы убѣждены, что онъ былъ въ высшей степени самообольщенный человѣкъ. Какъ по самообольщенію онъ призналъ „мечту своего сердца“ сущностью тѣла, такъ по самообольщенію же превратилъ эту мнимую сущность тѣла въ сущность міра. Самообольщеніе продиктовало ему такія выраженія, какъ: воля „питаетъ и развиваетъ растеніе“, „образуетъ кристалль“, „обращаетъ магнитъ къ сѣверу“. Самообольщеніе побудило его приписать—не метафорически, а въ собственномъ смыслѣ—водѣ „стремленіе“ въ глубину, желѣзу „увлеченіе“, съ какимъ оно тянется къ магниту, электрическимъ полюсамъ исканіе возсоединенія, тѣламъ, посредствомъ состоянія жидкости освобожденнымъ изъ оковъ оцѣпенѣнія,—„выборъ“, съ какимъ они „другъ друга ищутъ и избѣгаютъ, соединяются и „разлучаются“, тяжести „стремленіе“ къ земной массѣ ¹⁾. Слепо увѣровавши въ мнимую сущность своего тѣла, Шопенгауэръ, для распространенія этой сущности на весь міръ, удовольствовался той поверхностной аналогіей, какую представляютъ проявленія силъ природы и факты воли; онъ опустилъ изъ виду, что отождествленія того, что по существу своему не тождественно,—воли и силы природы, можно достигнуть только насильственнымъ путемъ: необходимо сначала отнять отъ воли все, исключительно ей свойственное,—и только тогда она можетъ быть подведена подъ понятіе силы; затѣмъ силѣ, поглотившей собою волю, тотчасъ же должно приписать все свойственное человѣческой волѣ,—и только тогда она можетъ быть названа волей. Правда, проявленія воли въ природѣ Шопенгауэръ считаетъ слабѣйшими сравнительно съ проявленіями ея въ человѣкѣ: тогда какъ въ послѣднемъ воля „преслѣдуетъ... свои цѣли при свѣтѣ познанія“,—въ природѣ она „стремится лишь слѣпо, глухо, односторонне и неизмѣнно“ ²⁾. Этимъ

¹⁾ М. в. в. и п. § 23.

²⁾ Ibid. 143 стр.

заявленіемъ какъ будто оправдывается слабость аналогіи Шопенгауэра; имъ дается понять, что различіе того, что проявляется въ насъ и въ природѣ, зависитъ отъ неодинаковости напряженности, отъ неодинаковости количества проявляющагося, тогда какъ по качеству то и другое совершенно одинаково, составляетъ одну сущность. Эта самая мысль высказывается Шопенгауэромъ и въ слѣдующихъ словахъ: „великое различіе того и другого“ (природы и человѣка) „относится лишь къ степени проявленія, а не къ сущности проявляющагося“. Но дѣло въ томъ, что это качественное тождество, это тождество сущности всюду проявляющагося должно быть доказано, и если Шопенгауэръ не докажетъ его, то воля должна оставаться волей, а сила силой, т. е. явленіями, совершенно не совпадающими.

„Чтобы доказать—говоритъ Шопенгауэръ—тождество единой и нераздѣльной воли во всѣхъ многообразныхъ явленіяхъ, въ слабѣйшихъ, какъ въ сильнѣйшихъ, мы должны первоначально разсмотрѣть отношеніе воли, какъ вещи въ самой себѣ, къ ея явленію, т. е. міра, какъ воли, къ міру, какъ представленію, чѣмъ откроется предъ нами наилучшій путь къ болѣе глубокому изслѣдованію общаго... предмета“¹⁾. Это отношеніе міровой сущности—воли къ ея проявленію состоитъ (какъ мы видѣли при изложеніи ученія Шопенгауэра) въ томъ, что воля объективируется въ пространствѣ и времени по Платоновымъ идеямъ, способомъ борьбы этихъ идей между собою. Но мы знаемъ, что во главѣ Платоновыхъ идей стоитъ идея Блага, которая есть ничто иное, какъ Богъ Платона, такъ какъ атрибуты ея въ философіи Платона тѣ же, что и атрибуты Бога. Эта идея Блага, этотъ Богъ, по Платону, есть вѣчная причина добра въ мірѣ, высшая мудрость, высшая справедливость, законодатель и высшій законъ, управляющій въ одно и то же время началомъ, серединою и концемъ вещей, чистый разумъ²⁾. Слѣдовательно эта идея Блага, этотъ Богъ и можетъ быть признанъ высшей реальностью и сущностью міра; слѣдова-

1) М. к. и п. 144 стр.

2) Исторія европейской философіи. Альфреда Вебера. 58 и 59 стр.

тельно Платоново ученіе объ идеяхъ и ученіе Шопенгауэра о волѣ (злой и неразумной), какъ сущности міра, не могутъ быть примирены одно съ другимъ, они даже исключаютъ другъ друга. Кромѣ того, разсматриваемый нами пунктъ ученія Шопенгауэра возбуждаетъ въ насъ слѣдующіе вопросы, которые не рѣшаются Шопенгауэромъ: какимъ путемъ Шопенгауэръ дошелъ до убѣжденія въ бытіи Платоновыхъ идей,—путемъ ли непосредственнаго сознанія, или другимъ какимъ-либо путемъ? какъ должно мыслиться отношеніе идей къ волѣ со стороны ихъ бытія?—такъ же ли онѣ самостоятельны по бытію, какъ воля, или зависятъ отъ воли? Если принять первое, то придется допустить двѣ сущности міра, а если—последнее, то явится новое недоумѣніе: какъ изъ темной, неразумной воли—возникла область свѣта и мысли? Правда, Шопенгауэръ говоритъ, что идея есть „непосредственная... объективация вещи самой въ себѣ“ (воли)¹⁾, что она есть „вся вещь въ самой себѣ, только подъ формой представленія“ (т. е. подъ формой „бытія объектомъ для субъекта“)²⁾; другими словами: идея есть то же, что воля, только въ другой формѣ. Слѣдовательно второй и третій вопросы наши какъ будто не имѣютъ значенія. Но это только повидимому; на самомъ же дѣлѣ, за вычетомъ изъ идеи всего количества воли, остается еще форма, т. е. форма „бытія объектомъ для субъекта“, иначе сказать—представленіе. Откуда оно? Такъ какъ оно оказывается имѣющимъ трансцендентное бытіе и, быть можетъ, не зависитъ отъ воли, то въ правѣ ли Шопенгауэръ, на основаніи чисто логическихъ соображеній, цѣнность которыхъ онъ самъ подрываетъ, лишить его участія въ достоинствѣ сущности міра? Не является ли это ученіе о Платоновыхъ идеяхъ результатомъ насильственнаго отторженія воли отъ представленія, при чемъ представленіе, будучи выгнано въ дверь, снова какъ бы съ неба свалилось на волю, и Шопенгауэръ, будучи не въ состояніи объяснить изъ глупой воли исполненный разума міръ, обрадовался его появленію и отвелъ ему почетное мѣсто въ своей системѣ, не обращая вниманія на тѣ недоумѣнія, какія должна возбудить эта переменна фронта?

1) М. в. в. и П. 209 стр.

2) Ibid. 210 стр.

Что касается борьбы идей, какую онѣ ведутъ между собою изъ-за матеріи, то, повидимому, ученіемъ объ этой борьбѣ легко и ясно разрѣшается загадка жизни. Но, во-первыхъ, Шопенгауэрова теорія матеріи представляетъ, по словамъ В. П. Преображенскаго, „примѣръ насильственнаго соединенія тенденцій, идущихъ изъ различныхъ источниковъ“. „На ея запутанность указывали очень часто; гармонизировать ее было бы трудомъ тщетнымъ и, главное, методологически незаконнымъ; нѣкоторую понятность можно внести сюда только генетическимъ объясненіемъ“. Какія понятія о матеріи можетъ дать генетическое объясненіе,—объ этомъ желающій можетъ прочитать въ ст. В. П. Преображенскаго: „Очеркъ теоріи знанія Шопенгауэра“¹⁾. Во-вторыхъ, ученіе о прогрессѣ въ объективаци воли, какъ результатѣ побѣды высшихъ идей надъ низшими, представляется намъ большою неточностью. Высшія идеи провозглашаются побѣдительницами низшихъ, такъ какъ онѣ постоянно отвоевываютъ у послѣднихъ матерію, нужную имъ для своего воплощенія; низшія же идеи являются, слѣдовательно, въ роли побѣжденныхъ. Но можно ли назвать побѣжденными тѣ идеи, которыя, постоянно будучи побѣждаемы, постоянно съ новой и новой энергіей вступаютъ въ борьбу и въ концѣ концовъ, послѣ длиннаго ряда пораженій, вырываютъ у высшихъ идей все то, что долговременной борьбой было пріобрѣтено ими (намекаемъ на смерть и разрушеніе организмовъ)? По нашему мнѣнію, достоинство побѣдительницъ принадлежитъ низшимъ идеямъ. Но если такъ, то и названіе „высшія“ должно быть дано низшимъ идеямъ, а названіе „низшія“—вышнимъ²⁾; если такъ, то и все наше воззрѣніе на достоинство какихъ бы то ни было предметовъ и идей должно быть перевернуто вверхъ дномъ: худое должно быть названо хорошимъ и наоборотъ, безобразное прекраснымъ и наоборотъ, регрессъ прогрессомъ и наоборотъ. Да съ точки зрѣнія Шо-

1) Труды Московскаго психологическаго общества. Выпускъ 1. Артуръ Шопенгауэръ. 168 стр. 52-й спосоеъ.

2) Такъ какъ одинъ изъ характеристическихъ признаковъ высшаго, благаго состоитъ именно въ томъ, что ему принадлежитъ окончательная побѣда въ борьбѣ съ низшимъ и злымъ.

пенгауэра такъ и должно быть, потому что, по ученію его, цѣлю міровой жизни и жизни человѣческой долженъ быть регрессъ въ бытіи, постепенное погашеніе воли къ жизни, постепенное отдаваніе себя во власть низшихъ идей, превращеніе въ ничто. Въ третьихъ, самое понятіе о міровой сущности—волѣ, проходящее сквозь все ученіе о Платоновыхъ идеяхъ и о борьбѣ ихъ, глубоко-противорѣчиво. Съ одной стороны, слѣпая, т. е. лишенная разума, воля (какъ ее рекомендуетъ Шопенгауэръ) оказывается вовсе не такой слѣпой, а напротивъ—очень зрячей, разумной; такъ какъ она хочетъ не иного чего, а—Платоновой идеи ¹⁾, полагаетъ себѣ цѣли и создаетъ такія средѣства къ осуществленію ихъ, какъ сознаніе и разумъ. Съ другой стороны, это воля дѣйствительно глупая и безсильная. Тѣ цѣли, къ которымъ она стремится, оказываются въ концѣ концовъ недостижимыми,—такъ какъ все, что она созидаетъ, разрушается, и ей снова и снова приходится начинать свою работу; тѣ средѣства, какія она производитъ, являются не только пособниками ея, но въ то же время острымъ оружіемъ, которое больно уязвляетъ своего владѣтеля.

Самъ Шопенгауэръ не признаетъ этого противорѣчія; онъ настаиваетъ на той мысли, что міровая сущность слѣпа и не ставитъ себѣ цѣлей. „Отсутствіе всякой цѣли, всякой границы—говоритъ онъ—дѣйствительно составляетъ существо воли въ самой себѣ“; „воля... лишена послѣдней цѣли и меты, постоянно стремится, такъ какъ единственная ея сущность стремленіе, коему никакая достигнутая цѣль не полагаетъ конца, которое поэтому ни къ какому конечному удовлетворенію не способно, а только можетъ быть задержано преградой, само же по себѣ идетъ въ безконечность“. Преграды, съ которыми борется воля, воздвигаются ею же самой; она пожираетъ самое себя, „такъ какъ кромѣ ея ничего нѣтъ и она—голодная воля“. Но предвидя естественное недоумѣніе въ читателѣ по поводу безграничности и безцѣльности стремленій воли, Шопенгауэръ заявляетъ, что законъ мотивациі, составляющій видъ закона осно-

¹⁾ Тренделенбургъ. Логическія изслѣдованія. См. Православное Обозрѣніе. 1883. Т. II. Пессимизмъ Шопенгауэра. Свщ. Т. Буткевича. 582 стр.

ванія, да и вообще законъ основанія имѣеть мѣсто только въ области явленій, за предѣлами же этой области онъ теряетъ всякое значеніе; поэтому стремленіе изслѣдовать причины и цѣли за предѣлами міра явленій, въ области вещи самой въ себѣ,—безсмысленно. По поводу этихъ сужденій Шопенгауэра слѣдуетъ замѣтить, что въ нихъ прежде всего сказывается ошибка, имя которой—„видя не видѣть“. Указанное противорѣчіе въ міровой сущности настолько рѣзко, что не признавать его можно только или по упорству (въ которомъ мы впрочемъ не упрекаемъ Шопенгауэра, какъ человѣка искренняго), или по какому-нибудь крайне-одностороннему увлеченію, внѣ сферы котораго человѣкъ съ открытыми глазами ничего не видитъ. Во-вторыхъ, въ приведенныхъ сужденіяхъ Шопенгауэръ противорѣчитъ самому себѣ: считая неприменимымъ къ міру вещи самой въ себѣ законъ основанія вообще, слѣдовательно и видѣ его—законъ основанія познанія, онъ тѣмъ не менѣе считаетъ себя познавшимъ міровую сущность, такъ какъ самое отрицаніе приложимости къ ней закона основанія, отрицаніе въ ней послѣдней цѣли, свидѣтельствуешь уже о знаніи ея. Третья ошибка приведенныхъ сужденій состоитъ въ томъ, что Шопенгауэръ вноситъ грубый произволъ въ понятіе той способности человѣческаго духа, которая называется волей. По опредѣленію психологіи, волюю называется „способность хотѣнія по собственному самоопредѣленію и выбору“; или, выражаясь конкретнѣе: „волею становится самъ духъ нашъ, находящійся въ дѣятельномъ состояніи, насколько онъ, отвлекаясь отъ внѣшнихъ побужденій и внутреннихъ безотчетныхъ влеченій, оцѣниваетъ тѣ и другія по требованію разума и нравственнаго закона и, сообразно съ этою оцѣнкою, рѣшается на извѣстный поступокъ“¹⁾. „Волю свою, говоритъ Треңделенбургъ,... знаемъ мы какъ нѣчто, не только сопровождаемое, но и опредѣляемое представленіями“²⁾. По смыслу этихъ опредѣленій, воля, какъ способность, всецѣло пронизывающая человѣческій духъ, даже въ извѣстномъ смыс-

1) Пособіе въ изученію психологіи. Свящ. А. Гиляревскаго, § 66, стр. 132—133.

2) Логическія изслѣдованія. Ч. 11. р. 119. По Калачинскому, «Философское пессимистическое міросозерцаніе Шопенгауэра и его отношеніе къ христіанству». Стр. 99.

лѣ тождественная съ нимъ, не можетъ быть отторгнута отъ этого духа, а слѣдовательно и отъ другихъ силъ его—представленія и разума; во-вторыхъ, она не можетъ быть мыслима безъ положенія себѣ послѣдней цѣли и безъ строгаго взвѣшиванія и выбора средствъ къ ея осуществленію; въ третьихъ, это взвѣшиваніе и этотъ выборъ совершаются волею отнюдь не по мотиву вражды ея къ самой себѣ, напротивъ—ими достигается всестороннее благо, такъ какъ критеріемъ взвѣшиванія и выбора являются требованія разума и нравственнаго закона. Между тѣмъ, по Шопенгауэру, воля есть стремленіе, существующее само по себѣ, стремленіе слѣпое, неразумное, не имѣющее послѣдней цѣли, стремленіе злое, борющееся само съ собою, пожирающее само себя. Изъ такого сопоставленія воли, какъ учить о ней психологія, и воли Шопенгауэра естественно слѣдуетъ тотъ выводъ, что сущность Шопенгауэра или дѣйствительно есть воля, но тогда ей слѣдуетъ приписать представленіе, разумъ и всѣ атрибуты духа,—слѣдуетъ отождествить ее съ духомъ,—или она по существу своему дѣйствительно слѣпа, неразумна, но тогда она не будетъ волей, а нѣкоторой грубой силой, направляемой какимъ-то злымъ существомъ,—тогда она не будетъ слѣдовательно сущностью міра.

А. Вечтомовъ.

(Окончаніе будетъ).

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

15 Сентября № 17. 1891 года.

Содержаніе. Опрежденія Св. Синода.—Распоряженія Епархіальнаго Начальства.—Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.—Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго училища.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Опрежденія Святѣйшаго Синода.

I.

Отъ 21-го августа 1891 г. за № 2189, о распоряженіяхъ Святѣйшаго Синода по поводу неурожая хлѣба въ нѣкоторыхъ губерніяхъ.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ имѣли сужденіе о постигшемъ нынѣ жителей нѣкоторыхъ губерній бѣдствіи отъ неурожая хлѣба и о крайней нуждѣ, испытываемой въ сихъ мѣстностяхъ духовенствомъ. Приказали: Попущеніемъ Божіимъ многія мѣстности нашего отечества пострадали въ нынѣшнемъ году отъ неурожая хлѣба, и населеніе въ сихъ частяхъ Имперіи начинаетъ испытывать недостатокъ въ средствахъ пропитанія. Въ заботахъ объ изысканія способовъ къ облегченію чадамъ церкви православной перенести подлежащее испытаніе, Святѣйшій Синодъ предписываетъ: 1) установить во всѣхъ епархіяхъ чтеніе за литургіею, на сугубой ектеніи, особливаго прошенія по прилагаемой при семъ формѣ, предоставивъ вмѣстѣ съ симъ настоятелямъ монастырей и причтамъ церквей совершать, по ихъ усмотрѣнію, въ потребныхъ случаяхъ молебное пѣніе ко Господу Богу или ко Пресвятой Богородицѣ, съ прочтеніемъ молитвы святѣйшаго патріарха Каллиста, которая при семъ прилагается; 2) предоставить епархіальнымъ преосвященнымъ, завѣдывающему придворнымъ духовенствомъ, а равно Синодальнымъ Конторамъ установить нынѣ же при всякомъ

богослуженіи въ храмахъ особый сборъ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая, впредь до особыхъ распоряженій о прекращеніи его, съ тѣмъ, чтобы назначенная для сего кружка или тарелка была обносима въ церкви вслѣдъ за церковною кружкою и чтобы собранныя деньги, по повѣркѣ ихъ и записи въ особую тетрадь, немедленно были отправляемы, по принадлежности, преосвященнымъ епархіальнымъ архіереямъ, протопресвитерамъ и въ Конторы; 3) возложить на попеченіе Синодальныхъ Конторъ и епархіальныхъ преосвященныхъ, чтобы состоящія въ ихъ завѣдываніи лавры и наиболѣе обеспеченные монастыри и церкви удѣлили изъ своихъ средствъ денежныя пособія въ пользу нуждающихся и не преста-вали питать иеимущихъ; 4) предписать епархіальнымъ преосвященнымъ учредить въ епархіальныхъ городахъ изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ подъ своимъ, или же викарнаго епископа, предсѣдательствомъ особые комитеты для сбора отъ добродѣтельныхъ дателей пожертвованій и распредѣленія въ епархіяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая, пособій между лицами, коихъ крайняя бѣдность будетъ по возможности удостовѣрена приходскими причтами, предоставивъ при семъ преосвященнымъ учреждать таковыя комитеты и въ уѣздныхъ городахъ, съ тѣмъ, чтобы комитеты сіи всѣ собранныя суммы немедленно отсылали въ губернскіе комитеты. На попеченіе губернскихъ комитетовъ надлежитъ особо возложить устройство бесплатныхъ столовыхъ при архіерейскихъ домахъ, монастыряхъ, церквахъ или иныхъ учрежденіяхъ и открытіе особыхъ пріютовъ для призрѣнія дѣтей, лишенныхъ крова и пропитанія. Всѣ суммы, остающіяся за удовлетвореніемъ мѣстныхъ потребностей, а равно и сборы, производимые въ епархіяхъ, не пострадавшихъ отъ неурожая, должны быть направляемы въ Хозяйственное Управленіе для распредѣленія Святѣйшимъ Синодомъ между мѣстностями, особо въ помощи нуждающимся; туда же направлять и всѣ отчетныя вѣдомости, по закрытіи комитетовъ; 5) объявить для всеобщаго свѣдѣнія, что пожертвованія въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая принимаются Хозяйственнымъ Управленіемъ при Святѣйшемъ Синодѣ и комитетами, учреждаемыми въ епархіальныхъ городахъ для сбора сихъ пожертвованій. Подробныя свѣдѣнія о всѣхъ пожертвованіяхъ и ихъ расходованіи будутъ печатаемы въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ и мѣстныхъ епархіальныхъ. О таковыхъ распоряженіяхъ своихъ Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: дать знать по вѣдомству циркулярными указами, припечатавъ оныя, по заведенному порядку, въ „Церковныхъ Вѣ-

домостяхъ“, съ поясненіемъ, что при начертаніи распоряженій, до сбора пожертвованій относящихся, Святѣйшій Синодъ былъ движимъ упованіемъ, что возлюбленные о Господѣ чада нашей святой, соборной и апостольской церкви, по искони отличавшему ихъ состраданію къ впавшимъ въ несчастіе братіямъ нашимъ, памятуя спасительную Христову заповѣдь любви, милосердно подвигнутся на посылную помощь жителямъ пострадавшихъ отъ неурожая мѣстностей.

МОЛЕНІЕ

ВЪ ПРЕЩЕНІЕ ГЛАДА.

НА БОЖЕСТВЕННѢЙ ЛИТУРГІИ, НА ЗЪТЕНІИ ГЛАГОЛЕМЪЙ СУГУВЪЙ, ДІАКОНЪ ПРИЛАГАЕТЪ ПРОШЕНІЕ СІЕ:

Еще молимся о еже отворотити отъ насъ всякъ гнѣвъ Свой, праведно движимый на ны, и избавити ны отъ бѣдъ и скорбей, отъ глада, смертоносныхъ язвъ и отъ всякаго зла и простити намъ всякое согрѣшеніе вольное же и невольное, и помилovati насъ недостойныхъ рабовъ Своихъ, въ сердцѣ сокрушеннѣмъ рцемъ вси: Господи, услыши и помилуй.

Дякъ: Господи помилуй.

МОЛИТВА

СВЯТѢЙШАГО ПАТРИАРХА КАЛЛИСТА, ГЛАГОЛЕМАЯ ПРИ МОЛЕБНѢМЪ ПѢНІИ Господу Богу или Пресвятѣй Богородицѣ.

Господу помолимся. Господи помилуй.

Боже чудесныхъ, иже великая и чудная содѣлавый, древняго израиля Моисеемъ свободивый горькія работы Фараоновы, рукою Твоею десною сего наставивъ, и невредима соблюдъ къ земли обѣтованнѣй: и первѣе убо птицами онѣми въ сытость напитавый многочисленныхъ люди въ пустыни зѣло сухой, потомъ одождивый манну якоже воду отъ источника приснотекущаго: иже нестькомый камень источники водъ одождити устроиый, и встѣхъ удовливый пролитіемъ воды жаждею изнуряемыхъ: сице и нынѣ насъ напитай обычнымъ Твоимъ челоуѣколюбіемъ и благостію, подаждь намъ потребная, и удовли къ служенію и пищи нашей: покажи и въ насъ великая Твоя и чудная, и напитай насъ въ сытость благословеніемъ Твоея благости: вся

бо возможна Тебѣ, но невозможно же Тебѣ ничтоже. Ей, Господи Боже нашъ, напитавый тѣлами люди малыми хлѣбы въ пустыни, напитай и насъ нынѣ неизрѣченнымъ Твоимъ благоутробіемъ, и не презри моленія насъ грѣшныхъ и недостойныхъ рабъ Твоихъ, да прославится пресвятое имя Твое, Отца и Сына и Святаго Духа, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

II.

Отъ 14-го—21-го августа 1891 года за № 2096, о предоставленіи Училищному Совѣту при Святѣйшемъ Синодѣ производить сборъ пожертвованій въ пользу учащихъ и учащихся въ церковно-приходскихъ школахъ и школахъ грамоты епархій, пострадавшихъ отъ неурожая.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали представленный предсѣдателемъ Училищнаго при Святѣйшемъ Синодѣ Совѣта, отъ 14-го августа сего года № 645, журналъ Совѣта за № 145, съ предположеніями о производствѣ сбора пожертвованій въ пользу учащихъ и учащихся въ церковно-приходскихъ школахъ и школахъ грамоты епархій, пострадавшихъ отъ неурожая. Приказали: Озабочиваясь тяжелымъ положеніемъ учащихъ и учащихся въ церковно-приходскихъ школахъ и школахъ грамоты тѣхъ епархій, населеніе коихъ страдаетъ отъ неурожая, и желая оказать имъ потребную помощь, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: 1) поручить Училищному Совѣту при Святѣйшемъ Синодѣ производить съ сею цѣлію сборъ пожертвованій, и 2) предоставить Совѣту распредѣлять имѣющія поступать пожертвованія между нуждающимися школами, по сношенію съ епархіальными преосвященными, мѣстными Училищными Совѣтами и ихъ отдѣленіями, а о поступающихъ пожертвованіяхъ и ихъ расходованіи своевременно сообщать во всеобщее свѣдѣніе чрезъ „Церковныя Вѣдомости“.

III.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ имѣли сужденіе о постигшемъ нынѣ жителей нѣкоторыхъ губерній бѣдствіи отъ неурожая хлѣба и о крайней нуждѣ, испытываемой въ сихъ мѣстностяхъ духовенствомъ. Приказали: Въ виду засвидѣтельствованнаго многими Преосвященными бѣдственнаго положенія сельскаго духовенства, нуждающагося въ неотложной помощи въ епархіяхъ, страдающихъ отъ неурожая, Святѣйшій Синодъ признаетъ необходимымъ: во 1-хъ,

назначить духовенству сихъ епархій единовременное пособіе въ размѣрѣ 25,000 рублей изъ капитала на пособіе духовенству (§ 5 спеціальной смѣты Святѣйшаго Синода, 1891 г.), и во 2-хъ, предоставить Епархіальнымъ Преосвященнымъ, въ случаяхъ особой надобности, выдавать духовенству изъ суммъ мѣстныхъ епархіальныхъ Попечительствъ ссуды на возможно краткіе сроки и съ уплатою процентовъ по расчету не свыше 5⁰/₀ въ годъ. О такомъ распоряженіи Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: дать знать Епархіальнымъ Преосвященнымъ циркулярными указами. Августа 23 дня 1891 года.

Распоряженія Епархіальнаго Начальства.

Высокопреосвященнѣйшій Амвросій, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, въ исполненіе указа Св. Синода отъ 24 Августа сего года за № 2139 о сборѣ пожертвованій въ пользу соотечественниковъ, бѣдствующихъ по случаю бывшаго въ текущемъ году неурожая, предложилъ Консисторіи сдѣлать слѣдующія распоряженія:

1. Учредить въ Харьковѣ подъ личнымъ предсѣдательствомъ Его Высокопреосвященства Комитетъ, въ который назначить членами изъ духовенства: Каѳедрального собора протоіерея Тимоѳея Павлова, Харьковскаго благочиннаго священника Полтавцева, Вознесенской церкви священника Чеботарева и Воскресенской церкви священника Соколовскаго, съ порученіемъ послѣднему казначейской и письменной части; изъ свѣтскихъ лицъ пригласить церковныхъ старостъ: Каѳедрального собора Уткина, Воскресенской церкви Велитченка, городской кладбищенской церкви Залѣскаго и Харьковскаго купца Н. А. Жевержеева.

2. Примѣнительно къ постановленію Св. Синода объ открытіи комитетовъ и въ уѣздныхъ городахъ, въ видахъ сокращенія времени, требующагося для учрежденія оныхъ, замѣнить ихъ существующими въ епархіи благочинническими Совѣтами, поручивъ симъ послѣднимъ наблюдать за сборомъ пожертвованій въ церквахъ, находящихся въ ихъ вѣдѣніи, принимать отъ священниковъ или церковныхъ старостъ ежемѣсячно собираемыя суммы и также ежемѣсячно со спискомъ церквей, въ которыхъ собраны деньги въ кружки, и съ поименованіемъ лицъ, представляющихъ приходскимъ священникамъ въ руки свои пожертвованія, доставлять оныя въ Харьковскій комитетъ.

3. Предписать циркулярно настоятелямъ мужскихъ монастырей и причтамъ и настоятельницамъ женскихъ: а) неукоснительно во всѣ праздники совершать молебствія о прекращеніи бѣдствія по чину, установленному Св. Синодомъ, напечатанному въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ; б) наблюдать за исправнымъ отношеніемъ при богослуженіи сборныхъ кружекъ для бѣдствующихъ отъ неурожая слѣдомъ за церковными; в) неограничиваясь симъ сборомъ, предлагать особо благотворительнымъ лицамъ дѣлать пожертвованія деньгами и вещами, какъ то: хлѣбомъ, холстомъ и проч. и г) деньги, собранныя тѣмъ и другимъ способомъ, а также и вырученныя отъ продажи вещей, какъ сказано, представлять ежемѣсячно въ благочиннической Совѣтъ для доставленія въ Харьковскій Комитетъ.

Примѣчаніе: На сборныхъ кружкахъ сдѣлать надписи: «Для соотечественниковъ, бѣдствующихъ отъ неурожая.»

Предложеніе Его Высокопреосвященства сообщается духовенству Харьковской епархіи къ свѣдѣнію и надлежащему исполненію.

Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.

3-го сентября сего года въ Правленіе Семинаріи поступило при отношеніи благочиннаго 1-го округа, Богодуховскаго уѣзда, священника Александра Ястремскаго, 143 рубля, пожертвованныхъ на устройство общежитія при Семинаріи церквами сего округа, а именно: отъ Успенской церкви г. Богодухова 10 р., Троицкой церкви г. Богодухова 10 р., Покровской ц. г. Богодухова 5 р. и отъ причта той же церкви 5 р.; отъ церквей: села Мѣсковки 3 р., с. Лозоваго 5 р., с. Матвѣвки 3 р., с. Ивановъ 5 р., сл. Сѣнной Троицкой церкви 10 р., с. Малой Писаревки 5 р., с. Малыжина 3 р., с. Братеницы 3 р., с. Поличковки 1 р., с. Лютовки 3 руб., с. Ряснаго 3 р., сл. Большой Писаревки Успенской церк. 10 р., той же слободы Николаевской ц. 5 р., той же слободы Покровской ц. 2 р., отъ церквей: сл. Вольнаго 10 р., сл. Ямной 10 р., с. Тарасовки 5 р., с. Поповки 3 р., с. Станичнаго 3 р., с. Гниловки 5 р., с. Новой Рябины 5 р., с. Старой Рябины 5 р., с. Яблочнаго 5 р. и с. Александровки 1 рубль.

Увѣдомляя о семъ, Правленіе Семинаріи считаетъ долгомъ выразить жертвователямъ глубокую благодарность за ихъ сочувствіе нуждамъ Семинаріи.

Отъ Совѣта Харьковскаго епархіального женскаго училища
для свѣдѣнія духовенства Харьковской епархіи.

Журнальнымъ постановленіемъ Совѣта отъ 18/20 августа н. г., утвержденнымъ Его Высокопреосвященствомъ, приняты въ число воспитанницъ приготовительнаго класса Харьковскаго епархіального женскаго училища:

а) На бесплатныя вакансіи: 1) *Андреевкова Анна, Корнильева Ольга, Кобеляцкая Елисавета, Грабовская Марія, 5) Дюкова Марія, Дюкова Анастасія, Любичкая Анна, Македонская Наталія, Набокова Вѣра, 10) Настѣдкина Екатерина, Пономарева Валентина, Чебанова Параскева и Рубинская Зинаида.*

б) На свои средства: *Богославская Марія, 15) Быковцева Лидія, Власовская Евдокія, Воронцова Александра, Грекова Софія, Добрецкая Нина, 20) Елинская Анна, Знаменская Надежда, Иванюцкая Александра, Исиченкова Анастасія, Капустянская Марія, 25) Краснокутская Екатерина, Крохатская Марія, Лонгинова Валентина, Люминарская Анна, Макаровская Софья, 30) Мураховская Анна, Мужина Марія, Николаевичъ Анна, Онацкая Евгенія, Павловская Елена, 35) Погорьлова Елена, Пономарева Елена, Попова Екатерина, Проскурникова Софья, Проскурникова Надежда, 40) Саговская Юлія, Снегирева Іульїанія, Смирнская Александра, Тупицына Зинаида, Хижнякова Александра; 45) Чернышъ Ольга, Шишлова Раяса, Юшкова Наталія, Балановская Елена, Богославская Анатолія, 50) Бородаева Наталія, Васильковская Александра, Власова Марѳа, Данилова Марія, Дикарева Марія, 55) Закрицкая Екатерина, Ковалева Анна, Ковалевская Марія, Ковалевская Анна, Краснокутская Анна, 60) Крыжановская Екатерина, Линицкая Клавдія, Никитская Наталія, Павлова Анастасія, Пересыткина Анастасія, 65) Поморцева Марія, Панкратьева Марія, Цопова Лидія, Цопова Надежда, Рубинская Марія, 70) Сильванская Наталія, Слюсарева Елена, Стеллецкая Ольга, Торанская Екатерина, Твердохлѣбова Ирина, 75) Шебатинская Леонїлла, Шебатинская Евфросїнія, Шемилонова Анна, Феденко Александра и Федорова Анна.*

в) Въ I классъ: *Региневская Анна.*

г) Во II классъ: *Андерсонъ Валентина, Максимова Надежда и Жукова Любовь (на епархіальныя средства).*

д) Въ V классъ: *Старожилова Ольга, Филевская Евлампія и Одинцова Софья.*

е) Изъ другихъ классовъ приняты на бесплатныя вакансіи: *Рубинская* Анастасія (3 класса), *Съверина* Софья (5 класса), *Толмачева* Софья (I парал. класса).

ж) На стипендію Брат. Федоровскихъ: *Димарева* Наталія (I норм. класса) и *Назаревская* Антонина (II парал. класса).

Епархіальныя извѣщенія.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, по всеподданнѣйшему докладу, согласно опредѣленію Св. Синода, Всемилостивѣйше соизволилъ, въ 19 день минувшаго іюля, на сопричисленіе состоящаго на вакансіи псаломщика при Николаевской церкви г. Ахтырки, діакона Теодора *Сукачева*, за труды по народному образованію, къ ордену св. Анны 3-й степени.

— Священники церковей Изюмскаго уѣзда: Васильевской села Прележнаго, Николай *Антоновъ*, Варваровской сл. Райскаго, Михаилъ *Пономаревъ*, и Николаевской сл. Долгинской, Зиновій *Гладковъ*, Его Высокопреосвященствомъ награждены набедренниками.

— Діакону, Харьковской Александро-Невской церкви, Федору *Никольскому*, преподано Архипастырское благословеніе за его честную службу и добрую жизнь.

— Его Высокопреосвященствомъ посвящены въ стихарь псаломщики Изюмскаго уѣзда: заштат. г. Славянска, Воскресенской церкви, Леонидъ *Ильинскій*, и Троицкой церкви, Іоаннъ *Вербинскій*, слоб. Былбасовки, Преображенской церкви, Василій *Торанскій*, и с. Некремеянаго, Акилинской церкви, Іаковъ *Фаворовъ*.

— Священникъ Покровской церкви, слоб. Верхней Цисаревки, Волчанскаго уѣзда, Косьма *Огульковъ*, утвержденъ духовникомъ духовенства 1-го Волчанскаго округа второго участка.

— Священникъ Георгіевской церкви, слоб. Ольховатки, Волчанскаго у., Іоаннъ *Склябинскій*, утвержденъ въ должности цензора проповѣдей.

— Священникъ Троицкой церкви, слоб. Бѣловодска, Старобѣльскаго у., Леонидъ *Пономаревъ*, утвержденъ въ должности катихизатора.

— Священникъ Рождество-Богородичной церкви, слоб. Штормовой, Старобѣльскаго уѣзда, Іоаннъ *Инноковъ*, утвержденъ въ должности помощника благочиннаго 5-го округа Старобѣльскаго уѣзда.

— Священникъ Казанско-Богородичной церкви, слободы Волчанскихъ хуторовъ, Волчанскаго уѣзда, Игнатій *Феденковъ*, согласно прошенію, уволенъ за штатъ.

— Окончившій курсъ въ Харьковской Духовной Семинаріи, Алексѣй *Давидовскій*, опредѣленъ на священническое мѣсто къ Казанско-Богородичной церкви, слоб. Волчанскихъ хуторовъ, Волчанскаго уѣзда.

— Псаломщикъ слоб. Юнаковки, Сумскаго уѣзда, Василій *Краснокутскій*, рукоположенъ въ санъ діакона съ оставленіемъ въ той же должности.

— Опредѣленъ псаломщикомъ къ Покровской ц., с. Липецъ, Харьковскаго уѣзда, Евгеній *Огульковъ*.

— Псаломщики церковей—Георгіевской, с. Гуляй Поля, Зміевского у., Петръ *Власовскій*, и Параскѣевской, с. Песчаннаго, Волчанскаго уѣзда, Игнатъ *Власовскій*, перемѣщены одинъ на мѣсто другаго.

— Открыто штатное діаконое мѣсто при Іоанно-Богословской церквѣ, с. Большихъ Проходовъ, Харьковскаго уѣзда.

— Утвержденъ попечителемъ церковно-приходской школы, въ с. Черкасской Лозовой, Харьковскаго у., купецъ Яковъ *Трофименко*.

— Утверждены въ должности церковныхъ старостъ, къ церквамъ: Всѣхсвятской кладбищенской, г. Ахтырки, на 2-е трехлѣтіе, купецъ Андрей *Томенко*, Георгіевской, хутора Павленкова, Лебединскаго уѣзда, на слѣдующее трехлѣтіе, крестьянинъ Иванъ *Стефановъ*, Архангело-Михайловской, г. Харькова, на 2-е трехлѣтіе, купецъ Георгій *Шиманскій*.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Открытіе сбора пожертвованій въ г. Харьковѣ.—Продовольственный вопросъ въ Харьковской губерніи. Мѣры обезпеченія продовольствія.—Льготы по перевозкѣ по желѣзнымъ дорогамъ для отправленія въ заработки пострадавшихъ отъ неурожаа.—Дѣятельность Общества Краснаго Креста на пользу голодающихъ.—Петербургскій епархіальный комитетъ по сбору пожертвованій въ пользу пострадавшихъ отъ неурожаа.—Благотворенія петербуржцевъ.—Соглашенія рабочахъ на ежемѣсячныя отчисленія изъ жалованья на помощь голодающему населенію.—Крестьянская копѣйка.—Трогательный примѣръ благотворенія.—Недостаточное развитіе церковно-приходскихъ попечительствъ.—Среди голодающихъ.—Наиболѣе пострадавшіе отъ неурожаа губерніи.—Неурожаа и заболѣваемость.—Примѣси и порча муки.—Необходимыя санитарныя мѣропріятія.—Поучительный случай.—Замѣчательное паломничество въ Почаевскую лавру.—Законы объ ограниченіи дней свадебныхъ пиршествъ въ приходсахъ.—Бракъ «по роспискѣ».—Иконы искаженной живописи.—Упорядоченіе изданій для народнаго чтенія.—Склады священныхъ и религіозно-нравственнаго содержанія книгъ при приходскихъ церквяхъ.—Обязательное обученіе въ приходскія библіотеки.—Подчиненіе благотворительныхъ школъ епархіальному начальству.—Экзамены по церковному пѣнію на учительскомъ сѣздѣ.—Разработка вопроса о сельско-хозяйственномъ образованіи.—Странствующіе учителя садоводства.—Мѣры къ обезпеченію сельскаго хозяйства.—Разрѣшеніе женщинамъ поступать въ акушерскія ученицы.—Слухъ о женскомъ миссіонерскомъ обществѣ.—Ассигновка на миссіонерское дѣло.—Мѣры противъ штунды.—Стремленіе католиковъ-чеховъ Таврической губерніи къ воссоединенію съ православіемъ.—Слухи объ открытіи Духовной Академіи въ Вильно.—Католическія проски на востокъ.—Значеніе медицинскихъ свѣдѣній о помощи въ несчастныхъ случаяхъ и вышедшее въ свѣтъ изданіе картинъ: «Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ до прибытія врача».—Некрологъ.—Тиражъ выигрышей и погашенія билетовъ 2-го внутренняго съ выигрышами займа, произведенный 2-го сентября 1891 г.

Въ день празднованія Рождества Пресвятыя Богородицы, 8 сентября, въ Харьковскомъ Успенскомъ кафедральномъ соборѣ послѣ божественной литургіи, совершенной Высокопреосвященнѣйшимъ Амвросіемъ, архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, ключаремъ собора, священникомъ о. Тимоеемъ Буткевичемъ, было прочитано пастырское воззваніе Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія,

призывающее къ пожертвованіямъ въ пользу голодающихъ. Затѣмъ совершенно было молебствіе, послѣ котораго былъ произведенъ сборъ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая.

— Особое совѣщаніе, которое состоялось по вопросу объ обезпеченіи продовольствія въ Харьковской губерніи, намѣтило общія положенія тѣхъ мѣропріятій, которыя необходимы и цѣлесообразны. Совѣщаніе признало, что изъ обще-государственныхъ суммъ необходимо выдать ссуду въ 500.000 рублей уѣздамъ, наиболѣе пострадавшимъ (каковы: Волчанскій, Старобѣльскій и Купянскій), что уплата податей должна быть въ нихъ разсрочена и что, кромѣ того, необходимо строить шоссе отъ Харькова до города Валуйскъ, Воронежской губерніи, чрезъ Чугуевъ. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ въ цѣляхъ дать заработокъ мѣстному населенію предложило высказаться о желательномъ направленіи предположенныхъ къ сооруженію шоссе путей. Совѣщаніе намѣтило тѣ уѣзды—Купянскій, Волчанскій и Зміевскій, по которымъ желательно вести шоссе, затѣмъ оно же высказалось за подъѣздный путь, тоже шоссе, отъ города Старобѣльска до станціи «Лисичанскъ» Донецкой желѣзной дороги; протяженіе этого пути—60 или 70 верстъ, необходимость его признана давно, и губернское земство затратило уже однажды около 20.000 рублей, соорудивъ по дорогѣ къ Лисичанску нѣсколько мостовъ и гатей. По свѣдѣніямъ губернскаго земства, изъ Старобѣльскаго уѣзда, при урожаяхъ, вывозится свыше 2.000.000 пудовъ хлѣба, причемъ часть его, экспортируемая къ черноморскимъ портамъ, идетъ гужомъ; а кромѣ хлѣбныхъ грузовъ—есть еще и другіе. На сооруженіе всѣхъ проектированныхъ шоссе путей потребуется сумма въ *милліонъ восемьсотъ тысячъ* рублей.

Сумма, потребная для обезпеченія продовольствія въ губерніи, не измѣряется, однако, ссудой по 500.000 рублей. Одному Старобѣльскому уѣзду требуется ссуда въ такомъ размѣрѣ. Всего же, по рѣшенію совѣщанія, можетъ потребоваться около 800.000 рублей. Въ числѣ мѣръ облегченія сельскаго населенія пострадавшихъ уѣздовъ значатся разсрочка платежа податей и выдача бесплатныхъ паспортовъ для отхожихъ промысловъ.

— Министерство финансовъ предоставило льготы и по перевозкѣ по желѣзнымъ дорогамъ отправляющагося на заработки населенія пострадавшихъ отъ неурожая мѣстностей Имперіи, въ томъ числѣ и Харьковской губ. Эти льготы будутъ предоставляемы только по предьявленіи свидѣтельствъ отъ земскихъ начальниковъ, удостовѣ-

ряющихъ право предъявителя на пользованіе льготою. Начальникъ Харьковской губерніи циркулярно предложилъ уѣзднымъ съѣздамъ озаботиться немедленнымъ изготовленіемъ бланковъ для вышеупомянутыхъ свидѣтельствъ.

— Съ Высочайшаго соизволенія Государыни Императрицы, Августѣйшей Покровительницы Россійскаго Общества Краснаго Креста, въ кассахъ всѣхъ учрежденій общества Краснаго Креста въ Имперіи открывається пріемъ пожертвованій на помощь населенію въ губерніяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая. Всѣ пожертвованія будутъ направляться главнымъ управленіемъ Общества въ всѣмъ учрежденіями въ губерніяхъ, на кои не распространился неурожай,—въ учрежденія Общества тѣхъ губерній, которыя нуждаются въ помощи, а этими послѣдними будутъ организованы съ вѣдома и съ участіемъ мѣстной администраціи и духовенства попечительства Краснаго Креста для оказанія помощи нуждающемуся населенію наиболѣе соотвѣтственными способами, по выработанному на мѣстахъ плану, при непремѣнно личномъ участіи въ этомъ распредѣленіи членовъ попечительства. Впредь до поступления пожертвованій главное управленіе, по сообщенію «Нов. Вр.», отчислило изъ своего запаснаго капитала 165,000 руб. и предложило мѣстнымъ учрежденіямъ Общества сдѣлать такія же отчисления по мѣрѣ ихъ средствъ.

— 31-го августа въ директорской залѣ Святѣйшаго Синода состоялось первое засѣданіе комитета по сбору пожертвованій въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. Засѣданіе происходило подъ предсѣдательствомъ преосвященнаго Никандра, епископа Нарвскаго. Число пожертвованій, собранныхъ по 31 августа въ Казанскомъ соборѣ, составляетъ 4,600 руб. деньгами, 20 кулей ржаныхъ сухарей, 3 мѣшка бѣлыхъ пшеничныхъ сухарей, 5 кулей ржаной муки и немало различнаго рода мелкихъ вещей, стоимость которыхъ не приведена еще въ извѣстность. Въ засѣданіи комитетомъ постановлено было: открытъ немедленно во всѣхъ столичныхъ церквахъ сборъ пожертвованій не только денежныхъ, но также и хлѣбомъ и различными вещами, установивъ при этомъ въ нѣкоторыхъ церквахъ для пріема пожертвованій дежурства священниковъ. При пріемѣ пожертвованій въ церквахъ дежурными священниками будутъ выдаваться желающимъ установленныя для этого квитанціи за подписью священника.

— По сообщеніямъ газетъ, въ Петербургѣ дѣло благотворенія въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая идетъ очень успѣшно. По-

жертвованія текутъ и деньгами и вещами. Такъ, 4 сентября въ главное управленіе Общества «Краснаго Креста» отъ лица, пожелавшаго остаться неизвѣстнымъ и отказавшагося взять квитанцію въ пріемѣ пожертвованія, въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая поступили слѣдующія вещи: брилліантовая брощь и серьги, два кольца и золотая дамская цѣпочка. По приблизительной оцѣнки ювелиромъ, стоимость ихъ опредѣлена: брощь и серьги 275 руб., оба кольца 60 руб. и цѣпочка 25 руб. Вещи эти будутъ обращены въ наличныя деньги, для употребленія ихъ по назначенію.

— «С. Пет. Вѣд.» передаютъ, что между рабочими и служащими на Императорскихъ: карточной фабрикѣ, стеклянномъ и фарфоровомъ заводахъ состоялось соглашеніе отчислять до августа будущаго года ежемѣсячно при полученіи жалованья и заработанныхъ денегъ отъ 2 до 4 коп. съ рубля въ помощь голодающему населенію.

— По сообщенію «Свѣта», крестьяне Пулковской волости постановили на сходѣ устроить сборъ по волости для нуждающихся братьевъ въ другихъ губерніяхъ, и примѣру ихъ послѣдуютъ и другія волости Петербургской губерніи. Явленіе чрезвычайно пріятное, еслибы даже сборы и не дали многого.

— 1-го сентября у входа въ Казанскій соборъ обращала на себя вниманіе дряхлая старушка, предлагавшая проходившимъ купить у нея два куска полотна, съ которыми она пришла изъ новгородской губерніи для того, чтобы вырученныя за полотно деньги пожертвовать въ пользу голодающихъ. На вопросы: почему она не послала свое пожертвованіе по почтѣ? Старушка отвѣчала: «Боязно было: какъ сама передамъ, знаю, что на пользу пойдутъ!» Полотно было куплено какою-то дамою, и старушка не медля передала полученныя за него деньги въ пользу голодающихъ. Присутствовавшій при этой сценѣ одинъ купецъ предложилъ старушкѣ снабдить ее деньгами на покупку билета на проѣздъ по желѣзной дорогѣ, но она наотрѣзъ отказалась взять ихъ, говоря: «Нѣтъ, кормилецъ, я и такъ добреду, а ты лучше эти деньги имъ же (т. е. голодающимъ) пожертвуй». «С. От.»

— «Свѣтъ» сожалеетъ о недостаточномъ развитіи у насъ церковно-приходскихъ попечительствъ: трудно исчислить ту многообразную пользу, какую они были бы способны принести населенію. Положеніе о приходскихъ попечительствахъ давно уже санкціонировано духовною властью и вошло въ составъ церковныхъ законоположеній, а ихъ самихъ все нѣтъ какъ нѣтъ. Объ

этомъ особенно приходится пожалѣть въ настоящій трудный годъ. Какую бы услугу могли оказать эти учрежденія, будь они повсемѣстны, и правительству, и обществу, и крестьянству въ обстоятельствахъ подобныхъ тѣмъ, какія наступаютъ теперь для значительной части сельскихъ населеній! Даже теперь, при отсутствіи въ сельскихъ приходахъ этихъ органовъ внутренней приходской жизни, было бы весьма желательно, чтобы снабженіе деревенскаго люда присылаемыми по его адресу пожертвованіями совершалось не помимо церкви: нашъ народъ доселѣ какъ-то больше чтить погостъ, нежели станovouю квартиру. При каждой церкви могъ бы устроиться временный комитетъ, и отъ такого комитета было бы полное основаніе ожидать и наибольшаго нелицепріятія, и надлежащей добросовѣстности, и—главное—полнѣйшаго даже личнаго знакомства съ каждымъ изъ сотенъ вспомошествоваемыхъ.

— Тамбовская губернія, одна изъ хлѣбороднѣйшихъ губерній Россіи, въ текущемъ году получила уже миллионную ссуду на обсмѣненіе полей и требуетъ втрое бѣльшую на продовольствіе населенія. Хлѣбородная губернія стала центромъ голода, и пріѣзжій, знакомый со внѣшнимъ видомъ селъ и деревень въ прежніе урожайные годы, пораженъ тѣмъ, что онъ видитъ теперь. Начать съ того, что уже при вѣздѣ въ сосѣднюю съ Тамбовскою—Рязанскую губернію, пострадавшую отъ неурожая въ значительно меньшей степени, на желѣзнодорожныхъ станціяхъ вооругъ вагоновъ собираются цѣлыя толпы нищихъ, которыя все густѣютъ по мѣрѣ приближенія къ Козлову и Тамбову. Толпы эти состоятъ изъ старухъ и малолѣтнихъ дѣтей. Присутствіе ихъ тѣмъ поразительнѣе, что въ прежніе годы никогда ничего подобнаго на этомъ пути не замѣчалось. Грозный призракъ неурожая проявляетъ себя и инымъ образомъ. Въ былыя времена крестьянскія гумна въ Тамбовской губерніи бывали полны хлѣбныхъ скирдъ, ржаныхъ и овсяныхъ одоньевъ. Ничего подобнаго теперь нѣтъ: пустыми стоятъ гумны, и грустно и уныло выглядываютъ крестьянскія избы съ почернѣвшими крышами, неподновленными въ нынѣшнемъ году за неимѣніемъ соломы. И эти полугнилыя крыши предстоитъ стравить на кормъ скоту. Въ вагонахъ только и разговора, что о голодѣ. Разказы всѣ болѣе или менѣе однообразны: тамъ, изъ пятидесяти домохозяевъ, составляющихъ деревню, только у одного хватитъ хлѣба до Рождества, въ другомъ мѣстѣ у населенія огромнаго села въ 2.000 душъ, земля не вернула и половины сѣмянъ, такъ что нечѣмъ обсмѣниться, въ третьемъ мѣстѣ мѣра лебеды,

подмѣшиваемой въ муку, продается по 40—50 коп. Заработковъ нѣтъ и не предвидится зимой, люди будутъ «пухнуть съ голода», какъ, по сообщенію корреспондента «Моск. Вѣд.», выразился одинъ сѣдой старикъ, крестьянинъ, возвращающійся въ свое село. «Въ прошломъ году плохо было, добавилъ онъ,—хлѣбъ, почитай, всю зиму покупали, а теперь и того хуже, купить его негдѣ да и не на что. Хорошо вотъ Царь-батюшка на обсѣмененіе далъ, хоть поля то засѣяли, на Него наша одна надежда, можетъ Онъ и прокормить». Эти слова въ самыхъ разнообразныхъ варіаціяхъ приходится слышать не разъ: «Царь прокормитъ, Онъ наша надежда», выражаетъ настоящее возрѣніе на вещи голодающаго населенія.

— Въ послѣднее время опубликованъ слѣдующій списокъ наиболѣе пострадавшихъ отъ неурожая губерній: Нижегородская, Симбирская, Саратовская, Уфимская, Пензенская, Тульская, Казанская, Самарская, Оренбургская, Тамбовская, Рязанская, Воронежская, Вятская. Независимо отъ того въ нижеслѣдующихъ губерніяхъ болѣе или менѣе сильно пострадали: въ Курской губерніи уѣзды: Тимской, Старооскольскій, Новооскольскій и Щигровский; въ Орловской: Ливенскій, Елецкій и Брянскій; въ Костромской: Варнавинскій и Ветлужскій; въ Астраханской: Черноярскій, Енотаевскій и Астраханскій; въ Пермской: Шадринскій, Камышловскій и Екатеринбургскій; въ Тобольской округа: Курганскій, Ялutorовскій и Ишимскій; въ Херсонской: Анацьевскій, Херсонскій и Александровскій; въ Харьковской: Волчанскій и Старобѣльскій.

— При недородѣ хлѣбовъ, приходится весьма часто наблюдать особыя формы заболѣваній желудочно-кишечнаго капаля, эпидеміи цынги и злой корчи, которыя всецѣло зависятъ отъ употребленія въ пищу дурныхъ или испорченныхъ пищевыхъ припасовъ, или такихъ, къ которымъ примѣшаны прямо ядовитыя вещества, напр., спорынья. Слѣдовательно, населеніе страдаетъ не только отъ недостатка припасовъ, но и отъ дурныхъ качествъ послѣднихъ.

Въ не урожайные годы, по необходимости, пускаются въ ходъ старые запасы зерна и муки, быть можетъ, испортившейся; зерновой хлѣбъ съ большою послѣшностію сжинается и молотится, причемъ мало обращаютъ вниманія на примѣсъ къ зерну сѣмянъ сорныхъ травъ, на присутствіе въ хлѣбѣ больныхъ зеренъ и пр. Между тѣмъ, замѣчено, что въ неурожайные годы особенно разрастаются на поляхъ сорныя травы, а зерно чаще и сильнѣе поражается различными болѣзнями. Изъ числа сорныхъ травъ опасны

для здоровья двѣ—положительно ядовитыя: плевель опьяняющій и куколь обыкновенный. У людей они производятъ припадки, схожіе съ припадками при отравленіи какимъ-нибудь наркотическимъ ядомъ: головокруженіе, бредъ, галлюцинаціи, судороги и даже параличи. Поэтому, необходимо самое тщательное удаленіе изъ зерноваго хлѣба сѣмянъ этихъ травъ; для этого служатъ: тщательное провѣиваніе зерна и промывка его водою; сѣмена куколя, въ свѣжемъ состояніи величиною своею превосходящія величину ржаного зерна, тотчасъ послѣ уборки хлѣба легко отсѣять на грохотѣ.

Въ годы, когда хлѣбъ дорогъ, весьма сильно распространяются преднамѣренныя поддѣлки муки: къ ней прибавляютъ гипсъ, мѣлъ, тяжелый шпатель, глину, известь и пр. Такимъ образомъ, во время дороговизны, должны быть принимаемы не только мѣры, клонящіяся къ доставленію нуждающимся дешевой пищи въ достаточномъ количествѣ, но и устраняющія употребленіе веществъ, разстроивающихъ здоровье; нуженъ неослабный и усиленный надзоръ за зерномъ, мукою, печенымъ хлѣбомъ и прочими пищевыми припасами. Кромѣ заботъ о пищѣ, должно стараться улучшить и другія жизненныя условія, которымъ дороговизна наноситъ большой ущербъ, и въ особенности обращать вниманіе на появляющіяся эпидемическія болѣзни, особенно пагубныя для людей, истощенныхъ недостаточнымъ питаніемъ. Но, во всякомъ случаѣ, вопросъ о пищѣ заслуживаетъ всегда наибольшаго вниманія. Въ рѣшеніи этого вопроса, въ достаточномъ и цѣлесообразномъ прокормленіи народа, заключаются самыя дѣйствительныя средства, для предотвращенія эпидемій и бѣдствій, приносимыхъ ими.

„Прав. Вѣст.“

— «Орловскія Епархіальныя Вѣдомости» рассказываютъ замѣчательный случай, имѣвшій мѣсто въ подгородной слободѣ Аргомачи, въ Ельцѣ: «Не далѣе какъ въ 50 саженьяхъ отъ моего дома, рассказываетъ авторъ, отецъ Іаковъ Леоновъ, на заросшемъ травой и, большею частію, такъ-называемымъ «просвирникомъ» огородѣ крестьянина Григорія Черкатины появился червь и буквально сверху до низу облѣпилъ каждую былинку просвирника. Червь былъ длиной около полудюйма и менѣе, мохнатый и сѣрый. На травѣ онъ сидѣлъ плотно, и слышно было скрипѣніе и шумъ отъ того, какъ онъ пожиралъ листья и вѣтки. Мѣсто, занятое имъ было сначала не болѣе какъ сажень въ 50 квадр., но затѣмъ день ото-дня онъ занималъ все болѣе и болѣе мѣста и занялъ, наконецъ, около $\frac{1}{4}$ десятины—почти весь огородъ. Удивительно было,

откуда только онъ брался, потому что онъ не былъ пришлый и какъ будто отродился на мѣстѣ. Затѣмъ черви стали расползаться во всѣ стороны, наведя ужасъ на жителей. Каменные постройки близъ лежащихъ домовъ и сараевъ были покрыты ими какъ грязнымъ полотномъ. Забирались въ самые дома и надѣлали много безпокойствъ жителямъ, которые постоянно обметали ихъ. Такъ, они наводнили пять домовъ и сосѣдніе огороды, и все это было въ срединѣ самой слободы. Всѣ были поражены этимъ никогда невиданнымъ явленіемъ. Развѣ не могъ этотъ червь явиться на нашихъ нивахъ и уничтожить ихъ? Женщины, которыхъ кусалъ этотъ червь, передавали мнѣ, что послѣ укуса дѣлается ошухоль и боль. Жители прибѣгли къ молебствію съ крестнымъ ходомъ. Сдѣлано два колѣнопреклоненія съ чтеніемъ тѣхъ же молитвъ и крестообразнымъ окропленіемъ. Видимо было—народъ усердно молился. Но болѣе всего для всѣхъ видимо и поразительно было то, что на другой день червя не было видно. Куда онъ дѣвался—непзвѣстно».

„Моск. Вѣд.“.

-- «Церковн. Вѣстн.» рассказываетъ о замѣчательномъ паломничествѣ въ Почаевскую лавру, совершенномъ изъ м. Гусятина, подольской епархіи. Это паломничество было замѣчательно уже самой своей обстановкой. Паломники, въ числѣ 83 человекъ, къ которымъ позже присоединилось еще нѣсколько человекъ, отправились въ путь 11 іюня послѣ молебствія въ своемъ храмѣ, съ пѣніемъ тропаря храму, предшествуемые священникомъ, который и описалъ это путешествіе, и псаломщикомъ. Проводы паломниковъ имѣли видъ торжественнаго крестнаго хода и обратили на себя вниманіе жителей заграничнаго Гусятина, которые, собравшись, смотрѣли на шествіе. Дорога пролегла по самой границѣ, и такъ какъ хоръ паломниковъ отъ Гусятина до самаго Голенищева стройно пѣлъ, то жители австрійской дер. Ольховца и нашего села Кузиминчика въ большомъ числѣ вышли на встрѣчу. Всѣхъ немало поражало, что идетъ такая масса народа съ прекраснымъ пѣніемъ и священникомъ. Тутъ пришлось путникамъ услышать съ австрійскаго берега слѣдующее: «Чи вжежь то батюшка веде васъ всихъ въ Почаевъ? Давъ бы Богъ милостивый, щобъ и у насъ це колы було». По дорогѣ паломники заходили во встрѣчавшіяся на пути церкви, проходя селами, хоръ пѣлъ ирмосы и другія пѣснопѣнія, а на полѣ занимались рассказами изъ священной исторіи; по выходѣ изъ мѣстъ ночлеговъ, во время пути читались въ слухъ утреннія молитвы и каноны или аваѣис-

ты; при наступленіи вечера, также во время пути, читались вечернія молитвы. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ дорога пролегла по границѣ, мѣстные австрійскіе уніаты, узнавши цѣль путешествія паломниковъ и слыша стройное пѣніе, присоединились къ шествію, чтобы послушать пѣніе и свою молитву присоединить къ молитвѣ своихъ православныхъ братьевъ. Въ лаврѣ паломники исповѣдывались и приобщались св. таинъ. Возвращеніе ихъ на родину носило тотъ же характеръ, какъ и путешествіе въ Почаевъ. Путешествіе ихъ въ Почаевскую обитель, отстоящую отъ Гусятина на 170 верстъ, продолжалось съ 11 по 21 іюня; всѣхъ же паломниковъ было 95 чоловѣкъ отъ 8 до 80-лѣтняго возраста. Эти десять дней общей молитвы едва-ли когда изгладятся изъ памяти паломниковъ.

— Въ 1883 году однимъ изъ священниковъ Литовской епархіи было предложено прихожанамъ отправлять свадьбы только два дня (день вѣнчанія и слѣдующій), такъ какъ до того времени свадьбы отправлялись по четыре дня и даже болѣе, что было весьма раззорительно для прихожанъ. Это предложеніе священника было принято прихожанами съ благодарностію и исполнялось до настоящаго времени всѣми. Въ настоящемъ году одинъ изъ членовъ мѣстнаго приходскаго попечительства, выдавая замужъ свою дочь, нарушилъ установившійся уже обычай—отправлять свадьбу не болѣе двухъ дней, чѣмъ подалъ соблазнъ для всего прихода. Въ виду этого священникъ предложилъ попечительству—просить Епархіальное Начальство дать согласіе на удаленіе такого члена изъ попечительства и принять предсѣдателю и членамъ на себя непремѣнную обязанность слѣдить въ приходѣ, чтобы свадебныя празднества отправлялись не болѣе двухъ дней, а разные обѣды крестильные, поминальные и др. ограничивались только однимъ днемъ, а въ случаѣ нарушенія вѣмъ либо изъ прихожанъ объявленнаго требованія, попечителя обязаны доносить настоятелю для принятія соотвѣтственныхъ пастырскихъ мѣръ. Попечительство, вполнѣ соглашаясь въ семъ дѣлѣ съ священникомъ, просило Епархіальное Начальство дать согласіе на удаленіе названнаго имъ члена изъ попечительства, и всѣ, какъ предсѣдатель, такъ и члены попечительства обязались слѣдить въ приходѣ, чтобы свадьбы отправлялись не болѣе двухъ дней, а крестины и поминальные обѣды ограничивались только однимъ днемъ. Таковое постановленіе попечительства Епархіальнымъ Начальствомъ принято къ свѣдѣнію.

— «Елисаветград. Вѣстн.» сообщаетъ, что въ уѣздѣ принимаетъ все болѣе и болѣе широкій размѣръ обычай «вѣнчаться по распискѣ». Состоить онъ въ слѣдующемъ: пара, желающая «повѣнчаться», въ присутствіи «поважныхъ» людей, даетъ другъ другу обѣщаніе жить до смерти вмѣстѣ и работать вмѣстѣ, въ обезпеченіе же могущихъ встрѣтиться случайностей, даются другъ другу «расписки». Подъ общимъ именемъ расписокъ идутъ векселя, духовное завѣщаніе и разные имущественные договоры. Первыми новаторами по введенію этой формы сожителства были крестьяне, у которыхъ умерло три жены, а затѣмъ крестьяне и крестьянки, разошедшіеся съ женами и мужьями. «Разводы» здѣсь совершаются легко: разъ только жена жалуется на мужа на жестокое обращеніе, и на судѣ (раньше у мировыхъ судей, а теперь въ волостномъ судѣ) фактъ этотъ доказанъ, то уже такая пара вмѣстѣ не живетъ, а такъ какъ крестьянское хозяйство безъ женщины не мыслимо, то совершается бракъ «по распискѣ». Женщины наиболѣе являются сторонницами такого брака и наиболѣе горячо его пропагандируютъ. Результатами этой пропаганды являются «самовольные уходы» женъ и «кража женъ»; мужья прибѣгаютъ въ такихъ случаяхъ къ суду. Какія встрѣчаются нестроенія въ семейной жизни крестьянъ! Не хотѣлось бы и вѣрить существованію подобнаго рода прискорбныхъ явленій. . .

— По сообщеніямъ газетъ, въ полтавскую духовную консисторію доставлены двѣ иконы, купленные на ярмаркѣ въ мѣстечкѣ Еремѣевкѣ, самой искаженной и неприличествующей изображеннымъ на нихъ ликамъ живописи. Иконы лучшей живописи на ярмаркахъ и базарахъ въ золотоношскомъ уѣздѣ встрѣчаются очень рѣдко и продаются по весьма высокой цѣнѣ. Продажа иконъ искаженной живописи уже была ранѣе воспрещена распоряженіемъ мѣстной духовной власти, но, незамѣтно, въ послѣднее время опять возобновилась. Въ виду того, что продажа подобнаго рода иконъ крайне вредна съ религіозной точки зрѣнія, полтавскимъ епархіальнымъ начальствомъ въ настоящее время подтверждено означенное запрещеніе, и приняты мѣры къ изытію изъ продажи иконъ искаженной живописи.

— Въ комитетъ грамотности внесено предложеніе объ упорядоченіи обращающихся на книжномъ рынкѣ изданій для народнаго чтенія. Въ настоящее время, какъ извѣстно, существуетъ масса народныхъ книгъ, какъ на примѣръ: «сонники», «оракулы» и тому подобныя изданія, которыя не только не приносятъ никакой пользы, но прямо способствуютъ развитію въ народѣ различныхъ

суевѣрій, предразсудковъ и другихъ темныхъ отрицательныхъ сторонъ народной нравственности. По словамъ «Р. Ж.», предполагается возбудить ходатайство о воспрещеніи подобнаго рода изданій и о составленіи подробнаго списка такихъ книгъ, которыя должны быть изъяты изъ обращенія въ продажѣ. Не можемъ не пожелать полнаго успѣха этому ходатайству.

— Духовенство Хвалынскаго (Саратов. губ.) градскаго благочинія на общемъ своемъ собраніи постановило, чтобы каждый священникъ, смотря по средствамъ церкви, или на средства церковно-приходскаго попечительства, или же на пожертвованія частныхъ благотворителей долженъ выписать потребное количество евангелій, псалтирей, часослововъ, молитвенниковъ, троицкихъ листовъ, брошюръ и книжекъ противораскольническаго содержанія, одобренныхъ духовною цензурою, изъ нихъ составить и имѣть складъ каждый при своей приходской церкви, съ цѣлью распространенія оныхъ въ своемъ приходѣ или безмездно, или же (если выписаны на церковныя средства) для продажи не выше объявленной на книгѣ цѣны. Церковныя деньги, употребленныя на сей предметъ, должны быть записываемы въ церковныя расходныя книги. По веденію выписки и распространенія книгъ склада должна быть заведена особая тетрадь, за свѣдѣніемъ благочиннаго, въ которой отмѣчать, какъ выписанныя книги и ихъ цѣны, такъ и распространеныя въ приходѣ, что благочинный долженъ провѣрить во время годовыхъ и полугодовыхъ ревизій. Дѣла склада и веденіе книги возложено на обязанность священника съ причтомъ.

— Газеты сообщаютъ, что предполагается сдѣлать обязательнымъ народное образованіе въ тѣхъ селахъ, гдѣ существуютъ школы, могущія вмѣстить наличное число дѣтей школьнаго возраста. Будутъ обязательно открыты для всѣхъ прихожанъ и мѣстныхъ приходскихъ бібліотеки бесплатно. Выборъ книгъ и завѣдываніе бібліотеками будетъ принадлежать настоятелямъ церквей.

— Школы петербургскихъ приходскихъ благотворительныхъ обществъ подчинены завѣдыванію епархіальнаго начальства.

— 13 августа, въ Ярославлѣ, въ епархіальномъ женскомъ училищѣ, въ присутствіи архіепископа Іонафана, начальника губерніи и многихъ духовныхъ и свѣтскихъ почетныхъ лицъ, происходили публичныя испытанія учителямъ и учительницамъ церковно-приходскихъ школъ ярославской епархіи, собравшимся въ Ярославль для изученія церковнаго пѣнія, чтобы получить возможность затѣмъ правильно вести это дѣло въ своихъ школахъ. Курсъ ученія про-

должается полтора мѣсяца. Удостоенныхъ свидѣтельства объ успѣш-
ныхъ занятіяхъ на курсахъ оказалось 57 человекъ. Предметами
занятій были: теорія церковнаго пѣнія, общая теорія, сольфеджи,
пѣніе съ голоса и церковный уставъ. На курсахъ участвовали
нѣкоторые учителя земскихъ школъ. «Моск. Ц. Вѣд.»

— Въ «Моск. Вѣд.» сообщаютъ, что съ окончаніемъ лѣтнихъ
вакацій возобновятся занятія въ комиссіи разрабатывающей
основанія постановки у насъ сельско-хозяйственнаго образованія.
Такъ въ комиссіи предстоитъ подробное обсужденіе и рѣшеніе
вопроса объ особомъ типѣ низшей сельско-хозяйственной школы,
которая у насъ находится еще въ весьма слабомъ развитіи. Рѣчь
идеть о спеціальныхъ среднихъ и низшихъ школахъ, гдѣ должна
быть тщательно изучаема извѣстная отрасль сельско-хозяйствен-
ной промышленности. Наши нынѣшнія сельско-хозяйственныя
учебныя заведенія обнимаютъ чрезчуръ широкую программу и
потому доступны только извѣстному кругу учащихся, изъ кото-
рыхъ, однако, не выходитъ безусловно хорошихъ практиковъ-хо-
зяевъ. Что же касается до такихъ школъ, гдѣ каждый желающій
могъ бы, напримѣръ, подробно и основательно изучить табако-
водство или хмѣлеводство, или иную отрасль сельско-хозяйственной
промышленности, то въ этомъ отношеніи у насъ посчастливилось
только молочному хозяйству да садоводству, число спеціальныхъ
школъ которыхъ уже весьма значительно и съ каждымъ годомъ
все увеличивается. Съ другой стороны, пчеловодственныхъ школъ
у насъ всего три на Имперію, а школъ другихъ отраслей нѣтъ
совсѣмъ. Комиссія теперь и проектируетъ осуществленіе возможно
большаго числа такихъ школъ разнообразныхъ типовъ.

— «Южный Край» сочувственно отмѣчаетъ особенно важный
для южнаго хозяйства проектъ Министерства Государственныхъ
Имуществъ о странствующихъ учителяхъ садоводства. Насколь-
ко серіознымъ подспорьемъ въ сельско-хозяйственномъ быту яв-
ляется садоводство — видно уже изъ того, что вездѣ, гдѣ оно
развито, цѣнность земли достигаетъ громаднхъ размѣровъ, какъ,
напримѣръ, въ Крыму. Придавая садоводству важное значеніе,
особенно при современномъ состояніи земледѣлія, Министер-
ство Государственныхъ Имуществъ озабочено въ настоящее вре-
мя распространеніемъ въ крестьянскомъ населеніи соотвѣтству-
ющихъ знаній по этому предмету и, въ числѣ главнѣйшихъ
мѣръ для достиженія этой цѣли, намѣтило устройство особыхъ
школъ для приготовленія странствующихъ учителей садоводства.

Такіе странствующіе учителя, переходящіе съ мѣста на мѣсто и распространяющіе полезныя знанія въ народѣ, давно существуютъ уже во Франціи и Германіи и, въ дѣлѣ распространенія знаній среди сельскаго населенія, успѣли принести громадную пользу.

Не подлежитъ сомнѣнію, что указанныя мѣропріятія приносятъ большую пользу нашему садоводству и скажутся подъемомъ экономическаго благосостоянія сельскаго населенія. Теперь большинство нашихъ крестьянъ занимается почти исключительно земледѣліемъ, такъ что довольно одного неурожайнаго года, чтобы въ конецъ разорить крестьянское хозяйство. Другое дѣло если бы крестьяне наши занимались, кромѣ земледѣлія, еще садоводствомъ, пчеловодствомъ и другими отраслями сельскаго хозяйства.

— Въ ряду мѣръ къ обезпеченію народнаго матеріальнаго благосостоянія нельзя не отмѣтить выработанный и поданный нѣсколькими землевладѣльцами на утвержденіе уставъ Общества страхованія лошадей и домашняго скота отъ кражъ. Первоначальный капиталъ 500 тыс. руб. раздѣленъ на пай въ 50 рублей каждый. Скорѣйшее утвержденіе этого устава тѣмъ болѣе желательно, что кражи скота бывають не рѣдко и въ большинствѣ случаевъ весьма вредно отзываются на сельскомъ хозяйствѣ.

— Въ послѣднее время среди католиковъ-чеховъ, поселившихся въ Таврической губерніи, стало замѣчаться стремленіе къ воссоединенію съ православіемъ. Католики-чехи, поселившіеся въ Таврической губерніи въ Мелитопольскомъ уѣздѣ, основали богатое село Чехо-градъ. Чехи живутъ совершенно спокойно, въ полномъ мирѣ съ православными и, какъ народъ трудолюбивый, оказываются весьма полезными для сельско-хозяйственной промышленности губерніи. Въ настоящее время чехи завели и у себя русскія школы и, кромѣ того, начали выказывать живѣйшее стремленіе къ ученію Православной Церкви, даже попросили преосвященнаго Мартиніана проэкзаменовать ихъ дѣтей въ знанія Священнаго Писанія. Откликнулись на это движеніе и другіе чехи и моравцы, поселившіеся въ Таврической губерніи, и стали присоединяться къ православію, иногда цѣлыми семьями. Особенно сильное впечатлѣніе произвело присоединеніе къ православію мѣстнаго народнаго учителя, тоже чеха, съ женой и дѣтьми. Новоприсоединенный получилъ мѣсто учителя въ одной изъ церковно-приходскихъ школъ и въ настоящее время дѣятельно заботится о водвореніи православія среди своихъ бывшихъ единовѣрцевъ въ Θεодосійскомъ и Симферопольскомъ уѣздахъ.

«Нов. Тел.»

— По сообщеніямъ газетъ, вопросъ объ открытіи духовной академіи въ Вильнѣ рѣшенъ въ иоложительномъ смыслѣ. Для помѣщенія ея рѣшено воспользоваться зданіями, оставшимися отъ существовавшей тамъ до 1863 года медико-хирургической академіи.

— По сообщенію «Моск. Ц. Вѣд.», въ послѣднее время католичество проявляетъ большую миссіонерскую дѣятельность, высылая цѣлыя легіоны миссіонеровъ для пропаганды. Успѣхи католичества на западѣ Европы не велики, но и немаловажны, особенно въ Англіи, гдѣ часто обращаются въ католичество старинныя аристократическія фамиліи, и въ Американскихъ соединенныхъ штатахъ. Но главное вниманіе католичества устремлено въ настоящее время на православный востокъ, находящійся подъ мусульманскимъ владычествомъ. Въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія возстановленъ въ Іерусалимѣ латинскій патріархатъ и въ Палестинѣ появляются всѣ монашескіе ордена, кромѣ іезуитовъ, и даже бѣлое духовенство. Каждогодно двигаются сюда толпы римскихъ миссіонеровъ, и въ теченіе только 1889—1890 года одна Ліонская епархія поставила ихъ не менѣе 50 чел. Въ Бейрутѣ учреждается университетъ, и въ немъ за то же время находилось уже до 521 слущ., и семинарія для приготовленія мѣстнаго духовенства; тамошняя типографія работаетъ неустанно, и изданія ея раздаются всѣмъ и каждому. Въ Арменіи, Сиріи, Египтѣ—вездѣ видимъ мы католическую пропаганду. Въ славянскихъ странахъ происходитъ тоже самое. Македонія уже давно подвергается опасности сдѣлаться католическою. Румыніа также, а въ Болгаріи патеры чуть не полные господа. Въ 1882 году извѣстный сотрудникъ Льва XIII, теперешній алжирскій примасъ, кардиналь Лавижери, открылъ въ Іерусалимскомъ монастырѣ св. Анны семинарію для подготовленія духовенства греческаго обряда, и это знаменуетъ собою послѣдній поворотъ палской миссіонерской политики. По словамъ Зальцбургскаго іезуитскаго журнала «Katholische Kirschenzeitung» (№ 30 отъ 17 апрѣля 1891 г.), Левъ XIII убѣдился, что восточные народы никогда не согласятся на принятіе католичества, если съ этимъ связано отреченіе отъ своей самобытности въ обрядовыхъ особенностяхъ и родномъ языкѣ. По этому миссіонерамъ вмѣняется въ обязанность совершать богослуженіе на родномъ языкѣ и соблюдать мѣстные обряды, чтобы съ тѣмъ большимъ успѣхомъ заманивать православныхъ въ свои мрежи и изъ среды ихъ составить преданныхъ друзей.

— Каждому извѣстно, насколько бываетъ необходима помощь въ такого рода несчастныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ: перело-

мы, вывихи, ожоги, кровотеченіе изъ ранъ и т. п. Во всѣхъ этихъ случаяхъ пострадавшій не можетъ обойтись безъ посторонней помощи, и эту помощь приходится прежде всего оказывать тѣмъ лицамъ, которыя являются невольными свидѣтелями указаннаго рода несчастій. Но часто окружающіе пострадавшаго не знаютъ, за что и какъ взяться, и вслѣдствіе этого оставляютъ несчастнаго страдальца въ безпомощномъ положеніи. Бываетъ, что потерпѣвшіе увѣчья въ разныхъ несчастныхъ случаяхъ, оставаясь долгое время безъ первоначальной помощи, погибаютъ я, что особенно прискорбно,—нерѣдко погибаютъ даже отъ незначительныхъ, сравнительно, поврежденій. Еще чаще случается, что въ указанныхъ несчастныхъ случаяхъ, окружающіе пострадавшаго, оказывая ему помощь, вмѣсто пользы приносятъ ему вредъ. Въ разсматриваемыхъ случаяхъ иногда даже самое положеніе тѣла пострадавшаго имѣетъ рѣшающее значеніе; наиримѣръ, при кровотеченіи изъ пальцевъ руки, непременно надо для остановки кровотеченія поднять руку вверхъ; утопленника первоначально надо положить головою внизъ; при всѣхъ серьезныхъ поврежденіяхъ груди, живота и нижнихъ конечностей нужно пострадавшаго нести въ лежачемъ положеніи. Къ глубокому прискорбію большинство у насъ не знакомо съ этими и подобными имъ элементарными медицинскими свѣдѣніями. Отсюда случается то, что, напр., утопленники, которые могли бы быть возвращены къ жизни, умираютъ вслѣдствіе неумѣлаго и основаннаго на предразсудкѣ ухода. Вотъ почему весьма желательно было бы широкое распространеніе необходимыхъ медицинскихъ свѣдѣній о способахъ подавія первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ.

Въ послѣднее время С.-Петербургскимъ торговымъ домомъ Н. Фену и К^о издано восемь картинъ подъ заглавіемъ: «Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ до прибытія врача». Въ частности содержаніе картинъ составляетъ: 1) оживленіе утопленниковъ, 2) перевязка ранъ, 3) остановка кровотеченія на головѣ и туловищѣ, 4) остановка кровотеченія на рукѣ и ногѣ, 5) пособіе при переломахъ и вывихахъ, 6) пособіе при ожогахъ, угарѣ и отмораживаніяхъ, 7) пособіе при отравленныхъ ранахъ (укушеніяхъ ядовитыми животными) и 8) перевозка и переноска раненныхъ и тяжело больныхъ. Всѣ эти картины, по размѣру— $15\frac{1}{2} \times 10$ верш., на превосходной глянцовой бумагѣ, изящно исполнены хромолитографіей; каждая картина снабжена текстомъ. Картины эти изданы по распоряженію Ея Императорскаго Высочества, Прин-

цессы Евгеніи Максимиліановны Ольденбургской. Уже одно это обстоятельство свидѣтельствуесть о важности и значеніи разсматриваемаго изданія. Дѣйствительно, это изданіе представляетъ собою вполне общедоступное руководство для поданія первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ до прибытія врача. Самыя картины служатъ нагляднымъ изображеніемъ всѣхъ необходимыхъ въ указанныхъ случаяхъ врачебныхъ приѣмовъ, а текстъ картинъ, хотя сжатъ, но ясно и просто раскрываетъ и дополняетъ помѣщенные на нихъ изображенія. Каждый, такимъ образомъ, по этимъ картинамъ можетъ наглядно ознакомиться съ необходимыми, въ разнаго рода случаяхъ, врачебными приѣмами. Даже неграмотнаго весьма легко познакомить по этимъ картинамъ со способами поданія первой врачебной помощи пострадавшимъ: стоитъ только заставить его всмотрѣться въ картины и прочесть ему сопровождающій ихъ текстъ. Въ виду наиболѣе широкаго распространенія важныхъ и необходимыхъ свѣдѣній о способахъ поданія первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ весьма желательно было бы, чтобы наши читатели отнеслись къ изданію упомянутыхъ картинъ съ должнымъ вниманіемъ и полнымъ сочувствіемъ и озаботились ихъ приобрѣтеніемъ. Но особенно настаиваемъ мы на необходимости приобрѣтенія упомянутыхъ картинъ сельскими священниками. Отъ нихъ чаще всего ждутъ первой помощи при различнаго рода несчастныхъ случаяхъ, а потому имъ особенно необходимо имѣть знакомство съ основными врачебными приѣмами, дабы съ успѣхомъ оказывать первую помощь пострадавшимъ. Тѣмъ болѣе полезно для каждаго священника приобрѣтеніе указанныхъ картинъ, что, благодаря этому, онъ не только самъ можетъ ознакомиться со способами поданія первой помощи пострадавшимъ, но съ тѣми же свѣдѣніями весьма легко по картинамъ можетъ познакомить и всякаго изъ своихъ прихожанъ. Чѣмъ больше лицъ будетъ ознакомлено съ указанными картинами, особенно въ мѣстностяхъ, удаленныхъ отъ врачебныхъ центровъ, тѣмъ, конечно, благовременнѣе будутъ получать помощь пострадавшіе и тѣмъ благотворнѣе для нихъ будетъ эта помощь. Надѣмся и даже увѣрены, что духовенство откликнется на нашъ призывъ и запасется предлагаемыми ему полезными картинами. Для ознакомленія съ цѣною картинъ и способомъ ихъ приобрѣтенія ниже помѣщается объявленіе.

НЕКРОЛОГЪ.

24-го августа н. г. въ 6 час. 37 минутъ вечера, напутствуемый таинствами елеосвященія и св. причастія скончался села Андреевки священникъ Алексій Григорьевичъ Поповъ, на 63-мъ году своей жизни, послѣ тяжелой и продолжительной болѣзни.

Смерть о. Алексія для всѣхъ знавшихъ его была неожиданностію, такъ какъ почившій отличался особою, изъ ряда выходящею, физическою силою и, повидимому, не сокрушимымъ здоровьемъ.

Почившій окончилъ курсъ въ Харьковской духовной Семинаріи въ 1853 году, въ томъ же году 3-го сентября поступилъ священникомъ въ Ново-Осиновку Кулианскаго уѣзда и въ томъ же году 18-го ноября переведенъ въ село Шиповатое, а 20 марта 1890 года, въ Андреевку.

Поступивши на приходъ еще въ время крѣпостнаго права, когда не только докторъ, но даже фельдшеръ для деревни былъ роскошью, о. Алексій приложилъ къ дѣлу свѣдѣнія по медицинѣ, пріобрѣтенныя въ семинаріи; къ тому же Господь послалъ ему жену по сердцу его—сердобольную и образованную. Они составили домашнюю аптечку, и ни одинъ заболѣвающій не обходился безъ ихъ помощи; лечилъ о. Алексій и болѣзни животныхъ. Когда въ уѣздѣ была открыта земская медицина,—и тогда съ большимъ довѣріемъ прихожане относились къ батюшкѣ, чѣмъ къ фельдшеру, въ особенности на первыхъ порахъ. При проѣздѣ черезъ Шиповатое Преосвященнаго Іустина, нынѣ епископа Курскаго, прихожане доложили ему о своемъ батюшкѣ—докторѣ, за что онъ удостоился получить особенную благодарность, кромѣ всегдашней отъ прихожанъ, и отъ Его Преосвященства. Еще болѣе о. Алексій привлекалъ къ себѣ сердца пасомыхъ какъ врачъ духовный, своими совѣтами, наставленіями, утѣшеніями. Оказывалъ почившій пастырь иногда и матеріальную помощь своимъ духовнымъ дѣтямъ. Зная хорошо, какъ нужны деньги бѣдному крестьянину при разныхъ его семейныхъ обстоятельствахъ—свадьбѣ, погребеніи и проч., онъ за эти требы въ это время ничего не бралъ, не рѣдко даже помогалъ, а получалъ черезъ полгода или черезъ годъ. Богослуженіе почившій о. Алексій совершалъ всегда торжественно, неснѣшно и съ благоговѣніемъ. Крестилъ младенцевъ только утромъ, не пивши чаю. Вѣнчалъ не иначе, какъ предварительно научивши молодыхъ молитвамъ и заповѣдямъ, почему нерѣдко можно было встрѣтить въ его домѣ, особенно осенью, толпу молодыхъ парней и дѣвушекъ, изучавшихъ подъ руководствомъ его молитвы и заповѣди; за это прихожане любили и уважали его: каждое слово батюшки было для нихъ закономъ.

Окружному духовенству извѣстна тактичность о. Алексія въ жизни:

ся къ кому бы то ни было безъ рясъ. Если о. Алексію приходилось бывать на съѣздахъ—благочинническомъ, училищномъ и епархіальномъ, то онъ никогда не позволялъ себѣ первому ораторствовать, а говорилъ, когда спрашивали его мнѣніе или когда онъ видѣлъ, что вопросъ неправильно рѣшается. Зная его житейскую и служебную опытность, сослуживцы нерѣдко пользовались его совѣтами. Епархіальное начальство за отличную и полезную службу почтило его наградами: въ 1856 году въ память Крымской войны бронзовымъ крестомъ, въ 62-мъ году набедренникомъ, въ 73-мъ году скуфьею, въ 78 году набедренникомъ отъ Св. Синода, въ 80 году камлавкою, а въ настоящемъ году наперснымъ крестомъ, котораго даже не пришлось ему возложить на себя. Служа на одномъ и томъ же приходѣ 37 лѣтъ, о. Алексій состоянія не оставилъ никакого, кромѣ большаго ветхаго дома, подареннаго владѣлицею г-жею Козляниновою. Погребеніе о. Алексія было совершено 26 августа заштатнымъ священникомъ, 88—лѣтнимъ старцемъ, о. Андреемъ Грабовскимъ, призрѣваемымъ о. Алексѣемъ въ теченіе 12-ти лѣтъ, при участіи 4-хъ священниковъ и діакона. Храмъ былъ полонъ молящимися, не только своими прихожанами, но и изъ сосѣднихъ приходоу. По волѣ почившаго погребеніе отличалось скромностію, простотою и обильнымъ поминальнымъ обѣдомъ для прихожанъ, на который собралось болѣе 600 душъ.

Въ заключеніе скажемъ словами апостола Павла отъ имени почившаго іерея Алексія: *подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ: прочее убо соблюдается ми отънеизъ привды, его же воздастъ ми Господь въ день судный* (2 Тим. 4, 7—8).

Тиражъ выигрышей втораго внутренняго съ выигрышами займа, произведенный въ Петербургѣ 2-го сентября 1891 г.

Главные выигрыши пали на слѣдующіе №№ билетовъ:

№№ серій.	№№ билет.	Сумма.	№№ серій.	№№ билет.	Сумма.	№№ серій.	№№ билет.	Сумма.	№№ серій.	№№ билет.	Сумма.
4056	50	200000	17141	46	8000	15050	25	1000	1816	40	1000
10135	14	75000	14346	46	8000	13541	39	1000	5373	1	1000
9080	24	40000	18981	30	5000	11497	2	1000	2819	37	1000
6318	31	25000	7111	25	5000	10654	26	1000	6216	26	1000
14791	5	10000	306	1	5000	2871	39	1000	8933	10	1000
14579	6	10000	19441	28	5000	10310	23	1000	10019	28	1000
1910	41	10000	19491	15	5000	11657	40	1000	9919	28	1000
1019	42	8000	16523	20	5000	17465	36	1000	4297	30	1000
13118	39	8000	3765	8	5000	784	32	1000	13320	4	1000
9221	42	8000	19599	48	5000	3640	38	1000	12182	4	1000

Выигрыши въ 500 руб. пали на слѣдующіе №№ билетовъ:

№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	
3932	1	7637	7	6089	15	19226	22	6291	29	3325	36	8741	44	
3452	2	8981	7	11341	15	8220	23	10303	29	2754	36	10224	44	
6630	2	16669	7	1191	16	14045	23	19097	29	8907	36	5549	45	
8922	2	17288	8	2861	16	15250	23	5778	30	3764	37	9498	45	
12491	2	18089	8	17901	16	452	24	9694	30	14915	37	14177	45	
13945	2	1696	9	1019	17	7252	24	10801	30	886	38	18975	45	
15318	2	3350	9	4313	17	7758	24	15745	30	2952	38	19021	45	
16732	2	9039	9	5289	17	12970	24	17282	30	11733	38	19431	45	
17716	2	9835	9	10346	17	1694	24	5564	31	11934	38	3216	46	
19707	2	10292	9	12518	17	4382	25	11868	31	16935	38	7257	46	
3482	3	13369	9	19072	17	5882	25	13576	31	252	39	8602	46	
7298	3	19995	9	19438	17	8898	25	15567	31	3982	39	14377	46	
8786	3	2500	10	3956	18	11014	25	1972	32	5981	39	67	47	
9887	3	3615	10	14206	18	11312	25	7037	32	9329	39	443	47	
15263	3	4680	10	15968	18	11580	25	9078	32	13220	39	2436	47	
16847	3	11052	10	16974	18	19334	25	15410	32	16894	39	3759	47	
17958	3	17685	10	18430	18	5	26	17172	32	1320	40	7650	47	
18734	3	3386	11	635	19	624	26	17312	32	4429	40	7779	47	
19201	3	3645	11	2720	19	9709	26	1038	33	11937	40	11500	47	
644	4	5739	11	8586	19	13058	26	3025	33	12881	40	12819	47	
7783	4	8423	11	8842	19	6343	26	4349	33	13600	40	5028	48	
12784	4	10517	11	14591	19	17813	26	4716	33	8435	41	5650	48	
19396	4	13544	11	14604	19	17846	26	9443	33	12355	41	9591	48	
2907	5	3670	12	15582	19	641	27	9885	33	16276	41	12618	48	
5956	5	9705	12	16571	19	1978	27	18086	33	19779	41	18829	48	
10158	5	15317	12	2792	20	8038	27	12020	34	4883	42	19161	48	
11815	5	18951	12	3311	20	13116	27	15500	34	8576	42	19708	48	
16509	5	5571	13	8340	20	1738	28	16990	34	11400	42	7352	49	
17588	5	6388	13	15776	20	3294	28	19411	34	15429	42	8203	49	
	3	6	12959	13	9742	21	3746	28	19995	34	4039	43	10097	49
1173	6	16315	13	13401	21	4359	28	6639	35	4433	43	14646	49	
2085	6	8130	14	14346	21	6511	28	8051	35	8755	43	7390	50	
5763	6	12377	14	3597	22	7261	28	10693	35	12881	43	9159	50	
7746	6	13211	14	5696	22	11533	28	11199	35	14250	43	11847	50	
8437	6	18980	14	6650	22	11555	28	12397	35	15168	43	11949	50	
9038	6	2674	15	11551	22	12909	28	784	36	16830	43	13105	50	
18035	6	5885	15	13457	22	13033	28	826	36	18848	43	15890	50	
1771	7													

Уплата выигрышей будетъ производиться исключительно въ банкѣ, въ С.-Петербургѣ съ 1 декабря 1891 г.

Таблица серій билетовъ 2-го внутренняго 5% съ выигрышами займа 1866 г., вышедшихъ въ тиражъ погашенія, произведенный въ Правленіи Государственнаго банка 2-го сентября 1891 года.

19568	5711	19101	17081	10218	5863	18451	7802	12368	18431	4560
7843	9199	7983	15955	6419	15630	2809	14588	6402	17628	14241
5306	18404	14901	18600	1053	7356	5758	1563	15266	12938	9540
17386	12836	16824	14138	19335	17006	8425	9041	5469	5295	2465
17197	7521	2952	18883	10221	17908	14928	5837	15582	639	
13479	18539	8102	3434	13437	10373	15297	12307	15427	1410	
17668	15808	5979	8432	13775	16594	11594	17610	5024	11288	
7954	2384	17291	14010	6895	3477	20655	9774	6011	19098	
4401	16366	13824	6476	7608	8057	846	3274	17981	7534	

Уплата капитала по вышедшимъ въ тиражъ билетамъ, по 125 р. за билетъ, будетъ производиться съ 1-го декабря 1891 г. въ Государственномъ

Торговый Домъ Н. ФЕНУ и К^о.

Неекий пр., в. Армянской церкви, прот. Гостиница двора.

въ С.-Петербургѣ.

Подъ покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества

Принцемъ Княземъ Максимъ Ивановичемъ Ольденбургскимъ

Фирма Н. ФЕНУ и К^о издала восемь картинъ подъ общимъ заглавіемъ:

ПЕРВАЯ ПОМОЩЬ ВЪ НЕСЧАСТНЫХЪ СЛУЧАЯХЪ

ДО ПРИВЪСТІЯ ВРАЧА.

Картины, 15 1/2 x 10 верст., изданы помощіемъ Хромографіей, по указанію г-ра Г. И. Тарнова, съ акварелей художника В. П. Шербера, въ картографическомъ заведеніи П. Ильина.

СОДЕРЖАНІЕ КАРТИНЪ.

1. Оживленіе утопающаго.	6. Пособіе при ожогахъ, гниль и отморозженностяхъ.
2. Перевязка ранъ.	7. Пособіе при травленіяхъ растеній (укрышительная водопитка и ванна).
3. Остановка кровотеченія на лодкѣ и на лошади.	8. Перевозка и перевязка раненныхъ и тяжело больныхъ.
4. Остановка кровотеченія на рукахъ и ногѣхъ.	
5. Пособіе при ревматизмѣ и вывихахъ.	

Цѣна каждой картинѣ 25 коп.

ПРИ ТУРГОВЫХЪ ЗАКАЗАХЪ ДѢЛАЕТСЯ УСТУПКА.

На заказъ въ томахъ ильничныхъ цѣнникахъ и на пересылку заказанныхъ гандерома:

- за 1 картину 25 к.
- 4 картины 30 к.
- 8 картинъ 40 к.
- 12 картинъ 50 к.

в т. ч., прибавили за каждую картину по 10 коп. Для турговыхъ заказовъ, когда можетъ быть отравлена по желанію хороше или чертѣ транспортную контору, за пересылку взимается по вѣсу и расстоянію.

Съ требованіями обращаться въ Торговый Домъ Н. ФЕНУ и К^о, въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., 40. Телеграммой: С.-Петербургъ ФЕНУ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 ГОДЪ

(3-й годъ изданія)

на общепонятно-научный, иллюстрированный еженедѣльный журналъ

„НАУКА И ЖИЗНЬ“

Единственный въ Россіи журналъ, дающій возможность неспеціалистамъ слѣдить за успѣхами всѣхъ отраслей точнаго знанія.

Текстъ иллюстрируется роскошными гравюрами, изъ коихъ многія исполнены въ Парижѣ. Въ годъ дается до 500 гравюръ.

Выходитъ еженедѣльно, по субботамъ, каждый № въ два печатные листа на превосходной веленовой бумагѣ.

Подробная программа журнала:

- 1) Общепонятныя статьи по всѣмъ отраслямъ естественныхъ и физико-математическихъ наукъ; приложенія наукъ къ практической жизни и промышленности; открытія, изобрѣтенія, усовершенствованія.
- 2) Медицина (особенно гигиена), сельское и домашнее хозяйство, лѣсоводство.
- 3) Статьи по исторіи наукъ и промышленности; научная хроника и смѣсь; библиографія.
- 4) Научныя игры и развлеченія; задачи; почтовый ящикъ.
- 5) Всякіе рисунки, относящіеся къ тексту.
- 6) Объявленія.

Согласно увѣдомленію Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, отъ 1 мая 1891 г., за № 7669, журналъ „НАУКА И ЖИЗНЬ“, ученымъ комитетомъ сего Министерства „Одобрень для ученическихъ (старшаго возраста) библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія“.

Въ будущемъ 1892 году предполагаются значительныя улучшенія и измѣненія, съ цѣлью сдѣлать текстъ еще болѣе общепонятнымъ, безъ ущерба строго научному направленію. Отдѣлъ сельскаго хозяйства значительно расширяется, съ цѣлью избавить небогатыхъ подписчиковъ отъ выписки дорогихъ и непонятныхъ, по спеціальному изложенію, журналовъ.

Оставшіеся за 1890 годъ полныя экземпляры высылаются по уменьшенной цѣнѣ—за три рубля.

Новые подписчики на 1891 годъ получаютъ съ № 1.

**Подписная цѣна съ пересылкой и доставкой: на годъ ПЯТЬ
на полгода ТРИ рубля.**

№ для ознакомленія высылается за двѣ 7 коп. почтов. марки.

Адресъ: Москва. Въ редакцію журнала „Наука и Жизнь“ (Малая Дмитровка, д. Шильбахъ).

НОВАЯ КНИГА.

Сборникъ Духовныхъ и Гражданскихъ законовъ по дѣламъ брачнымъ и о законности рожденія.

Краткое содержаніе книги: *I. О подвѣдомственности брачныхъ дѣлъ. II. О бракахъ незаконныхъ и недѣйствительныхъ: а) о бракахъ по паслѣю, обману или въ сумашествіи одного или обоихъ брачавшихся; б) о бракахъ лицъ, недостигшихъ возраста, Церковію опредѣленнаго для вступленія въ бракъ, или же имѣющихъ отъ роду болѣе 80 лѣтъ или вступившихъ въ 4 бракъ; в) о бракахъ лицъ, состоящихъ въ близкомъ, т. е. въ запрещенныхъ церковными правилами степеняхъ, кровномъ или духовнымъ родствѣ или свойствѣ; г) о многобрачїи; д) о бракахъ монашествующихъ, а равно и посвященныхъ уже въ іерейскій или діаконскій санъ, заключенныхъ во время пребыванія ихъ въ семъ санѣ; е) о бракахъ лицъ, которымъ по распоряженіи брака воспрещено вступать въ новый; ж) о бракахъ лицъ православнаго исповѣданія съ пехристианами. III. О бракахъ мизъ новокрещенныхъ. IV. Объ отвѣтственности священно-церковно-служителей за повнманіе незаконныхъ браковъ. V. Объ отвѣтственности подписывающихся подъ обысками о женихахъ и невестахъ свѣтскаго состоянія людей въ случаѣ какихъ либо подлоговъ. VI. О прекращеніи браковъ. VII. О расторженіи браковъ: а) въ случаѣ осужденія одного супруга къ наказанію, сопряженному съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія; б) въ случаѣ безвѣтнаго отсутствія одного изъ супруговъ; в) по прелюбодѣянїю и по причинѣ неспособности къ супружеской жизни. VIII. Объ удостовѣреніи о дѣйствительности событія браковъ, рожденіи отъ законнаго брака и выдачѣ о сихъ событіяхъ метрическихъ свидѣтельствъ, выписей и справокъ.*

Цѣна 1 р. 60 к., съ пересылкою 1 р. 80 к.—Продается у составителя сего Сборника столоначальника Харьковской Д. Консисторїи С. В. Калашникова.

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЯ ЗАДАЧИ ФИЛОСОФІИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ЗАКОНЪ ПРИЧИННОЙ СВЯЗИ,

КАКЪ ОСНОВА УМОЗРИТЕЛЬНОГО ЗНАНІЯ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ.

Л. Лопатина.

Цѣна 2 рубля.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ настоящемъ году по прежнему будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первыя двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составить собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ» свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.